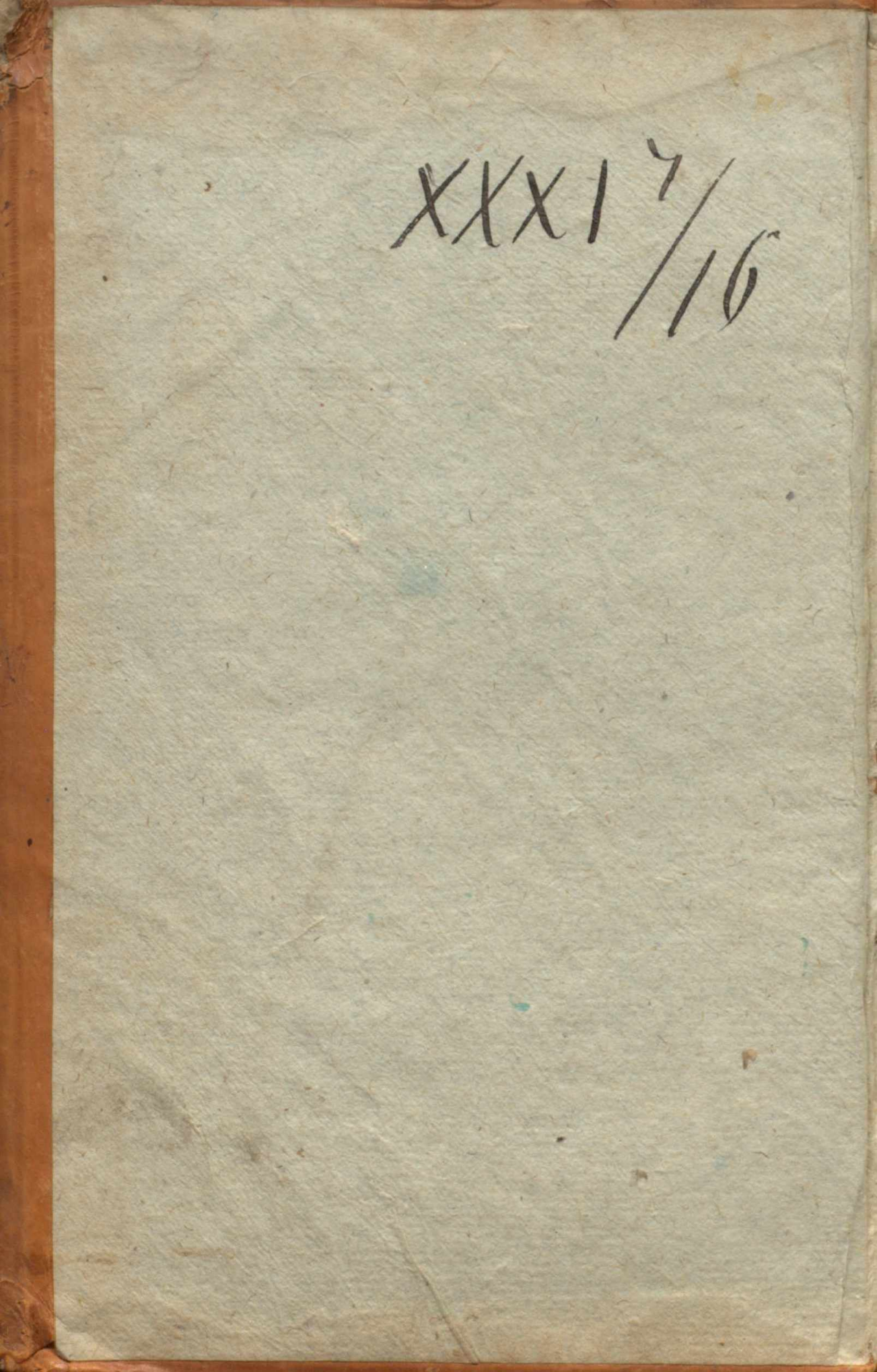

ОРК
282007
Геллерт Х. Ф.
Нравоучение
1775 г.
Р

XXXI 7/16

Х. Ф. ГЕЛЛЕРТА

Профессора Нравоученія, и Свободныхъ Наукъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ.

НРАВОУЧЕНІЕ

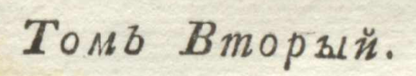
СЪ

НѢМЕЦКАГО НА РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕВЕДЕНО

Московской Академіи Еврейскаго и Греческаго языковъ учителемъ

МИХАЙЛОМЪ ПРОТОПОПОВЫМЪ.

Томъ Вторый.

При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1777 года, *на коштъ Х. Л. Вевера.*

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРУ,

СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ, СВЯТАГО АЛЕКСАН-
ДРА НЕВСКАГО И СВЯТЫЯ АННЫ

КАВАЛЕРУ.

Милостивѣйшій Государь!

Выпуская въ свѣтъ для пользы своихъ соотечественниковъ переведенный мною вторый и послѣдній томъ Геллертова нравоученія, кому наиприличнѣе долженъ я оный посвятить, какъ Вамъ Сіятельнѣйшій Князь? Вамъ, котораго имени и первый его же томъ приписанъ; Вамъ, котораго покровительству всего себя вручилъ. Въ семъ въ дѣйство произведенномъ мною намѣреніи Россійское общество не почтетъ меня ни ласкательствующимъ, ни безосновательнымъ, ежели только возметъ въ безпристрастное разсужденіе все то, чѣмъ блистаетъ Ваше Сіятельство Знатность поколѣнія, которое Вы ведете отъ самыхъ древнихъ и достохвальныя услуги Россіи показавшихъ предковъ; разумъ и проницательство, которыми Вы столь преимущественно будучи снабдѣны, стараетесь не называться только, но и въ самомъ дѣлѣ быть вѣрнымъ сыномъ Отечества; справедливый вкусъ, которой Вы получивъ чрезъ просвѣщеніе въ знаніяхъ и наукахъ, всегда склонны къ облагодѣтельствованію, и слѣдовательно къ ободренію тѣхъ, кои въ оныхъ упражнялись, или еще упражняются; высочайшія благоволенія, сопряженныя съ награжденіями, которыя къ Вамъ Премудрая МОНАРХИНЯ являетъ за усердное исполненіе ЕЯ намѣреній, клонящихся къ пользамъ

 на-

народовЪ, ЕЯ владычеству покоренныхЪ; все сіе довольно ручается, чтобЪ ВамЪ поднесть переводЪ толико драгоцѣннаго сочиненія, и чрезЪ то воздвигнуть знаки безсмертія, собственно Вашему имени принадлежащіе. Здѣсь бы я могЪ быть еще пространнѣе вЪ описаніи превосходныхЪ качествЪ Вашего Сіятельства, и представить, сколь много Вы достоинствами разума жертвуете достоинствамЪ сердца вЪ общеполезное созиданіе своихЪ согражданЪ, ежели бы только не препятствовала вЪ томЪ краткость, обыкновенно наблюдаемая вЪ посвятительныхЪ письмахЪ. И такЪ я оставляя сіе другимЪ родамЪ сочиненія заключающимЪ вЪ себѣ дѣла знатныхЪ особЪ, прошу только Ваше Сіятельство удостоить своего благоволенія и сей вторый, такЪ какЪ первый, томЪ свидѣтельствующій мою глубочайшую преданность, сЪ которою есмь на всегда.

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Милостивѣйшаго Государя

Всенижайшій слуга

Михайло ПротопоповЪ.

СОДЕ

СОДЕРЖАНІЕ

Втораго тома.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

третьяго отдѣленія

О главнѣйшихъ должностяхъ человѣка.

Шестоенадесять ученіе

Двадe-

ПРИБАВЛЕНІЕ.

НРАВСТВЕННЫЯ НАЧЕРТАНІЯ,

ШЕСТОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

О должностяхъ въ разсужденіи благихъ душй, а именно: въ разсужденіи употребленія силъ разума.

Все согласуется насъ важной должности, которая до насъ касается, научить, силы нашего духа исправить и изобразить, о чемъ бы мы ни разсуждали о естествѣ и концѣ сихъ самихъ силъ, или о пользѣ и удовольствіи, которое съ исправленіемъ и надлежащимъ употребленіемъ оныхъ сопряжено,

Нашъ разумъ есть неоцѣненный даръ. Помощію его научаемся различать истинну и заблужденіе, добро и зло; и себя, людей, свѣтъ и Бога яко Создателя, Правителя и Законодателя ихъ познавать. Онъ показываетъ помощію опыта вліяніе, которое предметы естества на наше счастіе, или несчастіе имѣютъ. Чрезъ его свѣтъ открываемъ то, что во внутренности душй случается, и бываемъ свѣдущіи о нашихъ намѣреніяхъ, заключеніяхъ и тайнѣйшихъ склонностяхъ. Чрезъ него

научаемся согласію нашихъ намѣреній съ нашими дѣйствіями, и ихъ извѣстному, или вѣроятному слѣдствію въ разсужденіи настоящаго, или будущаго. Наипаче научаетъ онъ насъ естество, и въ порядкѣ, пользѣ и величествѣ онаго, премудрость, благость и могущество своего начальника познавать и его святость и правосудіе въ нашей собственной совѣсти и въ различіи примѣчать, которое мы между добродѣтелію и порокомъ, справедливостію и несправедливостію чувствовать принуждены.

Пространство и ясность сего свѣта души возрастаетъ, когда мы оной внимательно и осторожно на его конецъ употребляемъ. Онъ уменьшается, когда онаго не употребляемъ, и закрывается во тьмѣ, когда на зло употребляемъ. Еще не должно забыть, что сія ясность безъ старанія, безъ продолжаемаго старанія, безъ помощи наставленія, безъ прилѣжнаго и ежедневнаго размышленія не прирастаетъ. Чрезъ упражненія бываетъ разумъ крѣпче; чрезъ частое употребленіе своихъ способностей округъ его познанія распространяется и его господство надъ сердцемъ и его склонностями утверждается. Напротивъ того чрезъ нерадѣніе и злоупотребленіе силъ разума раждаются въ душѣ подобно какъ въ худо управляемомъ Государствѣ заблужденія, сопротивленія и возмущенія. Заблужденія и обманы выгоняютъ тогда справедливыя и истинныя представленія изъ той власти, которая имъ собственно принадлежитъ. Несправедливыя мнѣнія раждаютъ несправедливыя желанія, предметамъ нашихъ склонностей придаютъ ложное до-

стоин-

стоинство, и производятъ бунтующіяся страсти, сихъ мучителей нашего сердца и тѣхъ, кои съ нами живутъ. Неизвѣстныя мнѣнія имѣютъ ужè худое дѣйствіе, такъ, что намъ въ поступкѣ не попускаютъ быть постоянными и простыми; а не справедливыя должны насъ часто приводить въ пороки и глупости, и гдѣ есть такая особенная глупость, котораябы только въ насъ самихъ оставалась, а въ обществѣ не показывалась какимъ нибудь образомъ?

Когда все сіе такъ; когда всѣ силы разума по степенямъ, чрезъ стараніе и употребленіе и медлительно восходятъ; когда нашъ разумъ своимъ проницательствомъ долженъ склонности воли умѣрять и возвышать, *управлять* и учреждать; когда онъ производитъ добродѣтель, порокъ и бѣдствіе отвращаетъ, и помогаетъ достоинство и употребленіе внѣшнихъ благихъ опредѣлять и учреждать, когда онъ есть способность, которой справедливое употребленіе насъ весьма близко приводитъ къ образу божества: то исправлять дары разума, не должно ли быть должностію великой важности? И такъ каждой въ какой бы мѣрѣ его ни получилъ въ меньшей, или большей, обязанъ, сколь долго онъ живетъ, силы онаго возвышать, то есть: по обстоятельствамъ, въ коихъ онъ находится, ни о какомъ средствѣ не радѣть, служащемъ къ естественному просвѣщенію разума, всегда лучшія и надежнѣйшія избирать, и не усыпно употреблять; того уклоняться, что ему въ избраніи, или употребленіи сего средства препятствовать можетъ, и всегда съ искренностію сердца свой разумъ употреблять.

Важнѣйшія изслѣдованія, кои человѣкъ своимъ разумомъ учинить имѣетъ, суть безспорно сіи: откуда я? Что я есмь на землѣ? куда я спѣшу? Какъ достигаю конца и блаженства, къ которому меня Богъ сотворилъ? Не послалъ ли онъ мнѣ, кромѣ моего проницанія, которое столь слабо и ограничено, и кромѣ совѣсти, которую я столь легко могу подавить, когда того мои желанія требуютъ, не послалъ ли онъ кромѣ сего источника познанія еще другаго, какого непосредственнаго откровенія своей воли? Оно ужѐ есть, сказываютъ мнѣ. Слѣдовательно я обязанъ оное познавать, и знаки его божественности тщательно и безпристрастно изслѣдывать, какъ предъ очами Божіими, съ искренностію се́рдца, и въ надежномъ ожиданіи, что Богъ меня въ такомъ важномъ дѣлѣ не попуститъ впасть въ заблужденіе. Да и хотя бы я не видалъ такихъ доказательствъ, коихъ опровергнуть не можно, однако вѣроятныя должны меня побудить вѣрить закону, потому что есть должность разума, слѣдовать вѣроятности, когда она сама по себѣ болѣе имѣетъ основанія, нежели невѣроятныя, или только возможныя. И такъ я не только изъ послушанія къ моему Творцу обязанъ, чрезъ высочайшій свѣтъ откровенныхъ истиннъ, когда онъ ужѐ есть, свой просвѣщать разумъ, ежели я не хочу потерять свое благополучіе; но и притомъ непосредственное откровеніе его воли, яко высочайшее благодѣяніе въ глубочайшей благодарности чрезъ дѣйствительное послушаніе почитать, и ничего святѣе не знать какъ сію волю Божію, которая необходимо должна быть благостію и истинною, живо признавать, и сколько силъ есть исполнять.

Сіе

Сіе мнѣ сказываетъ разумъ, которой онъ мнѣ даровалъ. Но в обще разумъ человѣческой только въ разсужденіи естественнаго закона, имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи и руководствѣ откровенія; ибо истинной естественный законъ въ поврежденномъ состояніи, въ которомъ мы находимся, не есть дѣло одного только душевнаго человѣка, какъ такое исторія не оспоримо доказываетъ. (*)

Нравственное употребленіе разума вообще состоитъ въ томъ, что бы мы чрезъ него научались справедливо о томъ разсуждать, что есть истинна и заблужденіе, что добро, или зло, что нашему истинному благополучію способствуетъ, или препятствуетъ, что видъ добра чрезъ наше воображеніе, или чрезъ прелесть желаній получаетъ, или видъ зла чрезъ обманъ оныхъ принимаетъ. Мы должны пріобучать свой разумъ, дѣйствіе отъ его конца никогда не отдалять, потому что добродѣтель не состоитъ только во внѣшнемъ наблюденіи должности, но паче въ превосходящей любви къ добру. Мы должны его употреблять, чтобъ чрезъ его свѣтъ ложное порока сіяніе разсѣвать, и себѣ снискивать проворство, оной часто въ его естественномъ отвращеніи себѣ представлять какъ пагубу разума и сердца, какъ великое безчестіе божественнаго благородства нашей души, какъ возмутителя намѣреній Божіихъ, со всѣми его вредными слѣдствіями, съ небреженіемъ здоровья, добраго имени, внѣшняго благосостоянія жизни, спокойствія совѣсти; оной

(*) Несселтова выписка изъ защищенія истинны и божественности вѣры 70. 74.

всегда представлять какъ страшной предметъ Божескаго неудовольствія, какъ то, что наше состояніе чрезъ цѣлую вѣчность всегда должно дѣлать ужаснѣйшимъ. Мы должны разумъ пріобучать, чтобъ не былъ тороплывъ при своихъ разсужденіяхъ, чтобъ чувства и страсти не вводили его въ безразсудность, мнѣнія множества не прельщали; а насиліе примѣровъ не отвлекало къ ложнымъ изреченіямъ. Мы должны чрезъ него примѣчать препятствія добра, мы должны научаться наши склонности и мнѣнія познавать, и все наши желанія и старанія покорять главному намѣренію, чтобъ Богу чрезъ то быть пріятными, и чрезъ Него безконечно благополучными становиться. Наконецъ должны мы такъ же свой разумъ употреблять на надлежащее познаніе такихъ художествъ, ремеслъ и дѣлъ, кои нужны въ человѣческой жизни, безъ упражненія которыхъ ни довольно полезны бываемъ, ни можемъ уклониться отъ праздности, отъ дикаго врага добродѣтели.

И такъ кто чрезъ естественныя средства наставленія, опыта и примѣра можетъ быть разумнѣе и мудрѣе, а таковыми мы можемъ всѣ быть, а о сихъ средствахъ не брежетъ, или съ нерадѣніемъ употребляетъ, тотъ грѣшитъ въ своемъ разумѣ. Кто сихъ средствъ не со тщаніемъ, котораго они достойны, ищетъ, тотъ оставляетъ святую должность. Кто себѣ, когда самъ себѣ господинъ, и своимъ разумомъ владѣетъ, не опредѣляетъ времени для поправленія и распространенія своего познанія, тотъ весьма мало любитъ истинну, а свой покой и лѣность несравненно болѣе. Ежели чрезъ доброволное употребленіе и

упра-

упражненіе въ познанной должности разума, можно утвердить увѣреніе о сей должности и о ея превосходствѣ: то всѣ тѣ свѣтъ своего разума ослабляютъ, кои какъ скоро что нибудь такое, въ чемъ должно упражняться, признаютъ яко истиннымъ и добрымъ, въономъ не такъ скоро, и не столь часто упражняются, сколь не преодолимыя трудности въ томъ имъ не препятствовали. Опытъ, особливо внутренній, есть почти всегда твердѣйшимъ и яснѣйшимъ доказательствомъ истинны, и чрезъ самое то онъ есть приращеніемъ разума. Свой разумъ не пріобучать къ собственному размышленію; а его всегда учреждать по примѣру другихъ, значитъ свое стяжаніе оставлять, чтобъ можно было нищенствовать. Свой разумъ только для того исправлять, чтобъ онымъ блистать, есть наружное великолѣпіе разума. Всѣ люди могутъ получить здравой, справедливой разумъ чрезъ наставленіе, обхожденіе и упражненіе: онъ есть ходячая монета свѣта. Тонкой и прекрасной разумъ есть драгоцѣнной камень, ежели его просто носить будутъ, потеряетъ свою важность.

Память надлежащимъ образомъ упражнять такъ же не есть малая должность. О семъ не радѣть, значитъ у разума отнимать содержаніе и его принуждать, истинны и доказательства всегда снова изыскивать оную болѣе упражнять нежели разумъ, значитъ безпрестанно разсѣвать, безъ намѣренія, чтобъ собирать плоды. Сколь часто мы слова безъ ясныхъ понятій принимаемъ, нашу память употребляемъ весьма не сходно съ природою, и чѣмъ болѣе ея богатство такимъ образомъ

разомъ возрастаетъ, тѣмъ бѣднѣе каждой разъ становится разумъ.

Сила воображенія подаетъ мыслямъ разума будто собственные знаки, чрезъ которые между собою легко можно различить, и показываетъ ихъ душѣ въ такомъ видѣ, что она ихъ тѣмъ живѣе представляетъ, и тѣмъ легче въ памяти сохраняетъ. Она дописываетъ изображенія, которыя разумъ нарисовалъ, и придаетъ имъ возвышеніе, свѣтъ и тѣнь; и она пишетъ удачно, сколь долго она подъ смотреніемъ разума свои краски натурально поставляетъ. И такъ сію силу души столь же мало, сколь силу памяти можно пренебрегать, или излишно оную напрягать не повреждая разумъ: и слѣдовательно познаніе истинны. Ежели проницающій, основательный разумъ живое воображеніе имѣлъ съ своей стороны, довольную и *надежную* память помощницею, и благородное чувствительное сердце подкрѣпленіемъ: то онъ бываетъ высокою, природною остротою и учителемъ цѣлыхъ народовъ, сколь долго они его языкъ разумѣютъ. И такъ, чтобъ свой разумъ сдѣлать лучшимъ, надлежитъ и сіи другія силы исправлять и это очень возможно, чтобъ всѣ три вмѣстѣ исправлять; ибо онъ есть единая сила съ различными дѣйствіями. Чѣмъ позже мы сей трудъ начинаемъ, тѣмъ онъ тяжелѣе бываетъ. Чѣмъ ранѣе его начинаемъ, тѣмъ успѣшнѣе бываетъ. Но въ малолѣтствѣ, изощреніе разума, а въ старости непродолженіе, юношами дѣлаетъ шестидесятилѣтныхъ и восмидесятилѣтныхъ. Способъ школьной, по которому мы въ самыхъ первыхъ лѣтахъ научаемся помышлять,

шлять, сохранить какъ силу разсужденія, значитъ, какъ нѣкоторой сочинитель говоритъ, подвязи оставлять, когда зданіе совершено. Когда чувствованія сердца въ нѣжномъ возрастѣ прежде *распускаются* нежели разумъ, и уже бываютъ развращенны прежде нежели разумъ пробуждается, и его господство въ слѣдствіи не сравненно труднымъ дѣлаютъ: то и должно вкусъ и чувствованіе прежде исправлять.

Однако силы своего разума упражнять и утверждать, есть не только крайняя необходимость, но и прелестнѣйшее увеселеніе. Какой радости намъ не приноситъ познаніе натуры, свободныхъ наукъ и художествъ! какихъ выгодъ не пріобрѣтаетъ оно нашему сердцу, и какого украшенія нашимъ нравамъ!

Истинныя правила свободныхъ наукъ краснорѣчія, стихотворства, живописи, рѣзнаго художества, архитектуры и музыки суть образцы натуры. Они увеселяютъ разумъ, когда мы ихъ красивыми, и между собою сопряженно предложенными находимъ. Онъ слышитъ свой собственной гласъ въ правилахъ художества, и увеселяется тѣмъ, что въ законахъ художества, какъ въ законахъ естества, все между собою однимъ главнымъ концомъ согласно. Сердце увеселяется тѣмъ, что оно сіи правила ощущаетъ основанныя на своемъ собственномъ чувствованіи красиваго и благопристойнаго; и правила краснорѣчія, отъ Цицерона, или Фенелона изъясненныя читаютъ съ удовольствіемъ и пользою, безъ того чтобъ хотѣть сдѣлаться Ораторомъ.

Но хотя познаніе правилъ въ свободныхъ наукахъ столь пріятно и полезно: однако въ разсужденіи того удовольствія, которое намъ могутъ подавать дѣйствія способныхъ наукъ и художествъ и въ разсужденіи выгодъ, кои отъ оныхъ нашъ разумъ и наше сердце получаетъ, есть весьма мало.

Представьте себѣ въ примѣръ одну Исторію. Сколь различныя движенія чувствуетъ нашъ духъ, когда онъ помощію ея въ явленія протекшихъ вѣковъ преходитъ и прошедшее видитъ настоящимъ; когда онъ вездѣ можетъ будто какъ въ сокровенномъ мѣстѣ быть зрителемъ людей, ихъ дѣйствій и побужденій, ихъ намѣреній и страстей, когда онъ, то высокихъ, то низкихъ, то мудрыхъ, то глупыхъ, то непорочныхъ, то порочныхъ предъ своими глазами видитъ размышляющихъ и поступающихъ, вездѣ человѣка лучшаго, или хуждшаго, счасшливѣйшаго, или несчасшливѣйшаго, вездѣ ту же самую тварь только съ различными перемѣнами видитъ; вездѣ тварь, которая себя любитъ, которая своего счастія ищетъ, но многоразличными дорогами; вездѣ одинаковой разумъ, но безчисленныя, хорошія, или ложныя употребленія онаго; вездѣ истинну, а болѣе заблужденія, вездѣ добродѣтель и безчисленныя пороки, да и самой порокъ часто въ видѣ добродѣтели; вездѣ понятія о божествѣ и страшныя поврежденія сихъ понятій! какое поучительное и трогающее возрѣніе для разума! здѣсь происходятъ законы, порядокъ и добрые нравы; и государство процвѣтаетъ и укрѣпляется чрезъ прилѣжаніе и храбрость. Тамъ уничтожаются законы

ны и порядокъ подъ перевѣсомъ пороковъ; властолюбіе производитъ смятенія и кровавыя брани; излишество раждаетъ роскошь, нѣжность и праздность; и благосостояніе народовъ опровергается. Тамъ восходятъ художества и науки, и проницанія и нравы народа украшаются. Здѣсь живетъ народъ отдаленной отъ свободныхъ наукъ и знаній; ихъ нравы суть грубы и дики, и ихъ премудрость есть храбрость и жадность къ побѣдѣ. То прилѣжаніе и добродѣтель награждается, то вѣнчается порокъ. Здѣсь плачевное, тамъ счастливое произшествіе, котораго человѣческая премудрость не предусмотрѣла! здѣсь приключеніе, къ которому расположеніе уже въ протекшихъ вѣкахъ было приготовлено; здѣсь произшествіе, которому по всей вѣроятности быть не надлежало! всѣ сіи столь различныя зрѣлища содержатъ нашъ духъ въ такомъ упражненіи, которое будто какъ его стихія. Онъ заключаетъ, сравниваетъ, разсуждаетъ, удивляется, ненавидитъ и любитъ, желаетъ счастія добрымъ, не желаетъ его злымъ, радуется, страждетъ съ невинностію, помогаетъ наказывать порокъ, изумляется и трепещетъ, вездѣ есть въ ожиданіи, часто въ ономъ обманывается, видитъ нравы столь многихъ народовъ и ихъ обряды, ихъ природную остроту и ихъ пороки, ихъ законы и богослуженія, ихъ героевъ и ихъ награды, ихъ мудрыхъ, и ихъ пріуготовленія, все сіе видитъ онъ; и вездѣ, (какая высокая дально видность!) усматриваетъ онъ слѣды Премудраго и Всемогущаго провидѣнія, которое судьбою смертныхъ въ сокровенности правитъ, и чрезъ сіе правленіе хочетъ сдѣлать, чтобъ они со тщаніемъ разсуждали о его волѣ.

Сколь

Сколь многія веселости одна исторія может уже нам приносить и о хороших и худых примерах, кои она нам представляет, конечно очень нерадиво разсуждаем, ежели они не возбуждают в нас любви к добродетели и отвращенія ко злу; да и бегло едва можно об них разсуждать, без того чтоб они полезнейшія правила поступка в гражданской жизни не предлагали.

Опыты краснеречія и стихотворства наш дух столько же увеселяют, сколько они его исправляют. Стихотворство часто бывает поучительнее, нежели Исторія. Оно изображает свои примеры по понятію красиваго, и наставляет тем более, чем более оно нравится. Его истинну память охотно пріемлет, разум возлюбляет и сердце ощущает и красиво предложенная истинна Оратора такое же действіе производит в разуме и в сердце.

Сравните из свободных наук одну с другой. Каждая имеет свою собственную красоту и все нравятся, яко подражательницы естества, и самая их польза принимает на себя вид пріятности.

Живописное художество еще в другой раз сотворяет человека, образ его вечности предает, оно чрез свои краски, одного представляет улыбающимся, другаго постоянным, одного стариком, другаго молодым, оно оказывает его сердце, и его добродетели нам пишет. Которой теперь живет, того потомство когда нибудь увидит пред собою стояща, и увидит его так точно, как мы его сами видели.

Живопи-

живописецъ представляетъ престарѣлаго о палкѣ безъ силы медлительно ступающаго, намъ кажется, что мы слышимъ ясно старика задыхающагося. Когда тотъ, котораго несчастіе мучитъ, на картинѣ безутѣшно плачетъ, наше сострадательство чувствуетъ то, что онъ чувствовать кажется. Веселая улыбающаяся картина принуждаетъ насъ, что бы мы веселились, кого не трогаетъ сіе художество чрезъ свои прелести?

Ежели мы съ наилучшими дѣйствіями художествъ часто и надлежащимъ образомъ обходимся, то исправляемъ свой вкусъ, когда мы его довольствуемъ, и вкусъ въ опытахъ художества дѣлаетъ намъ его красоты виднѣе и разумъ желательнѣе оныя изслѣдывать. Хорошія и полезныя дѣйствія стихотворства, краснорѣчія, живописи, вездѣ исполняютъ нашъ духъ понятіемъ красоты, порядка, согласія и благопристойности. Нашъ разумъ непримѣтнымъ образомъ научается сіе понятіе употреблять на нравы и внѣшней поступокъ по силѣ всеобщаго правила натуры, то отдалять, что намъ не нравится, и все то принимать, что нравится. Такимъ образомъ человѣкъ имѣющій вкусъ въ художествахъ, дѣлается человѣкомъ хорошаго поведенія съ надлежащимъ употребленіемъ онаго вкуса на общество; и его вкусъ, которой чрезъ художества сталъ быть чище и надежнѣе, бываетъ такимъ и въ учрежденіи жизни. Не должно ли что нибудь изъ благородныхъ, милостивыхъ и великодушныхъ чувствованій, кои дѣйствія художествъ изображаютъ, въ наше войти сердце? Мы чувствуя всегда лучи солнца, не должны ли согрѣваемы быть?

Но хотя свободныя науки ничего намъ болѣе не приносятъ, какъ невинное времени сокращеніе: однако они весьма драгоцѣнными остаются. Они исполняютъ свободные часы, кои намъ званіе, или чинъ позволяетъ. Мы можемъ не всегда трудиться, заслуга художествъ развѣ превосходна, ежели она намъ ободренія и новыхъ силъ къ упражненіямъ не подаетъ? ея удовольствіе удерживаетъ отъ нерадивой праздности и неблагороднаго препровожденія времени. Иной бы юноша, которой свои праздные часы посвящаетъ веселости музыки, можетъ быть употребилъ бы оные на безпорядокъ. Еще удовольствіе художествъ есть общественное удовольствіе. Мы можемъ другихъ содержать, когда мы сами себя тѣмъ содержимъ; и разсужденіе, или чтеніе удачнаго опыта можетъ купно увеселить цѣлой кругъ. Художества насъ въ бесѣдахъ, гдѣ другіе онѣмѣваютъ, пріятными и краснорѣчивыми дѣлаютъ. Они у многихъ скучныхъ часовъ отнимаютъ досаду, и похвальная рѣчь есть не велика, которую имъ сдѣлалъ одинъ изъ наивеликихъ знатоковъ оныхъ (*).

Но понеже свободныя науки учреждены для полезнаго и невиннаго увеселенія: то тѣ дѣлаются великими преступниками, кои науки употребляютъ

(*) Сіи науки юношество питаютъ, старость увеселяютъ, благополучіе украшаютъ, нещастію служатъ прибѣжищемъ и утѣхою; увеселяютъ въ отечествѣ, не препятствуютъ внѣ онаго: ночуютъ съ нами, странствуютъ, на поляхъ бываютъ. Хотя бы ихъ сами въ себѣ не имѣли, однако бы имъ должны были удивляться, когда бы въ другихъ видѣли. Циц. за Архія.

бляютъ съ тѣмъ, чтобъ скверныя и сердцу опасныя представленія и страсти возбудить. Великой, но похотливой живописецъ, остроумной, но сластолюбивой стихотворецъ повреждаютъ чрезъ то цѣлые вѣки, и грѣшатъ противъ цѣлыхъ народовъ. Позволить себѣ вкусъ въ такихъ дѣйствіяхъ значитъ свое сердце чрезъ вкусъ отравлять. Мы время, которое намъ отъ нашихъ должностей остается, съ совѣстію можемъ употреблять для удовольствія вкуса. Но время и прилѣжаніе похищать у своихъ упражненій, или всю свою жизнь на науки и удовольствіе, которое они приносятъ, расточать, хотя они не суть наше званіе, сей порокъ отъ разума извиненъ быть не можетъ, да и мы не за тѣмъ на свѣтѣ, чтобъ пріятно грезить. Для своего любопытства и своего вкуса, себя одного и безъ дѣла въ своей библіотекѣ, въ своей кунсткамерѣ запирать, и свои дни чрезъ прилѣжное чтеніе и внимательное разсматриваніе въ оныхъ, сколь бы ни было пріятно, препровождать, есть необщественное, праздная и роскошная жизнь, хотя мы притомъ напрягаемъ свой разумъ. Ибо не напрягаемъ ли оной и въ шахматной игрѣ? А кто бы могъ сему напряганію въ игрѣ свою жизнь посвятить безъ того, чтобъ его не почитать за безумнаго.

Нѣтъ, все употребленіе и упражненіе ихъ разума должно учреждено быть на такой конецъ, чтобъ себя мудрѣйшими и лучшими сдѣлать, и для услуги свѣта полезнѣйшими; сверьхъ сего наше ученіе, наше чтеніе и размышленіе есть не иное что, какъ роскошной пиръ, чтобъ чрезъ то содержать сластолюбіе нашего духа. Ни какъ.

Прилѣжность въ полезныхъ упражненіяхъ, благородная лихва съ силами опредѣляетъ человѣческую судьбину, чтобъ человѣческое счастіе не ограничивать, послалъ ему Богъ силу къ размышленію, и сказалъ: человѣкъ, твори свое и другихъ братьевъ счастіе.

****

СЕДЬМОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

Продолженіе прежняго; а особливо о употребленіи нашего разума на познаніе и разсматриваніе естества.

Когда естество есть источникъ столь многихъ важныхъ истиннъ и полезныхъ проницаній: то мы познавать и разсуждать объ ономъ, поелику оно нашъ разумъ, или наше сердце не только похвально и пріятно занимаетъ, но и исправляетъ, всѣ нѣкоторымъ образомъ обязаны, каждой по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ. Большая часть людей не примѣчаютъ свидѣтельствъ о славѣ и величествѣ Божіемъ, хотя оныя въ естествѣ предъ очами ихъ находятся, частію для того, что никогда не учились тому внимать, частію для того, что они сіи всегда съ малолѣтства видѣли. Сію невнимательность должно предупредить тщательное и разумное воспитаніе. Кто естество каждой вещи съ малолѣтства, сколько его разумъ дозволяетъ, познавать и премудрость, художество и могущество, которое во всѣхъ естественныхъ вещахъ показывается, примѣчать научился: тотъ всегда бываетъ понятнѣе и способнѣе открывать пути Господа на землѣ и изъ слѣдовъ онаго.

онаго, кои Онъ вездѣ найдетъ изображенныя заключать, что Онъ есть Великій, Всемогущій, Милостивый и Святый. Человѣкъ, которой такимъ образомъ изображенъ, во всѣхъ мѣстахъ, куда взоръ свой обращаетъ, найдетъ тихое напоминаніе, что Богъ есть присудствующій и смотритъ на пути человѣческіе, и часто посредѣ непорядка принужденъ будетъ представлять того, которой землю Своею благостію наполняетъ и людей по Своей премудрости такъ учредилъ, что они дарами Его милости съ радостію наслаждаться могутъ. Но рѣдко бываютъ такъ воспитаны, и по тому должны стараться сей недостатокъ награждать при приращеніи своего разума. Сіе по большей части случается частію тогда, когда мы себя пріобучаемъ, со тщаніемъ натуру разсматривать, частію тогда, когда мы проницанія другихъ какъ руководства къ помощи беремъ, чтобъ тѣмъ самимъ удобнѣе простиратся вдаль. Чрезъ ежедневное взираніе на дѣйствія натуры такъ привыкаемъ къ ея чудесамъ, что они насъ мало трогаютъ. Изъ сего нерадѣнія или нечувствительности мы должны себя вырывать посредствомъ любопытнаго изслѣдованія натуры, и скоро текущее воззрѣніе на твореніе премѣнять во внимательное, не только поверхность творенія, но и его конецъ, пользу и удовольствіе, которое оно намъ приноситъ, удивительной родъ совокупленія, порядокъ, красоту и различіе его частей примѣчать, чтобъ сіе насъ трогало. Къ сему упражненію каждому размышляющему человѣку довольной попадается случай во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара. Листъ, которой мы съ столь многою безчувствительностію предъ своими очами появляющейся видимъ,

цвѣтъ полевый, по которому мы въ разсужденіи его красоты безчувственны ступаемъ, несѣкомое, которое мы едва удостоеваемъ своего зрѣнія; какое премудрости исполненное учрежденіе, какое удивительное художество сплетенія и совокупленія частей не говоритъ изъ нихъ, когда мы сами себѣ не препятствуемъ, сей гласъ натуры слышать! раздѣли только листочикъ, или строеніе цвѣтка и не забудь при запахѣ, которой онъ столь пріятно издаетъ, представить удивленіе благовонія! для чего сей цвѣтъ столь благовонной имѣетъ запахъ? А другія и множайшія для чего не такой, какъ сей; и однакожъ всегда оживляющей? сколько восхищаетъ смѣшеніе красокъ! цвѣтокъ былъ ли бы столько красивъ, ежели бы онъ иначе былъ натушованъ, иначе нарисованъ! Его листки суть размѣрены, по одинакой мѣрѣ здѣланы, поставлены правильнымъ цѣлымъ въ порядкѣ; ежели бы одного не доставало, то бы не доставало довольно порядка и соразмѣру, и каждой сей листочикъ сколь много содержитъ частичекъ! сколь много мочекъ и проходцевъ! и каждая сія частичка есть опять малѣйшее цѣлое, къ которому ничего ни прибавить, ни отъ него убавить не можно; совершенное цѣлое въ себѣ, съ своимъ собственнымъ изображеніемъ, однакожъ притомъ согласное съ концемъ и строеніемъ цвѣтка? Разсуди о ихъ частичкахъ, въ которыхъ листочки содержались, и изъ которыхъ они мало по малу однакожъ вмѣстѣ выходятъ; какое удивительное расположеніе! И сей цвѣтокъ привлекаетъ къ себѣ свой питательной сокъ чрезъ потаенные проходцы стебля изъ своей маковицы; а сія держится съ своимъ жел бовымъ корнемъ въ землѣ, содержитъ стебель

и

и цвѣтокъ и имъ питательные подаетъ соки оной; но такое разсматриванiе единаго цвѣтка, (и сколь многочисленной есть родъ цвѣтковъ?) заставляетъ нашъ разумъ столь много примѣчать, и подаетъ ему столь многоразличныя дальновидности, что едва въ состоянiи ихъ пересмотрѣть. Но какой разумъ не можетъ предпринимать такiя разсужденiя съ малымъ старанiемъ? Кто въ натуру столько вникаетъ, умножаетъ для себя ея прелести и удовольствiе, которое она намъ приноситъ. * Приведемъ теперь нѣкоторыя поучительныя и прiятныя разсужденiя, кои изъ разсматриванiя естества будто какъ сами собою приходятъ. Все въ тѣлесномъ естествѣ изслѣдывающему разуму показываетъ премудрость и порядокъ и напослѣдокъ сугубой конецъ пользы и удовольствiя. Пространное и великолѣпное царство травъ едва можно скоро пройти разсужденiемъ, безъ того, чтобъ отъ порядка времени не быть тронуту, въ которомъ они предъ нашими глазами выходятъ. Одинъ родъ вступаетъ послѣ другаго на позорищное мѣсто, чтобы оно никогда не было пусто для человѣка, чтобъ онъ во весь годъ имѣлъ цвѣты и плоды. Царство травъ служитъ человѣку и скоту на потребу и удовольствiе. Ежели бы всѣ плоды поспѣвали въ одно время, какъ бы могли ихъ собрать, сберечь и наслаждаться ими, когда очень многiе только не долго вкусны! Жарчайшiе мѣсяцы производятъ прохладительные плоды, чтобъ уставшаго человѣка

 ожи-

(*) Цицеронъ въ своей книгѣ о естествѣ Боговъ отъ 46 - 66 главы различныя такiя примѣчанiя о звѣздахъ, травахъ, звѣряхъ и людяхъ краснорѣчиво предложилъ.

оживить, и свѣжими соками укрѣпить. Ежелибы виноградъ въ жаркое лѣто созрѣвалъ, то бы ободряющей напитокъ вина легко претворялся въ уксусъ, и ежели бы всѣ цвѣты вдругъ выходили, сколь бы коротко и утомленно было удовольствіе человѣческое! Ежели время цвѣтовъ прошло, которыми столь многія насѣкомыя лѣтомъ питаются: то премудрость натуры въ долговременную зиму предаетъ ихъ глубокому сну, чтобъ они никакой не требовали пищи. Въ изумленіе приходятъ отъ различія травъ, которыхъ уже открываютъ за тритцать тысячь; но сколь многія тысячи тѣ находятся на днѣ моря, которыя глазу неоткрыты остаются. Еще едва можно бѣгло разсматривать натуру, не примѣчая, что ея дѣйствія чрезъ весьма тѣсныя границы различаются между собою. Начни отъ бездушныхъ предметовъ, и смотри какъ всегда два ближайшіе одинъ за другимъ слѣдующіе роды весьма малое имѣютъ разстояніе. Напослѣдокъ они всегда выше восходятъ до столь многихъ степеней, что главнѣйшія бездушныхъ дѣйствія малѣйшимъ изъ органическихъ тѣлъ почти бываютъ равны. Царство травъ граничитъ съ царствомъ камней. Кораллы, какъ созданіе въ морѣ бываемое, почитали за истинныя произращенія; и новѣйшія открытія научаютъ, что ихъ такъ называемой цвѣтъ есть дѣйствительное животное, отъ животныхъ совершенство восходитъ по безчисленнымъ степенямъ даже до человѣка, и отъ него по ученію откровенія, даже до Высочайшихъ чиновъ Духовъ, Ангелъ и Архангелъ.

Многіе находятся особенные примѣры премудрости въ дѣйствіяхъ натуры, кои и непро-

священной разумъ понимать и имъ удивляться можешъ.

Что Океанъ, и озе́ра, что иное суть развѣ какъ неизмѣримыя лощины и содержанія водъ, кои какъ чрезъ руку Всемогущества по безконечной премудрости выкопаны, такъ, что они раждаютъ пары́ и облака́, колодязи и рѣки, и чрезъ то должны производить свѣжую зелень, красоту земли́, связь, содержаніе и ожвиленіе всѣхъ тварей на оной.

Го́ры суть существенныя красоты натуры, когда мы усматриваемъ ихъ различныя опредѣленія, кои суть, чтобъ собирать пары̀ и чрезъ то умножать источники и рѣки, чтобъ производить металлы, чтобъ отъ вредныхъ вѣтровъ и отъ несносныхъ года временъ защищать, дальновидность пріятнѣйшею дѣлать, которая бы безъ нихъ была очень одинакаго вида. Къ чему го́ры вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ покрыты? Къ пользѣ и удовольствію цѣлаго! Отъ нихъ каплютъ благотворительныя во́ды и снѣгъ, которой мало помалу разстаеваетъ, никогда не попускаетъ источникамъ лѣтомъ высыхать. Ежели бы онъ одымъ разомъ разстаялъ, все бы потопилъ. Тщательной зритель и въ кажущихся непорядкахъ въ естествѣ находитъ премудрость и благость, которая чрезъ оныя пеклась о нашей пользѣ и нашемъ удовольствіи чрезъ раздѣленную поро́вну вездѣ теплоту земнаго шара, которая маловникающему разуму можетъ быть выгодною казалась, исчезло бы въ изумленіе приводящее различіе естественныхъ дѣйствій, и величайшая красота земли.

лій. И вѣтры чрезъ то были бы воспрепятствуемы. И что бы другое изъ того сдѣлаться могло, какъ что неподвижной воздухъ людямъ и животныхъ, которыхъ силы онъ оживлять долженъ, былъ бы моровымъ повѣтріемъ? Растѣнія и животныя, кои съ одной стороны вредны, съ другой стороны богатство врачебныхъ силъ, многія болѣзни и раны человѣческія исцѣляющихъ, или по крайней мѣрѣ уменьшающихъ. И послику вредныя и ядовитыя растѣнія рѣдкія изъ собственныхъ плодовъ растутъ для пищи; то дикіе звѣри по большей части живутъ въ степяхъ и въ такихъ мѣстахъ, куда рѣдкіе люди ходятъ; мудрое расположеніе, которое мы легко усматриваемъ! можно и самую Географію для полезнаго ученія Премудрости, Благости и Всемогущества божія, кои въ различномъ раздѣленіи благихъ земли во всѣхъ странахъ столько видимы, употреблять. и познаніе о богатствѣ и благословеніи, которымъ Богъ надѣлилъ кругъ земный, сколько для Своего созиданія, столько для обученія Исторіи дѣлать полезнымъ.

Кто можетъ разсуждать о животныхъ не приходя въ изумленіе отъ ихъ удивленія исполненныхъ побужденій, или въ рожденныхъ склонностей, чрезъ кои они во многихъ случаяхъ превосходятъ многотрудное механическое художество и способность человѣковъ, да и что еще бываютъ ихъ учителями! представте себѣ только Геометрической родъ строенія пчелъ и бобровъ. Врожденная скотомъ предосторожность, которую они при избраніи своей пищи, въ особенной Архитектурѣ своихъ жилищъ и гнѣздъ; заботливое

вое попеченіе о своихъ дѣтяхъ, которое однакожъ не долѣе продолжается, какъ, пока они сами себя содержать могутъ. Крѣпость и бодрость и у боязливѣйшихъ и слабѣйшихъ изъ нихъ, какъ скоро сіе касается до содержанія и размноженія ихъ рода; соразмѣрное число обоего пола, и многіе такіе достопамятные знаки премудрости; кто не можетъ оные познать! для чего нѣкоторые изъ нихъ питаются только мясомъ другихъ, нѣкоторыя только растѣніемъ, другія камнями? Единой старой дубъ есть свѣтъ для цѣлыхъ стадъ различныхъ звѣрей, кои частію его листочками, частію плодомъ, частію и пнемъ, частію коренемъ питаются.

Сколь легко можно то понять, что безъ ежедневнаго движенія землй одна бы часть сего круга всегдашнею и непроницаемою тѣнью темноты покрыта, и чрезъ вѣчной холодъ пуста стояла, а другая бы отъ сухости и жару истощившись была сожженною безплодною степью и могилою всѣхъ живущихъ тварей! И чудеса небесныхъ тѣлъ и ихъ состояніе, въ которое простой глазъ проникнуть не можетъ, бываютъ ему удобопонятною премудростію, когда они показаны ему отъ Фонтенелла. Тогда понимаетъ и самой *низкой* разумъ, что во всѣхъ планетахъ, кои принадлежатъ къ нашей солнечной Системѣ, въ двенатцать сотъ разъ болѣе находится мѣста, нежели на нашей землѣ, и слѣдовательно мы не совершаемъ тысячной части населеннаго солнечнаго зданія; что, когда каждая неподвижная звѣзда столь велика какъ наше солнце, и опять свои планеты подобныя нашему солнцу имѣетъ, и сіи плане-

ты столь много мѣста для своихъ жителей имѣютъ, сколь наша земля; что, говорю я, безконечное множество тварей должно находиться; и сіе все Властелинъ естества творитъ, познаетъ и содержитъ! Сколь много распространяютъ сіи представленія разумъ человѣческой, и сколь много они прославляютъ Всемогущество, Премудрость и Благость Творца! Въ небесномъ кругѣ, которой называютъ млечнымъ путемъ, болѣе сорока тысячь звѣздъ; всѣ сіи живущими тварями населены; *великій Боже! какія безчисленные народы прославляютъ Твою жаждущую и содержащую десницу, которая простерла небо яко кожу, покрывая водами превыспренняя; которая основывая землю на тверди ея, и бездною покрыва яко одеяніемъ, на горахъ стали воды; но отъ запрещенія Его побѣгли отъ гласа грома Его убоялись. Онъ послалъ источника въ дебрѣхъ, чтобы посредѣ горъ проходили воды, чтобы напоевали вся звѣри сельные, на нихъ птицы небесныя вритаютъ, отъ среды каменія дадятъ гласъ свой. Онъ напаяетъ горы отъ превыспреннихъ своихъ, отъ плода дѣлъ Его насыщается земля; Онъ прозябаетъ траву скотомъ и злакъ на службу человѣкомъ, чтобъ извести хлѣбъ изъ земли, и чтобъ вино веселило сердце человѣка, да насытятся древа польская, тамо птицы возгнѣздятся и еродіево жилище предводительствуетъ ими. Сіе море великое и пространное, тамо гади ихъ же нѣсть числа животная малая съ великими, тамо корабли преплываютъ, змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему. Вся къ Тебѣ чаютъ дати пищу имъ во благо время, буди слава Господня во вѣки,*

возве-

возвеселится Господь о дѣлѣ Своихъ. Яко взывает напослѣдокъ святый и восторгомъ объятый стихотворецъ, возвеличишася дѣла Твоя Господи! Вся премудростію сотворилъ еси, и исполнися земля твари Твоея! (*)

Человѣческое тѣло. Какъ человѣкъ есть главное дѣло творенія: такъ онъ есть и важнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ наставленіемъ для человѣка. Уже жилище его духа, его тѣло есть цѣлой свѣтъ въ маломъ свѣтѣ исполненной премудрости и согласія. Всѣ его части весьма исправно и нѣкоторыя очень нѣжно и стройно совокуплены; каждая къ своему концу, которой часто столь многоразличенъ. Есть особенно учреждена; и всѣ орудія всѣхъ чувствъ, которыя между собою хотя различны; однако въ великомъ концѣ содержанія жизни, пользы въ упражненіяхъ и услуги, которую они вышнимъ силамъ души показываютъ, согласны. Самыя уста, чрезъ которыя пріемлемъ нужную пищу, самой языкъ, которой намъ къ сему спомоществуетъ, служатъ намъ такъ же къ

 откры-

(*) Псал. 104. можно собрать изъ псалмовъ Пророковъ, и послѣднихъ главъ Іова превосходнѣйшія изображенія о величествѣ и премудрости дѣйствій натуры, кои все краснорѣчіе великихъ умовъ изъ Свѣтскихъ писателей превосходитъ. Въ Крамеровыхъ проповѣдяхъ находятся отмѣнныя, кои доказываютъ, что чудеса и красоты натуры такъ предложить можно, что оныя и простѣйшей разумъ можетъ познавать и имъ удивляться. Только имѣй познаніе и разумъ для избранія и употребленія и краснорѣчіе для изображенія. Сюда принадлежитъ и 1. часть Крамеровы размышленія о благоговѣйности.

открытію мыслей нашего сердца. Единое орудіе языка, какое понятіе чудесъ есть для насъ!

О языкъ, что только духамъ вмѣстно, можешь сдѣлать, чтобъ чувство ощущало: то чрезъ тебя мысль дѣлается звономъ, чрезъ пріятное удареніе можешь ты побѣждать; ежели въ одномъ духѣ господствуетъ удовольствіе, говоришь ты: то оно господствуетъ вездѣ. Тайна, которую не основываешъ природная острота, кто вниманіе обращаетъ на твои чудеса, тотъ тебя не скоро ли, возженъ будучи благодарностію, предвозвѣстителемъ твоего творца дѣлаешъ?

Человѣкъ въ своемъ зрѣніи, семъ нѣжнѣйшемъ чувствѣ, имѣетъ неусыпнѣйшихъ стражей противъ опасностей жизни: и въ такомъ прямо поставленномъ образѣ своего тѣла имѣетъ онъ достоинство и преимущество предъ звѣрьми. Что изъ его чувствъ, или членовъ есть весьма необходимое, провидѣніе даровало ему два, дабы лишеніе одного совсѣмъ его безпомощнымъ, и къ упражненіямъ и удовольствіямъ общественной жизни неспособнымъ не здѣлало. Острота, крѣпость и проворство его чувствъ есть точно размѣрено. Ежели бы его зрѣніе было тупѣе, и его слышаніе слабѣе: то бы наружныя части натуры съ ея красотами по большей части для него были сокровенны, и общественное бы обхожденіе многой чрезъ то уронъ претерпѣло. Микроскопической глазъ здѣлалъ бы нѣкоторыя части естества гнусными, а другія страшными. Телескопической глазъ премѣнилъ бы мало и не вдругъ возвышающіяся мѣста въ горы, горы, въ ужасныя высоты, и пріятнѣйшія долины въ страшныя пропасти. Ежели бы чувство слышанія въ равномъ степени было

крѣпко,

крѣпко, что бы звукъ грома насъ заглушалъ, человѣческой голосъ нашему уху былъ бы то, что ему теперь есть громъ, и всегдашней шумъ и звукъ пресѣкалъ бы тишину сна и возмущалъ бы весь покой человѣческой жизни. Ежели бы осязаніе было тонѣе и нѣжнѣе: то бы то, что теперь кажется пріятно, причиняло наичувствительныя болѣзни.

Движенія внутреннихъ частей нашего тѣла, отъ которыхъ продолженіе жизни непосредственно зависитъ, бываютъ почти всѣ безъ дѣйствія нашей воли, и мы непосредственно чрезъ нашу волю не можемъ ихъ здѣлать ни скорѣйшими ни медлительнѣйшими. Надзираніе надъ движеніями крови, жизненныхъ духовъ и жилъ, кои непрестанно нужны, всегда бы обезпокоивало душу, и ея бы дѣлало неспособною ко всѣмъ другимъ упражненіямъ. Такимъ образомъ и ни каждое движеніе, никаждое впечатлѣніе въ части тѣла не возбуждаетъ чувствованій въ душѣ. Чувственныя ощущенія показываютъ намъ только такія перемѣны приключенія, или предметы, отъ коихъ мы наставлены быть должны, и по тому движеніе главы, глазъ, рта, языка, ногъ и столь неоцѣненнаго съ вящшимъ художествомъ изображеннаго орудія, руки, нашей волѣ покорено. Все сіе для каждаго служитъ ясными доказательствами премудраго и благаго учрежденія и попеченія нашего Создателя.

Человѣкъ приходитъ въ свѣтъ слабѣе и безпомощнѣе, нежели всѣ другія одушевленныя твари,

ри, и на десятомъ или на двенатцатомъ годахъ едва получаетъ употребленіе силъ, чтобъ самаго себя содержать; всѣ другія одушевленныя существа напротивъ того сего достигаютъ конца въ нѣсколько мѣсяцовъ, и нѣкоторымъ четыре, или пять лѣтъ нужно для совершенной зрѣлости, Будто сіе есть столь малое несовершенство человѣка, что онъ гораздо б лѣе бываетъ доказательствомъ мудраго и благаго учрежденія; не средство противъ сей долговременной слабости нашихъ молодыхъ лѣтъ находимъ мы приготовленное въ нѣжной склонности родителей; и причины сего медлительнаго росту содержатся въ различныхъ исправленіяхъ нашихъ силъ, которыя мы имѣть можемъ. Средства нашего содержанія требуютъ многаго труда и способности, намъ вмѣстны различныя благородныя удовольствія, кои другимъ одушевленнымъ тварямъ не извѣстны, и кои основаніе свое имѣютъ на полезныхъ и пріятныхъ художествахъ, которымъ мы безъ долгаго воспитанія, безъ многаго наставленія, и безъ подражанія другимъ обучиться не могли, сколь много времени намъ нужно, чтобъ обучиться природному языку? Сколь многая способность требуется и къ самымъ малѣйшимъ художествамъ земледѣлія или другихъ къ домоправительству принадлежащихъ должностей; тѣло, заблаговременно совершенною крѣпостію снабдѣнное безъ души, неимѣющей ни художествъ, ни наукъ, ни общеполезныхъ способностей, насъ бы дѣлало необузданными и непреклонными. Мы бы возстали противъ нашихъ родителей и учителей, и такъ когда нужно намъ оставаться покорными, то намъ не надобно было столь рано имѣть силы, дабы намъ не можно

было

было отъ сего необходимаго и полезнаго ига освободиться. (*)

Душа человѣческая. И въ душѣ человѣческой все согласуется къ мудрымъ концамъ, о чемъ бы мы ни разсуждали, либо о ея силѣ разума, либо ея врожденныхъ нравственныхъ способностяхъ и склонностяхъ. Всѣ люди имѣютъ одинаковой разумъ; однакожъ въ разсужденіи степеней проницанія и познанія суть весьма различны; да и самое сіе различіе, которое кажется быть недостаткомъ, способствуетъ совершенству. Ежели бы мы всѣ находились на одной ступени остроты, и каждой бы имѣлъ все вспоможеніе познанія и удовольствія, которое подаютъ проницанія, въ самомъ себѣ: то бы общественное обхожденіе, которое по крайней мѣрѣ споспѣшествуетъ успѣху въ познаніи; пріязнь и дружество, кои чрезъ то возбуждаются, и похвальная ревность, которая всегда предполагаетъ различіе силъ, чрезъ то воспрепятствуемы были. Медлительныя дѣйствія разума укрѣпляютъ самыя способности, при каждомъ шагѣ получаетъ онъ новую живность, и изъ преодоленной трудности почерпаетъ онъ бодрость и терпѣніе къ новому труду. Необходимость многотруднаго наставленія въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ возбуждаетъ благородное невѣріе въ разсужденіи нашего собственнаго проницанія, и притомъ внимательную и удобопонятную склонность, которая есть источникъ человѣческаго познанія и наилучшее средство противъ погрѣшностей воображенія и противъ насилія гордости. Возможность,

(*) Смотр. Гутхенсон. Нравоуч. I. Часть 57. стр.

жность, себѣ пріобрѣсть проворства чрезъ упражненіе, которую наша душа имѣетъ, бываетъ въ разсужденіи своихъ слѣдствій то очевидною наградою добродѣтели, то открытымъ наказаніемъ порока. Послѣднее преступленіе приноситъ всегда большую неспособность къ чистымъ и высокимъ удовольствіямъ и новое приращеніе бѣднаго состоянія; напротивъ того послѣднее добродѣтельное дѣйствіе большую легкость и утѣху въ непорочности.

Всеобщее нравственное чувствованіе добра и зла есть славное доказательство высокаго происхожденія нашей души. Ибо хотя это извѣстно, что право и должность, добродѣтель и порокъ отъ разума познаваемы и наисильнѣйшимъ образомъ доказываемы быть могутъ: однако сей способъ познанія для бо́льшей части людей, которая столько чувственна и къ размышленію лѣнива, былъ бы безплоденъ, ежели бы Богъ сердцу не впечатлѣлъ нравственнаго побужденія, совѣсти, которая столь легко и сильно въ насъ дѣйствуетъ, по тому, что она себя чувствовать заставляетъ. Ежели склонность къ бесѣдѣ выключить изъ связи нашихъ склонностей: то человѣческій родъ перестаетъ быть естественнымъ обществомъ, которое чрезъ всеобщія нужды и склонности весьма тѣсно сопряжено. Изъ различія нашихъ талантовъ, силъ и способностей проистекаютъ различныя обязательства и покоренія въ жизни человѣческой; и взаимной недостатокъ столь многихъ потребностей подкрѣпляетъ и утверждаетъ взаимныя и непремѣнныя должности.

Ежели

Ежели бы у онаго не доставало дарованій, кои натура для меня избрала: што бы онъ для себя только, а не для меня заботился.

Незнаніе, въ разсужденіи будущихъ приключеній, кажется быть недостаткомъ нашего духа, но оно есть его благополучіе. Оно въ щастливыхъ обстоятельствахъ предохраняетъ его отъ неистовства и безпечности, а въ несчастныхъ отъ недѣйствія и отчаянія.

Можно записку сихъ примѣчаній Физическаго и нравственнаго естества, которое я здѣсь собралъ (*) многими своими разсужденіями умножить, ежели быть внимательну, и бѣглое воззрѣніе на естество, къ которому пріобыкли, чрезъ размышленіе перемѣнить во внимательное разсматриваніе. Симъ образомъ научается человѣкъ въ самомъ себѣ и въ свѣтѣ познавать совершенства своего Всемогущаго Начальника весьма живо. И сіе познаніе можетъ ли умножаться, когда съ нимъ чувствованія, удивленія, благодарности и поклоненія не присусугубляются и не возобновляются? вездѣ ли можно примѣчать Премудрость и порядокъ въ учрежденіи естества, а не чувствовать желанія, сохранить премудрость и порядокъ въ своемъ обыкновенномъ поступкѣ? Тотъ весьма высокія имѣетъ мысли, кто можетъ представлять себѣ Бога въ Его благости, могуществѣ и премудрости

(*) Оныя по большей части взяты изъ Сульцеровыхъ разсужденій о красотахъ естества и изъ Дергама, а особливо ученику желающему знать натуру одобряю Г. Боннета разсужденія о естествѣ.

дрости и святости, и сіи мысли будутъ ему побужденіемъ къ добродѣтели.

Способности своего разума такимъ образомъ распространять, есть благополучіе для насъ, и выгода для другихъ, и слѣдовательно наша должность, нашъ разумъ есть драгоцѣнной талантъ, которой намъ Всемогущій поручилъ для *росту*. Можемъ ли быть Ему пріятны, когда на сей конецъ не соглашаемся? Можемъ ли оной на зло употребить, или безъ употребленія оставить, безъ того, чтобъ Податель онаго не требовалъ отъ насъ отчету? Не для того ли создалъ натуру, чтобы мы Его въ Его дѣлахъ познавали и Ему покланялись? Не для того ли, чтобы она была ежедневнымъ доказательствомъ Его бытія, Его всегда управающаго промысла и послушанія, которымъ мы Ему должны? Онъ „открываетъ „Себя не посредственно. Но Онъ приказалъ небу „и землѣ намъ возвѣщать, что Онъ есть. Онъ „учредилъ наши проницанія по сему божественному языку, и возбудилъ высокіе умы, кои бы „ихъ красоты изслѣдывали, и ихъ истолкователями были. Мы на время поставлены на „малой очень темной планетѣ, и имѣемъ только часть отъ свѣта, которой приличенъ къ нашему нынѣшнему состоянію. Соберемъ наипоща„тельнѣйшимъ образомъ всѣ лучи свѣта, и при „его ясности ходить станемъ. Придетъ день, „въ которой мы изъ вѣчнаго источника всего „свѣта почерпнемъ; и когда вмѣсто того чтобъ „разсматривать творцовъ Его твореній, познаемъ „тварь въ творцѣ. *Нынѣ видимъ яко зерца„ломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу.*

цу. „ (*) И сіе хотя темное зеркало хотѣлъ ли бы ты человѣкъ почитать за малое?

Ты любимой своему Господу, ты гражданинъ свѣта, которой Богъ сотворилъ изъ любви и сохраняетъ его не для мученія, напрасно твой Творецъ вооружаетъ тебя разумомъ; ты будучи мудръ только къ твоему мученію, и къ безчестію свѣта, почитаешь то за худое, что свѣтъ твой глазъ увеселяетъ, которой однакожъ Вѣчный почелъ достойнымъ творенія. Посмотри, что ты видишь, есть благополучіе. Во всемъ свѣтѣ все стремится только къ твоей пользѣ и увеселенію.

ОСЬМОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

О должностяхъ въ разсужденіи благихъ сердца; а наипаче о господствованіи надъ своими желаніями и страстями.

Слушатели мои, мы въ предъидущемъ ученіи говорили *о благихъ разума*, а теперь приступимъ къ *благимъ* и *хорошимъ свойствамъ сердца*.

Справедливѣйшей и наилучшей разумъ, самъ въ себѣ только разсуждаемый, не ссылаясь и не употребляя на сердце, есть сокровище, которое своего стяжателя не только заставляетъ быть бѣднымъ, но и его нещастливѣйшимъ дѣлаетъ, нежели бы онъ былъ безъ него. Стяжи богатѣйшее

(*) 1. кор. 13. 12.

шее познаніе истинны, изслѣдуй таинства художествъ и наукъ, познай землю и небо и совершенство своего начальника, познай человѣка и его внутренность, имѣй острѣйшую силу разсужденія, быстрѣйшую остроту, тончайшей вкусъ: однако со всѣми сими свойствами еще можешь быть бѣднымъ, еще недостаточнѣйшимъ въ блаженствѣ. Не одно только стяжаніе проницательства и истинны дѣлаетъ насъ щастливыми, но исполненіе и прямое употребленіе оныхъ на ихъ конецъ. Ничто такъ неизвѣстно какъ сіе положеніе, и можетъ быть и ничто столь не извѣстно, какъ, что мы оное за мало почитаемъ. Мы ласкательствуемъ себѣ, когда мы съ истинною ищемъ и понимаемъ, что мы свою должность дѣлаемъ; и когда мы чувствуемъ, что мы ея знаніе имѣемъ, и что оно столько превосходно и полезно, не рѣдко забываемъ превосходнѣйшее, оное употреблять на насъ и наши склонности. Можно имѣть глубокомысленнѣйшей разумъ; однако сердце безъ человѣколюбія и страха Божія; *ангельскими языками* говорить, однако быть *мѣдью звенящей* и *кимпаломъ звяцающимъ*. Можно основательнѣйшимъ познателемъ вѣры быть по разуму, а по сердцу неисправнѣйшимъ Авеистомъ; можно пророчествовать, и всѣ тайны знать и весь разумъ имѣть, (*) но при всемъ томъ быть ничемъ, да и беззаконникомъ. Можно для свѣта цѣлыя книги о превосходныхъ добродѣтели правилахъ краснорѣчиво писать; но никакого въ разсужденіи ихъ чувствія не имѣть.

Ра-

(*) 1. кор. 13. 1.

Разумъ, которой добродѣтели се́рдца не помогаетъ, не есть добро, онъ гораздо болѣе есть ядъ душѝ, и ведетъ къ невѣрію. Всѣ старанія, которыя мы употребляемъ на хорошія познанія, все наше проницательство и сила разсужденія, которую мы себѣ пріобрѣтаемъ, и чрезъ то самымъ дѣломъ приносимъ пользу свѣту, суть по крайней мѣрѣ для насъ тщетны, ежели они суть только упражненіе разума и самолюбія, а въ наше сердце не втекаютъ какъ должность, для которой насъ Творецъ нашего разума создалъ. Дарованія и старанія разума вопервыхъ освящаются чрезъ конецъ, чтобъ оныя употреблять на управленіе нашей воли, и на исправленіе нашего се́рдца, и для благополучія свѣта; и всѣ проницательства суть ничто, ежели ихъ только для ихъ самихъ, для удовольствія, ищутъ, и почитаютъ, и ихъ имѣютъ. Они, сколь бы высоко ни стоя́ли на степеняхъ благихъ душѝ; однако не суть послѣдняя ступень, не есть последней конецъ, которой имѣя могли бы мы быть довольны. И знанія разума, кои кажутся быть весьма отдаленны отъ се́рдца, однакожъ могутъ употреблены быть на сердце, ежели мы ихъ изъ благородной склонности, дѣлать добро, и наши силы по намѣренію мудраго подателя оныхъ, достойно употреблять, пріобрѣтаемъ, укрѣпляемъ или употребляемъ.

Познаніе нравственныхъ истиннъ, кои непосредственное вліяніе въ сердце имѣютъ, бываетъ тѣмъ безчестнѣе и вредительнѣе, чѣмъ менѣе мы стараемся допускать, чтобъ оныя

втекали въ наши склонности и дѣйствія. Все, что разумъ о должности и добродѣтели въ разсуждении насъ, другихъ, и нашего Высочайшаго Всемогущаго Властелина познаетъ, но ежели познаютъ не такъ чтобы оное сердце похваляло и любило, и чтобы оно къ тому дѣлалось склоннѣйшимъ, есть праздное познаніе. Сію мудрость въ высокой мѣрѣ стяжать, но ее въ дѣйство не производить, или на противное оной чрезъ свои желанія подавать согласіе; какое имя должно дать сему расположенію души? Малое, но довольное познаніе мудрости, которая насъ должна дѣлать хорошими и добродѣтельными людьми, стяжать, и стараться оную искренно и тщательно и во всѣхъ обстоятельствахъ производить въ дѣйство; сія есть *Божественная мудрость*, а оная, употребивъ самое кроткое названіе, есть *мудрѣйшая глупость*. Тотъ же, которой познаніе мудрости преимущественно имѣетъ, но въ противность оной поступаетъ, есть чрезъ то нещастливѣе, нежели незнающій. Сей можетъ чрезъ *наставленіе*, когда онъ его хранитъ, исправиться; но что проницательнаго, которой свое сердце въ разсужденіи истинны чрезъ то дѣлаетъ *безчувственнымъ*, такъ, что онъ ее не *наблюдаетъ*, что его перемѣнитъ? Высокимъ разумомъ снабдѣнной Ангелъ, безъ хорошаго употребленія онаго, низвергается въ бѣдствіе злаго духа. Человѣкъ великихъ и превосходныхъ проницаній, безъ прямаго употребленія оныхъ, или на зло оныя употребляя, дѣлается *глупымъ и злобнымъ*. Третьяго между сими мѣста не находится: о ежели бы хотя сію столь страшную истинну

при

при нашемъ желаніи премудрости никогда не забывали? Мы можемъ быть богаты въ знаніи, но бѣдны въ добродѣтели; бѣдны въ высокихъ талантахъ разума, но богаты въ благородныхъ чувствованіяхъ сéрдца; мужи въ проницаніи, но дѣти во исполненіи; дѣти въ ученыхъ проницаніяхъ, однако же мудрые мужи въ добродѣтельныхъ склонностяхъ и поступкахъ. Мы можемъ съ нашими проницаніями и основательными положеніями въ свѣтѣ владычествовать, великодушіе и постоянство проповѣдывать, однако же въ нещастіи малодушными, въ щастіи гордыми, при малѣйшемъ презрѣніи неутѣшными, и при малѣйшей неудачѣ колеблющеюся вѣтвію быть. Тогда простой и въ своихъ неудачахъ кроткой рукомесленникъ можетъ быть героемъ въ разсужденіи насъ. Мы можемъ всю свою жизнь посвятить ученымъ испытаніямъ съ похвалою всѣхъ смертныхъ; но наша смертная постеля, украшенная вѣнцами почестей, можетъ быть мученіемъ совѣсти, и наша смерть языческимъ отчаяніемъ.

Сердце имѣетъ, какъ мы ужѐ упомянули, (*) собственно только *одно добро*, одну только *добродѣтель*, то есть, отъ разума и совѣсти произшедшее, живое намѣреніе вездѣ безъ изъятія поступать сходно съ божескимъ учрежденіемъ. Изъ сей главной добродѣтели происпекаютъ многія особенныя добродѣтели и должности. Сіи особенныя добродѣтели суть, ибо я долженъ оныя,

(*) Смотри первое ученіе въ I. томѣ.

оныя, когда я приступаю ко изъясненію оныхъ, здѣсь по имянно назвать, *подобострастіе и любовь къ Богу, умѣренность и господство надъ своими желаніями, правосудіе и любовь къ человѣкамъ нашимъ братіямъ, прилѣжаніе и трудолюбіе въ своемъ званіи, кротость и терпѣніе, смиреніе, упованіе на Божій промыслъ, и порученіе его судьбамъ.*

Но что сіи добродѣтели конечно суть благія души высочайшаго достоинства, и слѣдовательно наша высочайшая должность, о томъ я также показалъ ужè въ вступленіи въ нравоученіе. Теперь намѣренъ я объяснить сіи свойства и добродѣтели; и когда я о непосредственныхъ должностяхъ въ разсужденіи Бога въ свое время особенно преподавать стану, то намѣренъ здѣсь вопервыхъ говорить о умѣренности и господствованіи надъ своими желаніями.

Умѣренность и господство надъ своими желаніями.

Сіе господство состоитъ въ возможности души, наши естественныя желанія, по ихъ концамъ и предметамъ осторожно и мудро управлять и употреблять; оныя въ слабость приводить, когда они крѣпче и продолжительнѣе, нежели какъ ихъ предметъ приказываетъ; оныя возбуждать, когда они слабѣе, нежели какъ конецъ требуетъ, которой они постигнуть должны; словомъ: каждую изъ сихъ склонностей такъ учреждать, чтобы она расположенію другихъ нашихъ склонностей, которыя до нашего и другихъ благосостоянія относятся, не вредила, но дру-

дружески помогала. Что сія возможность есть такое добро, безъ котораго наше сердце быть не можетъ, то явствуетъ изъ того, что сильно или мало желать и отвращаться, есть внутренняя война нашей воли съ разумомъ и совѣстію, и идетъ противъ порядка прочихъ склонностей. Безъ сего господства естественныя склонности, кои относятся до содержанія нашей жизни и внѣшняго благосостоянія, превращаются въ пагубныя страсти. Любовь къ жизни и къ здоровью превраждается въ скучнѣйшее малодушіе, желаніе чувственныхъ удовольствій въ нѣжность и сластолюбіе, желаніе средствъ къ содержанію богатства въ корыстолюбіе и скупость, желаніе знатности и высокости въ честолюбіе, гордость и властолюбіе, и желаніе покоя и спокойствія въ лѣность и праздность. Сіи склонности въ предписанныхъ границахъ разума и совѣсти заключать, есть званіе премудрости; и умѣренность своихъ желеній изъ почтенія къ божественной волѣ посредствомъ сильнаго намѣренія стараться сохранять, есть владычество сердца, которое для того остается всегдашнимъ добромъ и святою должностію, потому что безъ сего ни наше благополучіе, ни другихъ благостояніе не можетъ быть. Позвольте мнѣ сіе, вмѣсто требующихъ высокаго размышленія доказательствъ, чрезъ нѣкоторые примѣры сихъ естественныхъ склонностей объяснить.

1) *Любовь къ жизни и здоровью, ежели мы оную добродѣтельно не умѣряемъ и не управляемъ, бываетъ рабскою боязливостію и нашимъ нещастіемъ.*

Саркастъ любитъ свою жизнь столько, что какъ будто бы онъ былъ на свѣтѣ для того, чтобъ оной никогда не лишиться и единственно для того, чтобъ нѣсколько лѣтъ оную продолжать. Нѣтъ ничего ему страшнѣе, какъ болѣзнь и смерть. Онъ тысячу средствъ предпріемлетъ оныя отвратить и отдалить. Онъ ребяческую беретъ предосторожность въ разсужденіи каждаго малаго непорядка своего тѣла, въ разсужденіи каждаго отдаленнаго врага своего здоровья. Онъ слышитъ вѣсть о умершемъ пріятелѣ, и ужѐ измѣняется въ лицѣ. Онъ усматриваетъ гробъ и ужѐ оцепенѣваетъ.

Но не ищетъ ли онъ жизни исполненной страха и скуки? Его всегдашней страхъ не есть-ли ужѐ мученіе? И такъ онъ уничтожаетъ конецъ жизни; и сія же великая любовь къ жизни, или страхъ отъ прежде временной смерти, которой его мучитъ, прекратитъ его жизнь. Онъ никогда не свободенъ отъ опасности; и какъ скоро какая нибудь появится, онъ скорѣе отъ нея погибнетъ, нежели другой, потому что страхъ у него похищаетъ бодрость и разсужденіе, чтобъ полезнѣйшія предпріять средства.

Къ какимъ подлымъ поступкамъ его безпорядочная любовь къ жизни заманиваетъ! жизнь есть его должность, честь, другъ, фамилія, отечество, лучше сказать, болѣе нежели все сіе. Чтобъ свое наибольшее добро, жизнь и здоровье сохранить, перестанетъ онъ быть услужливымъ, сострадательнымъ, полезнымъ. Мы другіе жи-

вы ли, здоровы или больны, щастливы или нещастливы, сіе Сарказма не будетъ безпокоить. Онъ себѣ съ своею жизнію есть цѣлой свѣтъ. Сострадательства его сердце чувствовать не можетъ. Нѣтъ въ его сердцѣ мѣста для чего нибудь другаго; все овладѣно самолюбіемъ. Чтобъ для насъ показать услуги, тронуло ли бы его? И могъ ли бы онъ свое здоровье повредить, свое тѣло изнурить, свои жизненные духи ослабить? Ежели его жизнь въ безопасности, то видитъ онъ безъ того, чтобъ былъ тронутъ свою фамилію умирающею, своихъ пріятелей бѣдными, и свое отечество погибающимъ. Ежелижъ на противъ того его здоровье, его жизнь подвергаютъ опасности, то онъ ни въ какую минуту не усумнится сдѣлаться безчестнымъ чрезъ подлости; и клятвопреступленіе и измѣна, ежели только они суть средство, его жизнь сохранить, будутъ казаться ему невинными средствами.

Въ такой неумѣренности любовь къ жизни бываетъ страстію, и потому человѣку ни къ иному чему служить можетъ, какъ къ несчастію. Она у того, которой себя ей вручаетъ, похищаетъ спокойство и свободу духа; она ослабляетъ тѣло и низвергаетъ его въ опасности. Она подавляетъ благородныя склонности человѣколюбія, и еще болѣе всѣ радости и все утѣшеніе и естественнаго закона; ибо Саркастъ свою жизнь не почитаетъ даромъ, которой для него благій промыслъ столь долго хранить будетъ, сколько угодно его премудрости, но онъ поступаетъ такъ, какъ будто бы совсѣмъ отъ него самаго ея сохраненіе зависѣло.

Тому, которой при попеченіи о своей жизни преступаетъ мѣру, противоположте такого, которой умѣетъ владѣть естественною любовію къ жизни; чтобы узнать, что сіе владычество есть драгоцѣнное сокровище сéрдца.

Аминтъ любитъ свою жизнь для того, что онъ ея почитаетъ даромъ провидѣнія, которымъ онъ наслаждаться и которымъ пользоваться долженъ. Онъ удаляется неумѣренности и всѣхъ возмутительныхъ страстей, яко непріятелей здоровья и жизни. Онъ упражняется въ полезномъ, и чрезъ то подкрѣпляетъ свои силы. Кротость, которая есть врачевство его духа, есть врачевство и его тѣ́ла. Онъ не желаетъ смерти, и не опасается ея трепеща. Онъ думаетъ, что свою жизнь похвально употребляетъ, когда онъ ея по повелѣнію должности т. е. Бога употребляетъ. Прилѣжаніе и ревность дѣлать добро, награждаютъ его внутреннею похвалою, которая его возноситъ выше всей потери жизни. Ежели онъ ея теряетъ въ хорошихъ намѣреніяхъ, въ благородныхъ и общеполезныхъ дѣлахъ, въ попеченіяхъ и стараніяхъ о своихъ домашнихъ, о своихъ друзьяхъ, о своемъ отечествѣ и потомствѣ; то ея онъ въ своемъ опредѣленіи счастливо потерялъ.

Для того же что онъ не ищетъ жизни заботно, никогда не теряетъ свободности духа, которая требуется для предпринятія намѣренія въ опасностяхъ, и для собственной своей безопасности. Размышленіе о бдящемъ и покрывающемъ провидѣніи ободряетъ и укрѣпляетъ его тамъ, гдѣ другіе отъ страха смерти дрожатъ; и веселится

лится своею жизнію тѣмъ болѣе, что оной сохраненіе не отъ его только попеченія зависитъ. Ежели представите случаи, гдѣ онъ за свое отечество, гдѣ изъ вѣры за добродѣтель и за благосостояніе своихъ братьевъ своею жизнію жертвовать долженъ: то онъ, хотя не нечувствителенъ въ разсужденіи своей потери; однако будетъ преодолѣвать склонность природы, и прежде нежели онъ поступитъ противъ своей совѣсти, противъ вышшаго закона подобострастія къ Богу и благосостоянія другихъ, лучше потеряетъ свою жизнь т. е. отдастъ оную тому, отъ котораго онъ получилъ и которой оную вѣчно сохраняетъ. Симъ образомъ господство надъ сею естественною склонностію есть добро сердца, и собственную свою награду ведетъ съ собою.

2) *Желаніе удовольствія чувствъ и той любви, которую по Божескому учрежденію оба пола между собою чувствуютъ, есть въ нѣкоторыхъ границахъ невинно. Безпрестанное стараніе, сіе естественное желаніе, сходно съ его концомъ, въ предписанныхъ отъ разума и совѣсти т. е. отъ Бога границахъ заключать, и въ нихъ содержать есть господство надъ онымъ. Ежели оно выступаетъ изъ сихъ границъ, то дѣлается безчестною сладострастною и скотскою страстію, и для того господство надъ онымъ бываетъ добро великаго достоинства, и всегдашнею должностію человѣка.*

Клеантъ ищетъ *удовольствія языка.* Онъ ѣстъ и пьетъ не для того, чтобъ свое естественное желаніе пищи и питія утолить для своего собственнаго сохраненія; но болѣе для того,

го, чтобъ оное продолжать, чтобъ пріятность вкуса чувствовать и умножать. Онъ довольствуетъ свое желаніе; и лучшей обѣдъ ни удовольствія внутренней похвалы, ни утѣшенія не оставляетъ въ памяти, развѣ только чтобъ оной повторить. Но онъ долженъ ждать. Естественная склонность только по долгомъ времени возвращается, а онъ бы всегда желалъ чувствовать онаго пріятность. Изъ нѣжности удаляется онъ работы и дѣлъ; но чрезъ то же глупо лишаетъ себя наибольшаго удовольствія, ѣсть съ голодомъ, которой есть плодъ работы и умѣренности. Пускай онъ воленъ будетъ, каждой день избирать отборнѣйшія кушанья и наилучшіе напитки; онъ нѣсколько времени будетъ языкъ услаждать; но онъ чрезъ частое и неумѣренное употребленіе орудіе вкуса сдѣлаетъ не чувственнымъ, и менѣе чувствуетъ, потому что онъ безпрестанно думаетъ только о языкѣ и о вкусѣ. Между тѣмъ его желаніе ростетъ. Онъ бы ничего не дѣлалъ, какъ всегда бы ѣлъ и пилъ, ежели бы природа позволяла. Скотская черта въ изображеніи человѣка! Онъ бы наконецъ удалился отъ всѣхъ людей, заперся въ своей столовой, безъ гостей, безъ пріятелей, только бы для своего вкуса, для своего языка жилъ, ежели бы онъ чрезъ то для своей эпикурской жизни что нибудь выиграть надѣялся.

Клеантъ имѣетъ достатокъ и изъ любви къ чувственности жертвуетъ онымъ. Для своего вкуса нѣтъ ничего ему драгоцѣннаго. Но малую часть своего достатка употребить на похвальныя учрежденія, когда его страхъ общенароднаго стыда не

не принуждаетъ, есть онъ къ тому весьма чувствителенъ. Ежели станете расказывать ему о благородныхъ дѣлахъ, полезныхъ учрежденіяхъ, великодушныхъ поступкахъ человѣколюбія. Онъ будетъ зѣвать. Онъ будто слушаетъ скучной какой нибудь романъ; ибо въ его сердцѣ никакая изъ сихъ склонностей не истинна. Ежели ему расказываете о удовольствіи, которое производитъ въ васъ одно простое кушанье за столомъ вашего пріятеля. Онъ отъ того пужается, и ужѐ дрожитъ отъ одного только представленія о подобномъ обѣдѣ. Что вы пьете вино своего отечества рѣдко умѣренно, и веселитесь при его наслажденіи, это ему басня. Ежели станете сказывать, что вы часто нѣкоторую часть своего кушанья, которое бы вы еще могли ѣсть, подаете такому бѣдному, которой оное рѣдко имѣлъ, и что вы радуетесь, когда сему голодному оно вкусно; онъ вашему добросердечію, которое ему весьма глупымъ кажется, будетъ смѣяться. Сей же Клеантъ по времени столько становится жаднымъ, что порядочною мѣрою наилучшихъ ѣствъ болѣе не доволенъ. Онъ долженъ пресыщаться, чтобъ вырваться изъ своей нечувственности, въ которой его привычка содержитъ. Онъ теперь осушаетъ стаканы, хотя въ иное время пилъ только изъ рюмокъ, и пьетъ вино десяти родовъ, хотя прежде двумя родами былъ доволенъ. Не быть хмѣльну, значитъ у него совсѣмъ не пить. Онъ хотя не хочетъ быть пьянъ; однако столь долго вкусъ винà чувствовать, сколь долго ворту оной чувствовать можетъ. Клеантъ становится пьяницею непорядочнымъ. Онъ пьетъ за обѣ-

дdomъ,

домъ, и чрезъ нѣсколько часовъ высыпается. Онъ пьетъ за ужиномъ, и чрезъ ночной сонъ дѣлается опять человѣкомъ. Время онъ почитаетъ такимъ порядкомъ, по которому онъ свой вкусъ довольствовать долженъ, и людей служителями своему мотовству, и орудіями своего спокойствія.

Такимъ образомъ чувственность подавляетъ въ его сердцѣ всѣ хорошія склонности, и въ его разумѣ начáла должности. Онъ ослабляетъ свое здоровье, и раззоряетъ свою жизнь, свое имѣніе, свою честь и силу размышленія.

Да и самая жестокая склонность есть то, что его никогда спокойнымъ быть не попускаетъ, какъ скоро онъ ея удовольствовать не можетъ; она есть то, что его въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сдѣлаетъ подлѣйшимъ ласкателемъ, разбойникомъ и злодѣемъ. Могъ ли бы быть Клеантъ хорошей отецъ, пріятной супругъ, другъ, гражданинъ, Патріотъ, Герой? онъ подобенъ прожорливому скоту, потому что онъ не хочетъ умѣрять своей чувственности.

Дамисъ, противная сторона Клеанта, есть умѣренъ въ сихъ удовольствіяхъ вкуса, сохраняетъ свое господство надъ оными, и чрезъ тоже возвышаетъ сіе удовольствіе. Самыя простыя кушанья, тщательно изготовленныя, вкусны ему по окончаніи работы, голодомъ приправленныя, съ стороны своего пріятеля, или своей супруги и сына, столько же сладки, или еще слаще, нежели Клеанту его дорогія блюды. Онъ чувствуетъ новыя

силы

силы при своемъ наслажденіи, доволенъ, и могъ бы еще болѣе наслаждаться; холоднымъ напиткомъ себя оживилъ, и чувствуетъ новые жизненные ду́хи. Онъ бы еще болѣе могъ снести вина̀; но онъ пьетъ не для того, чтобъ свой духъ подавить, но чтобъ его здѣлать способнѣйшимъ къ его должностямъ. Его умѣренность предохраняетъ его отъ весьма многихъ и вредныхъ соковъ. Онъ чувствуетъ легкость тѣла и обтеченіе своей кро́ви. Онъ счастливѣе въ своей работѣ, спитъ спокойнѣе, встаетъ бодрѣе, чувствуетъ менѣе нападенія пороковъ, которые свое жилище имѣютъ въ крови̇, въ густой и неумѣренной крови̇. Онъ въ сердцѣ своемъ рѣдко бываетъ ропщущъ. И такъ его воздержаніе награждаетъ его безъ того, чтобъ онъ только былъ умѣренъ для сохраненія здоровья. Онъ напротивъ того никогда бы не былъ не умѣренъ, хотябы онъ чрезъ то не повреждалъ свое здоровье. Онъ умѣренъ взирая на божеское учрежденіе, и свѣдущъ, что онъ сіе сохраняетъ при употребленіи средствъ къ пропитанію. Да и ежели онъ не имѣетъ нѣкотораго увеселенія во вкусѣ, то не имѣетъ онаго за тѣмъ, что оно не нужно. Онъ бы можетъ быть могъ имѣть; но расходъ, которой бы оно причинило, въ его обстоятельствахъ и по его склонностямъ, должно вести благороднѣе. Онъ сообщаетъ его тѣмъ, за которыхъ кровь или заслуга, или недостатокъ его проситъ. Вы можете также веселиться подобно ему; и ежели вы болѣе нужды имѣете въ забавѣ, нежели онъ, то гораздо болѣе и увеселяйтесь, нежели онъ. Такимъ образомъ его умѣренность имѣетъ щастливое

вліяніе въ его благотворительство и во удовольствіе другихъ. Кто изъ обоихъ щастливѣе, воздержной ли Дамисъ, или неумѣренной Клеантъ?

Съ чувственностію вкуса соединена *чувственность любви*. Сія естественная склонность, которую намъ Творецъ къ сохраненію рода человѣческаго вліялъ, и по премудрости и благости соединилъ съ чувственнымъ побужденіемъ, ежели она отъ своего конца отдаляется и своего удовольствія кромѣ союза цѣломудреннаго супружества ищетъ, подлѣйшею дѣлается страстію, которую едва можно описать безъ поврежденія хорошихъ нравовъ.

Нѣтъ ничего не обузданнѣе, какъ сія склонность, когда оную должность не ограничиваетъ, ничто столь рано и столь извѣстно не погубляетъ сердце, и не прекращаетъ жизни человѣческой, какъ сія необузданная страсть. Она бываетъ жаромъ похоти, которой людей унижаетъ передъ скотомъ; и природа за безпорядокъ оной, наложила чувствительнѣйшія наказанія; такъ какъ за нее вѣра грозитъ гнѣвомъ и особеннымъ судомъ Божіимъ.

Сія страсть, которая въ себѣ есть пожирающей огонь, подавляетъ купно наилучшія склонности души. Она обезсиливаетъ сердце и отворяетъ оное для нѣжности и лѣности, роскоши и мотовства. Ниодинъ порокъ не бываетъ безъ другаго, по крайней мѣрѣ сластолюбіе. Оно не терпитъ прилѣжности въ дѣлахъ, ревности въ

похваль-

похвальныхЪ и славныхЪ предпріятіяхЪ. Оно, чтобЪ получить свой конецЪ, превращается вЪ коварство, вЪ подкупЪ, вЪ клятвопреступленіе. Оно прельщаетЪ, и само прельщается. Оно дѣлается подлымЪ, и погубляетЪ всю стыдливость. Дерзновенное лице любострастнаго человѣка какое не сносное зрѣніе!

Жертвы сластолюбія, какое нещастіе суть для бѣседы! обезчесченная невинность, какая печаль для фамиліи, и какое мученіе для нея самой! оскверненной союзЪ супружества. — Но позвольте мнѣ продолжать о мерзости сей страсти, и изЪ скверности оной познать, какое напротивЪ того благополучіе есть, господство надЪ естественною склонностію, какое благополучіе *Стыдлипость и цѣломудріе* для нашего сердца! сіи добродѣтели научаютЪ и укрѣпляютЪ насЪ, чтобы всякаго не законнаго употребленія любви кЪ другому полу удаляться, всѣмЪ побужденіямЪ сей склонности у себя и у другихЪ препятствовать, и всѣ средства употреблять, чрезЪ которыя бы мы сію естественную склонность управлять и по правиламЪ добродѣтели укрощать могли; и все сіе дѣлать изЪ послушанія кЪ Богу и изЪ почтенія кЪ его мудрому концу, для котораго оную намЪ даровалЪ.

КлеонЪ вЪ младыхЪ лѣтахЪ чрезЪ силы разума и вѣры управлялЪ сію естественную и добродѣтели опасную склонность, и сохранялЪ права и веселія невинности и не порочной совѣсти. Стыдливость была его спутшественница. Хорошіе

шіе примѣры были его учители, совѣтующій любезный другъ его жезлъ, и размышленіе о всевидящемъ окѣ его щитъ противъ не позволенныхъ желаній. Онъ за благовременно спознался съ любви достойною особою другаго пола, и его дружество и добродѣтель сдѣлали его склонность благороднѣйшею и не виннѣйшею. Ежели ты хочешъ когда нибудь такимъ наслаждаться щастіемъ, чтобъ владѣть ея сердцемъ, говорилъ онъ часто къ себѣ, то заслуживай оное чрезъ непорочность на пути прилѣжанія и заслуги такого мужа, котораго своя супруга вѣчно любить должна. Склонность, которая бы теперь была самою не позволенною, подавляй глубоко въ твоей душѣ. Ты бы не любилъ ни себя, ни ее, ежели бы ты могъ любить не благородно. Упражняйся съ похвальнымъ прилѣжаніемъ и тщаніемъ въ художествахъ и наукахъ, и поручай себя твоей милостивой судбинѣ. Она тебя чрезъ нее ощастливитъ, ежели она твое есть благополучіе. Чрезъ не винное обхожденіе дѣлай себя тѣмъ болѣе достойнымъ ея и ее достойною себя; и ежели ты къ тому не имѣешъ довольно силъ, будь мудръ, и удаляйся!

Теперь Клеонъ въ своихъ мужескихъ лѣтахъ съ стороны сей любви достойной особы наслаждается веселостями прещастливаго мужа и отца; и размышленіе о сохраненной невинности, на которую онъ теперь въ торжествѣ хорошей совѣсти смотритъ, сіе размышленіе стоитъ ему болѣе, нежели цѣлой свѣтъ.

Такимъ образомъ молодой человѣкъ украшай и ты невинностію свою молодость; всегда смотри на мудрость, но болѣе на добродѣтель, и будь яко мужъ щастливъ чрезъ цѣломудренную любовь и добродѣтель.

И ежели гласъ разума и совѣсти тебя не трогаетъ: то гласъ вѣры тебя да коснется: *аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ*; а сей храмъ ты. *Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть божія* (*); а не твои.

ДЕВЯТОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

Продолженіе о нужномъ господствованіи надъ желаніями; такожъ о кротости и терпѣніи.

Я вамъ, мои Слушатели, въ послѣднемъ ученіи о умѣренности и господствованіи надъ нашими естественными желаніями предложилъ, и чрезъ нѣкоторыя примѣры показалъ, сколь нужно господствовать надъ любовію къ жизни и здоровью, надъ желаніемъ чувственныхъ удовольствій и надъ склонностію къ любви. Теперь, прежде нежели отъ сей добродѣтели обращусь къ подробнѣйшему разсужденію о кротости, остается мнѣ предложить о господствѣ надъ *желаніемъ чести и богатства*.

(*) 1. кор. 3. 17. 6. 20.

3) И такъ дозвольте мнѣ вамъ въ сугубомъ изображенїи то наипаче показать, какъ желанїе чести, ежели оно бываетъ не порядочно, дѣлаетъ насъ не щастливыми; и какъ напротивъ того разумное ограничиванїе онаго бываетъ благополучїемъ нашимъ и другихъ.

Предмѣты *честолюбія* суть безчисленны, нѣкоторые по своей природѣ и употребленію суть лутчіе; однако и при лутчихъ сердце ничего не выигрываетъ. Сія склонность, ежели мы къ ней прилѣпляемся, наполняетъ насъ безпокойствіемъ, побуждаетъ насъ къ заботнымъ и ребяческимъ предпріятіямъ, раждаетъ гордость, зависть, ревнованіе, холодность къ чужимъ заслугамъ, презираніе оныхъ, и какъ скоро она оскорбляется, мщеніе и клевету; а что всего хуже, она сердце отъ Бога отвращаетъ.

Чинъ, рожденіе, титло, богатство, красота, художество, наука, храбрость, власть, добродѣтель, или другой какой нибудь предмѣтъ пускай будетъ побужденіемъ нашего честолюбія; оно всегда остается для насъ нещастіемъ: никакая страсть столь легко не лишается конца, какъ честолюбіе: нѣтъ страсти скучнѣе для бесѣды; такъ какъ нѣтъ свойства свѣту драгоценнѣе, какъ скромность и смиреніе.

Евкліонъ, обладаемъ будучи славолюбіемъ, чтобъ почитаться однимъ изъ наиученѣйшихъ, какія мученія претерпѣваетъ! онъ не учится, чтобъ быть мудрымъ и полезнымъ. Онъ хочетъ быть ученымъ, чтобъ сдѣлаться славнымъ

и

и великимъ, чтобъ быть удивленіемъ свѣта. Что никакого втеченія въ славу не имѣетъ, хотя бы оно столь хорошо, и столь полезно было, того онъ не ищетъ. Что удивительно есть, хотя бы оно было не нужно; въ томъ онъ упражняется. Каждая похвала, часто похвала глупыхъ, оставляетъ въ немъ огонь, которой его воспламеняетъ, чтобъ домогаться новыхъ похвалъ. Онъ пишетъ ученое сочиненіе, безъ сна препровождаетъ ночи, тратитъ здоровье, забываетъ дѣла домашнія, не радитъ о должностяхъ общества; а все сіе дѣлаетъ за тѣмъ, чтобъ удивительнымъ сдѣлаться. Похваляютъ его, и что получаетъ за свое стараніе? *Честь*! и что есть сія честь? Слова, звуки, виды, движенія, которыми другія ему свое почтеніе показываютъ, развѣ суть надежныя доказательства внутренняго почтенія? Сколь много невѣждъ, ласкателей и злыхъ вмѣшивается въ число его похвалителей! однако, Евкліонъ, пускай истинныя мнѣнія о твоихъ заслугахъ будутъ, кои они тебѣ открываютъ; пускай они истинные знатоки и судіи будутъ! за тѣмъ ли ты щастливѣе, что тебя другіе почитаютъ удивленіемъ учености; за тѣмъ ли ты мудрой и добродѣтельной, что другіе тебя мудрымъ и добродѣтельнымъ почитаютъ? Болѣзнь менѣе ли тебя будетъ страшить, когда она тебѣ приключится отъ десяти книгъ твоихъ безсмертныхъ сочиненій? Будешъ ли ты нещастіе нести спокойнѣе за тѣмъ, что ты имѣешъ славу учености? И твое имя дастъ ли тебѣ твердость въ смерти? Сія цѣль, къ которой ты стремишся, очень ли надежна? Евкліонъ скромно бываетъ порицаемъ. Онъ бѣ-

 сится

сится отъ сего порицанія. Дамонъ человѣкъ показавшей заслуги болѣе хвалимъ, нежели онъ. Честолюбіе Евкліона пробуждается. Онъ не хочетъ терпѣть соперника: Дамонъ менѣе долженъ имѣть заслугъ, нежели Евкліонъ. Онъ умаляетъ Дамона. Сей отвѣтствуетъ за себя скромно; и ужѐ Евкліонъ оскорбленіями и ужасными попреками нападаетъ на честь своего соперника, и дѣлается ненавистникомъ другаго, за тѣмъ только, что онъ свой собственной почитатель, и столь малъ, что онъ не можетъ безъ зависти взирать на великость другаго.

Евкліонъ, сей гордой, будетъ насъ презирать, ежели мы его хвалить станемъ; ибо онъ есть не сравненно лучше, нежели мы. Онъ будетъ насъ презирать, ежели мы его хвалить не станемъ, потому что мы по его мнѣнію столь просты и столь злы, что не хотимъ вникнуть въ его заслуги. По крайнѣй мѣрѣ онъ насъ не болѣе будетъ искать, какъ по колику мы дѣлаемся слѣпыми почитателями его мнѣній и будто какъ его идолослужителями, которые ладонъ безъ мѣры на него расточаютъ. Кому онъ будетъ служить, развѣ бы это было для того, чтобъ имѣть славу? Будь малъ, не извѣстной, исполненной заслугъ, и требующей его покровительства; онъ тебя промѣниваетъ на того, которой ему болѣе ласкательствуетъ, ему болѣе славы обѣщаетъ. Онъ собственно не имѣетъ никакого чувствія въ своемъ сéрдцѣ, какъ чувствіе своей славы. Когда онъ окруженъ книгами, то онъ ни малаго попеченія не имѣетъ о всемъ свѣтѣ.

Попе-

Попеченіе о его важности никакому другому попеченію въ его се́рдцѣ быть не попускаетъ. И ежели бы его прилѣжаніе случайнымъ образомъ свѣту не было полезно; то бы сей ученой былъ праздной и гордой пустынникъ, которой бы никакого болѣе намѣренія не имѣлъ, какъ чтобы ему свѣтъ въ его пустыню приносилъ пищу и жертву, дабы его скучная жизнь вездѣ была слышна. Онъ бы въ романахъ подобенъ былъ тѣмъ обвороженнымъ драконамъ, кои стерегутъ сокровища, ихъ не зная, и къ которымъ однакожъ подступать людямъ не даютъ. Евкліонъ будетъ неправосуденъ, какъ скоро его честолюбіе то прикажетъ. Онъ будетъ не радивой отецъ, самовластной другъ, скучной товарищъ, и вездѣ свой собственной непріятель; ибо таже гордость во первыхъ наказывается отъ другихъ гордостію же, или презрѣніемъ, или худою славою. Положимъ чтобы Евкліонъ былъ урожденной Князь, и его бы честолюбіе стремилось къ Геройскимъ дѣламъ: то бы онъ сражался, какъ теперь въ спорныхъ сочиненіяхъ сражается, проливалъ рѣ́ки кро́ви, чтобъ побѣдить, отваживался на смертныя опасности, чтобъ получить лавровый вѣнецъ Героя, на слезы цѣлыхъ народовъ смотрѣлъ безчувственно, чтобъ удовольствовать свое ревнованіе или свою зависть, противъ другаго государства шелъ бы войною, потому что оно предъ нимъ не покорно, и одну землю бы опустошалъ, потому что онъ иначе другой получить не могъ. Честолюбіе есть мученіе и нещастіе.

Хотя бы онъ когда нибудь сдѣлался любимцомъ, съ которымъ бы щастіе тѣсно было соединено, и всякое его желаніе было вскорѣ исполняемо; онъ для того не свободенъ отъ попеченія; честолюбіе есть вѣчной огонь, которой ни время, ни честь не утушаютъ.

Сколь напротивъ того благополученъ Кратесъ! онъ ищетъ добродѣтели и заслугъ, и веселится, что оныя похвалою награжденными находитъ. Наблюденіе его должности, употребленіе его преимуществъ и дарованій, которыя ему провидѣніе низпослало, есть его слава. Онъ знаетъ, любитъ и почитаетъ чужія заслуги; ибо это должность и добродѣтель. Онъ старается своихъ сродниковъ умножать; ибо того требуетъ его опредѣленіе. Онъ чувствуетъ трудъ прилѣжанія, и къ понесенію онаго поощряется чрезъ такое размышленіе, что онъ ничего благороднѣе дѣлать не можетъ, какъ что онъ себѣ и другимъ полезенъ, и не можетъ быть благодарнѣе въ разсужденіи провидѣнія за свое преимущество, какъ что онъ знаетъ, что это есть не заслуженное преимущество, которое бы оно и другому могло сообщить. Онъ скроменъ, за тѣмъ что видитъ, сколь много у него еще не достаетъ; видитъ, что не всѣ въ его дарованіяхъ нужду имѣютъ, что и другихъ способности нужны; видитъ, что глупъ тотъ, которой о чужемъ добрѣ какъ о своемъ собственномъ разсуждаетъ. Онъ старается о высочайшей похвалѣ неба; для того онъ не можетъ быть гордымъ. Онъ недостатки и пороки другихъ сноситъ милостиво,

старается ихъ исправить и помышляетъ о своихъ сродникахъ. Не хотятъ его заслуги почитать; однако онъ продолжаетъ быть исполненнымъ заслугъ. Онъ ищетъ похвалы не болѣе, нежели сколько онъ достоинъ, для того его слава тѣмъ продолжительнѣе, и прилѣжаніе, попеченіе и время, которое другія на то употребляютъ, чтобъ показаться такими, какими они не суть, употребляетъ, чтобъ быть общеполезну. Онъ любимъ бываетъ отъ мудрыхъ и не порочныхъ; какое благополучіе! онъ имѣетъ похвалу своего сéрдца, и можетъ утѣшаться вышшею. Онъ свободенъ отъ мученія, честолюбія, и однакожъ имѣетъ истинную честь. И кто ему столь легко будетъ завидовать въ позволенныхъ выгодахъ прилѣжанія и преимущественныхъ дарованій, когда онъ ихъ достоинъ? Сколь благополученъ Кратесъ!

4) *Имѣнія желать, любить и искать для того, чтобъ оное имѣть, да и самое средство превращать въ конецъ, есть противъ разума; это есть безпорядокъ желаній, и самой подлѣйшій родъ сребролюбія. Кто имѣнія ищетъ для такого конца, или его употребляетъ за тѣмъ, что оно есть средство, его чувственность, его пустоту и сновидѣнія его воображенія удовольствовать, тотъ ищетъ и употребляетъ его не такъ, какъ надлежитъ, самъ себя наказываетъ, и бываетъ къ другимъ не правосуденъ.*

Стрефонъ домогается имѣнія, не для того, чтобъ оное запереть; такъ онъ не глупъ. Нѣтъ, онъ почитаетъ его какъ средство къ достиженію

нѣкоторыхъ другихъ концовъ. Онъ много имѣетъ; но его пустота требуетъ и многаго расхода. Нынѣ сіе, взавтре оное требованіе чувствъ и воображенія! можетъ ли Стрефонъ когда нибудь быть доволенъ имѣніемъ? Онъ бережетъ тамъ, гдѣ беречь не долженъ, и сребролюбивъ для того, чтобъ быть суетнымъ и чувственнымъ. Имѣніе есть средство, себѣ и другимъ пользу приносить Напротивъ того Стрефонъ оное почитаетъ за средство довольствовать свои страсти и во ображенія. Можетъ ли онъ притомъ мудро поступать? Онъ хочетъ сего дня довольствовать суету. Она стоитъ того и столь много, и онъ находитъ средство за малое число денегъ великой получать процентъ И такъ онъ усмиряетъ свое любоимѣніе, чтобъ служить суетѣ. Сей же Стрефонъ даетъ своимъ служителямъ бѣдную и скудную плату; но онъ даетъ имъ богатыя ливреи. Онъ хочетъ быть великолѣпнымъ; для того онъ сребролюбивъ. Богатой къ каретѣ приборъ, драгоцѣнной домъ, хорошая вотчина кажутся его воображенію весьма достойными желаній и нужными. Онъ бы никогда не принялъ подарка; но теперь принимаетъ великую сумму, и за то подкрѣпляетъ чрезъ свою власть подозрительное прошеніе любимца; а для чего? Онъ хочетъ свое имѣніе не уменьшать, и однакожъ любитъ нравиться свѣту. Пускай его сребролюбіе въ толь различные каналы разольется, оно опять всегда съ новою нечистотою идетъ въ море, изъ котораго вышло.

Сей Стрефонъ всегда есть свой собственной пагубникъ. Онъ превращаетъ опредѣленіе имѣнія,

нія, и его склонность должна развратить его сéрдце, онъ для своихъ денегъ питаетъ не порядочныя или глупыя, не простительныя или смѣшныя склонности. Онъ между сребролюбіемъ и мотовствомъ, между любоимѣніемъ и пустотою старается возстановить глупой миръ.

Еще подлѣе и пагубнѣе есть страсть Сеюса, которой любитъ деньги для денегъ. Онъ хочетъ ими не наслаждаться, но только оныя имѣть, умножать и запирать. Для него довольно, что онъ знаетъ, что онъ богатъ, и что его потомки также богаты будутъ, или по крайнѣй мѣрѣ, что его свѣтъ почитаетъ за богатаго.

Онъ чувствуетъ прелесть, когда его имѣніе умножается, и сія воспламеняетъ его желаніе къ большему богатству, безъ того чтобъ оное успокоить. Страхъ онаго лишиться, долженъ былъ его осторожнымъ только сдѣлать, и оной мучитъ его терзающею заботою. Сеюсъ скуденъ въ то время, когда онъ только богатымъ быть можетъ. Ежели онъ врагъ своего собственнаго увеселенія: то онъ сего лишитъ и своихъ сродниковъ. Онъ недаетъ себѣ покоя, пока будетъ доволенъ. И когда доволенъ? Никогда, сколь долго онъ еще болѣе будетъ имѣть. И такъ когда будетъ спокоенъ? Попеченія, хитрости, подлости, жестокость, несправедливость, ненависть, не умѣренная работа служатъ средствами его имѣніе умножать или сохранять; когда можетъ оставить, употреблять сіи средства?

Не

Не можетъ обитать хорошая склонность въ томъ се́рдцѣ, гдѣ господствуетъ сіе не умѣренное желаніе. Сеюсъ свое золото дѣлаетъ Богомъ; и что есть золото? Онъ жертвуетъ своимъ покоемъ тому добру, которое ему не нужно; и чрезъ свое желаніе другаго лишаетъ средствъ пищи или спокойствія. Не наказываетъ ли за сіе разумъ? Его желаніе богатства погашаетъ свѣтъ его разума со всѣхъ сторонъ, выключая одну сторону любоимѣнія. Также его желаніе богатства подавляетъ и всѣ склонности непорочности и человѣколюбія. Надобно еще спросить, развѣ Сеюсъ не щастливъ?

А ежели мы сей склонности къ имѣнію, и употребленію онаго полагаемъ надлежащія границы, то мы найдемъ, что она примиряется съ спокойствіемъ се́рдца, какъ скоро она примиряется съ премудростію.

Дамонъ домогается имѣнія, чтобъ себя и своихъ содержать. Онъ употребляетъ свое прилѣжаніе, чтобъ оное умножать и сохранять. Онъ бережливъ, и такимъ образомъ имѣетъ менѣе расходу, менѣе попеченія. Онъ наслаждается, чего онъ требуетъ; и такимъ образомъ наслаждается плодомъ своего прилѣжанія или своего щастія. Онъ почитаетъ свое имѣніе ввѣреннымъ добромъ; и такимъ образомъ онъ милостивъ и готовъ къ вспоможенію другимъ, чѣмъ болѣе онъ къ тому имѣетъ средства.

Онъ взираетъ на людей, а не на взаимныя услуги, трудъ дѣлаетъ себѣ утѣхою, и помощъ прибылью.

Онъ вкушаетъ веселіе благотворенія, и сіе питаетъ его человѣколюбіе. Онъ можетъ другимъ полезенъ быть, и притомъ пользу приноситъ самому себѣ. Онъ видитъ, что можно имѣть весьма великія богатства, и притомъ подвержену быть еще многимъ злоключеніямъ жизни, болѣзнямъ, бѣдствіямъ своего дома, клеветамъ зависти, кознямъ злыхъ, безпокойствію своей собственной души, насилію своихъ непріятелей; долженъ ли онъ повѣрить, что желаніе внѣшнихъ благъ можетъ составлять все желаніе человѣка? Онъ всегда опасенъ, чтобъ у него его имѣніе со всѣмъ или часть онаго, и средство себя содержать, на нѣкоторое время не могло у него отнято быть. И потому онъ предостороженъ, чтобъ не быть причиною сего нещастія; и когда онъ гласу своей должности при своемъ имѣніи повинуется: то поручаетъ прочее провидѣнію, которое не все благоволило отдать въ его власть. Онъ удаляется самому отъ себя происшедшей бѣдности, и напередъ вооружается, чтобъ не отъ себя произшедшую кротко сносить, когда она на него попущена быть должна. Дамонъ любимъ и почитаемъ, носитъ съ собою тихую похвалу, наслаждается своимъ имѣніемъ, свободенъ отъ сребролюбія, исполненъ милости и человѣколюбія, благодаритъ провидѣніе, поручаетъ себя его покровительству, и свое благополучіе находитъ въ мудромъ употребленіи своего имѣнія, и въ умѣреніи желаній сихъ благихъ.

А сіе умѣреніе тѣхъ желаній, которыя учреждаются по предмѣтамъ внѣшняго благополучія,

лучія, не только промышляетъ намъ выгоду, что оно насъ для разумнаго употребленія сихъ благихъ, безъ котораго бы оныя гораздо болѣе нещастіемъ, нежели благополучіемъ были, въ безопасности поставляетъ, и предохраняетъ насъ отъ глупости присвоять имъ чрезвычайное достоинство; но и укрѣпляетъ насъ, чтобъ мы безъ оныхъ были кротки, когда мы ихъ законно стяжать не можемъ, и что бы мы оныя въ разсужденіи внутренняго благополучія души великодушно презирали. Сіе расположеніе духа, сколько есть должностію и добродѣтелію, столько и благополучіемъ для своего стяжателя. Внѣшнія благія имѣютъ конечно великое втеченіе въ нашъ покой. Болѣе радости есть, чувствовать благія сердца и притомъ щастіе здоровья, болѣе радости, быть богатымъ добродѣтелію и богатымъ благими жизни, болѣе радости, имѣть похвалу своей совѣсти и притомъ похвалу людей, болѣе радости, быть свободну отъ пороковъ и притомъ свободну отъ болѣзней тѣла, отъ злоключеній скудости и поврежденій нашего хорошаго имѣни. Но мы живемъ въ свѣтѣ, котораго состояніе не совершенно и перемѣнѣ подвержено. Ни достигать внѣшняго благополучія ни пріобрѣтенное всегда сохранять не состоитъ въ нашей власти. Предмѣтовъ, кои надлежатъ до внѣшняго благополучія, великое число находится, и многихъ изъ оныхъ у насъ чаще не достаетъ. Нѣтъ жизни столь щастливой, она имѣетъ свои недостатки; и щастливый жребій богатства, высочества, чести, здоровья есть не постоянный; ибо сколь скоро лишаемся

мы

мы сихъ благихъ, что происходитъ часто не отъ насъ, а часто и отъ насъ самихъ! Се́рдце, которое въ такомъ находится ра положеніи, чтобъ себя, хотя не достаетъ сихъ благихъ, успокоить, или зло жизни, которое намъ грозитъ, и не далеко отъ насъ, сносить кротко, не обходимо должно быть великимъ благополучіемъ человѣка, котораго обстоятельства всегда подвержены перемѣнѣ. Сіе расположеніе духа, т е. себя къ скукамъ и страданіямъ естества чрезъ высочайшія разсужденія и упованія предъуготовлять, не избѣжной опасности смѣло сопротивляться, и будто какъ зла лишать его скучной природы чрезъ чудо премудрости, основывается на любви достойныхъ свойствахъ се́рдца, которыя мы *кротостію* и *терпѣніемъ*, *великодушіемъ*, *смиреніемъ*, и *порученіемъ въ совѣты провидѣнія* называемъ. Кто можетъ сумнѣваться, что мы къ симъ добродѣтелямъ тѣмъ болѣе обязаны, чѣмъ болѣе онѣ помогаютъ облегчать злоключеніе жизни?

кротость и терпѣніе } Кротость и терпѣніе суть не обходимыя и драгоцѣнныя сво́йства души. Помощію ихъ мы ослабляемъ неудовольствія и печали, кои отъ недостатка и злоключеній жизни къ намъ пристаютъ. Находятся злоключенія, отъ которыхъ прозорливость и благоразуміе себя предохранить не въ состояніи, злоключенія, которыя разумъ и сила, когда они насъ встрѣчаютъ, удержать не можетъ, злоключенія, которыя отъ нашего собственнаго несовершенства происходятъ, и отъ которыхъ наибольшая добро-

бродѣтель совсѣмъ предостеречь себя не можетъ, потому что наилучшая добродѣтель имѣетъ свои слабости и преступленія. Противъ всѣхъ сихъ золъ вооружаютъ насъ *кротость* и *терпѣніе*, чтобъ мы ихъ, когда они насъ издали стращаютъ, рабски не боялись, и чтобы имъ чрезъ страхъ не придавали большей тяжести; и чтобъ мы, когда они дѣйствительно намъ приключатся, свою унылость подъ ихъ тяжестію умѣряли, и чтобы чувствію печали наибольшее чувствіе лучшей радости противополагали. Кротость отъ естественной твердости столько различна, сколько отъ воображаемой безчувственности Стоика. Она есть *плодъ премудрости и господства надъ нашими страстями.* Се́рдце не можетъ быть никогда безчувственно въ разсужденіи недостатка и болѣзни, и его склонность къ благополучію повелѣваетъ ему оныя отъ себя отвращать; но кроткое се́рдце беретъ пищу своей кротости изъ премудрости и справедливаго проницанія въ естество истиннаго добра и истиннаго зла. Оно подкрѣпляетъ себя разсужденіями о должности, что мы обязаны, не раздѣльныя съ природою скуки или злоключенія, потому что мы люди а не Ангели, сносить. Ежели оныя не отъ насъ, то укрѣпляетъ оно себя размышленіемъ, что оныя отъ высочайшей власти мудро приготовлены, или для нашей пользы попущены. Ежели они суть печальное бре́мя, которое мы чрезъ погрѣшности или преступленія на себя самихъ наложили, то кротость уменшаетъ справедливое омерзеніе къ себѣ самимъ чрезъ мудрое раскаяніе, которое мы о своихъ

грѣ-

грѣхахъ чувствуемъ, и которое есть порука будущей предосторожности и большей умѣренности. Она чрезъ то отвращаетъ отъ насъ печаль и отчаяніе, такъ что она насъ ободряетъ и самое заслуженное злоключеніе чрезъ мудрость превращать въ наше благополучіе, и болѣзнь въ терпѣніе и упованіе на помощь провидѣнія. Многія страданія можно отдалить или уменшить, когда мы столь многую бодрость духа имѣемъ, чтобъ средства противъ оныхъ искать, или столь много силы, чтобъ оныя надлежащимъ образомъ и продолжительно употреблять. Кротость помогаетъ намъ въ сей бодрости и силахъ; и чрезъ тоже освобождаетъ насъ отъ многихъ золъ, или ослабляетъ ихъ естественную силу. Многія злоключенія получаютъ свою тяжесть отъ силы воображенія. Кротость, плодъ премудрости, настоящее зло лишаетъ страшнаго вида, въ которомъ воображеніе представляетъ оное. Она препятствуетъ ребяческой пужливости. Недостатокъ въ сокровищахъ, которыя бы мы могли мудро употреблять, такъ научаетъ насъ кротость разсуждать, есть зло; но презирать сокровища, для того что они къ нашему благополучію не нужны, есть покой и великость души. Наилучшіе изъ смертныхъ могли быть безъ оныхъ, и были малымъ довольны. Ты оныя получилъ и теряешъ ихъ не самъ отъ себя. Довольно утѣшенія! Ихъ приращеніе можетъ быть бы подавило благія твоей души, а злыя склонности въ тебѣ возбудило. Не достаетъ у тебя тѣхъ спокойствій, которыми бы въ другое время наслаждался; но ты имѣя оныя не сдѣлался

нѣжнымъ, и промыслъ никогда тебя не оставляетъ въ нужныхъ потребностяхъ жизни. Ежели ты чувствуешъ сіе упованіе, довольно утѣшенія!

Кротость плодъ мудрости, не пріятному впечатлѣнію бѣдности противополагаетъ сильнѣйшее и пріятнѣйшее впечатлѣніе большаго добра. Чести не получать, которой достойны, хорошей славы чрезъ клевету и коварства людей лишаться, которую снискали чрезъ заслуги, видѣть себя подверженнымъ ругательству и презрѣнію, послѣ какъ ты наслаждался удовольствіемъ высокопочитанія: сколь чувствительна сія судьбина! но сколь много тяжести оной кротость уменшаетъ! ты, говоритъ она къ сему не щастливому, многаго лишился; однако внѣшняго только добра, только эха чести, а не самаго голоса чести, которой изъ твоей совѣсти говоритъ. Ты еще хорошъ, для того что ты старался поступать по твоей должности, хотя весь свѣтъ противное о тебѣ думаетъ. Похвала людей не возвышаетъ твоего истиннаго достоинства, и ихъ порицаніе не унижаетъ онаго. „Ты стоишъ на высотѣ должности. Смотри на слабыя „стрѣлы, выпущенныя на тебя изъ долины „клеветы, и падающія предъ твоими ногами, „ступай великодушно по онымъ, и восходи по „нихъ еще выше.„ У не порочнаго твоя заслуга или твоя невинность не остается скрытою, и око неба видитъ, и разсуждаетъ о твоемъ достоинствѣ, хотя земля онаго не примѣчаетъ. Наиблагороднѣйшіе изъ людей презрѣли похвалу глу-

глупыхъ и были безъ оной; и наибольшія души слышали ругательство глупыхъ, и продолжали итти спокойно по стезѣ добра. Продолжай и ты и чувствуй радость, что ты справедливо поступаешъ, и презирай незаслуженное безчестіе; это есть высочество души. Хочешъ ли тѣмъ бѣднымъ быть, которой безъ заслуги имѣетъ славу, оной подло ищетъ, и съ подлою заботою защищаетъ? Что есть внѣшняя слава? Двузнаменительной голосъ и сонъ суеты! что есть истинное безчестіе? Порокъ! чрезъ что ты можешъ весь человѣческой страхъ преодолѣть? Чрезъ страхъ Всемогущаго! такъ не унывай и дѣлай, чтобы твоя должность была твоею бодростію, и не вооружайся ненавистію противъ клеветника, ругателя, оскорбителя, но удаляйся его чрезъ благоразуміе, старайся его чрезъ милость въ слабость привѣсти, и чрезъ мудрое повѣденіе пристыдить. Прощай ему озлобленія, которыя онъ тебѣ дѣлаетъ, и ежели ты оныя ничемъ инымъ не можешъ отвратить, какъ рукою вышней власти: то ищи своего права съ кромностію и безъ огорченія озлобителя.

Такимъ образомъ кротость, плодъ добраго и благороднаго сердца, насъ и подъ бремени нещастнѣйшихъ приключеній ободряетъ. Это правда, что она себѣ не всегда равна; однако она собираетъ скоро опять новыя силы, когда великость нещастія оную лишила нѣкоторыхъ. Она жалуется, но не неистовствуетъ. Она умѣряетъ справедливѣйшія жалобы помощію премудрости и добродѣтели.

Сіе постоянное разположеніе се́рдца въ великихъ и долговременныхъ злоключеніяхъ бываетъ *терпѣніемъ*, которое насъ чрезъ проницательство въ высочайшее и не престающее благополучіе и подъ жестокимъ страданіемъ еще укрѣпляетъ, чтобы мы оное безъ роптанія сносили, и вмѣсто чувствованія не пріязненнаго негодованія въ разсуждении людей или Бога, гораздо болѣе похваляли совѣтъ провидѣнія, и оное и за ниспосланное бѣдствіе, такъ какъ за благодѣяніе благодарили. Оно бываетъ *мужествомъ*, когда мы должны сопротивляться опасности; *великодушіемъ*, когда мы къ охотному подъятію зла жизни для высочайшаго добра душѝ званы бываемъ; и наконецъ *Геройскою храбростію*, чрезъ которую мы обыкновенной ужасъ природы и напослѣдокъ страхъ сильнѣйшаго непріятеля, смерти преодолѣваемъ. Сіе разположеніе се́рдца, слушатели, не превосходно ли, и кто можетъ быть безъ онаго? Какой тронъ стоитъ столь высоко, котораго бы никакое нещастіе не могло потрести или опровергнуть? Щастливѣйшей, сего дня еще щастливѣйшей, есть можетъ быть по утру ужѐ бѣднѣйшей! наши сокровища не часто ли суть добычею коварства и власти? Они чрезъ безчисленныя случаи, которыя мы ни предвидѣть, ни предупредить не можемъ, не могутъ ли отняты быть? Король пускай будетъ столько силенъ, будетъ ли онъ для того безопаснѣе? Развѣ и съ сильными Королями ужѐ не встрѣчалось, что они въ бѣдности умирали, после какъ они долго съ оною боролись? Цвѣтъ здоровья; бсколь скоро онъ свертывается въ безсиліе и болѣзнь!

лѣзнь! все, что ни бываетъ радостнаго во внѣшнихъ обстоятельствахъ со всѣмъ есть не наше. Всякое злоключенiе жизни есть не со всѣмъ отдаленно, или никогда отъ насъ не отдаленно. Я вамъ одобряю сiю добродѣтель, я, которой судьбины людей болѣе знаю, болѣе ихъ тяжести несу, нежели вы, и совѣтую вамъ ужè въ первыхъ явленiяхъ вашея жизни разполагаться къ оной мудро. Научайтесь въ малыхъ нещастiяхъ, которыя съ вами въ малолѣтствѣ встрѣчаются, большiя сносить, которыя может быть вамъ, да и могу сказать подлинно наступаютъ; въ теперешнемъ трудѣ ученiя бремя будущей должности, въ недостаткахъ спокойствiй молодаго человѣка лишенiе радости мужа, въ ничтожествѣ не заслуженной бѣдности будущее презрѣнiе богатыхъ глупцовъ, въ досадномъ попреканiи, которое вамъ осердившейся прiятель въ покояхъ дѣлаетъ, публичное на заслуженное попреканiе, которое бы вамъ впредь предъ свѣтомъ дѣлали. Учитесь въ малыхъ тяжестяхъ вашего здоровья, можетъ быть впредь долговременную потерю онаго ужè теперь сносить. Кто вамъ ручается за непоколѣбимость вашихъ цвѣтущихъ силъ? Учитесь въ не полученной наградѣ, которой вы надѣялись за ваше настоящее прилѣжанiе, можетъ быть будущее неполученiе чина, котораго надѣялись, сносить. Всѣ ли достойные мужи скоро и щастливо награждаемы бываютъ? Полагайте чрезъ преодолѣнiе препятствiй, которыя васъ теперь въ теченiи вашея должности удержать и съ пути прилѣжанiя и добродѣтели совратить хотятъ, полагайте чрезъ презрѣнiе ругательства, кото-

рое съ вами при строгомъ наблюденіи вашей должности встрѣтиться можетъ, чрезъ презрѣніе похвалы, которую бы вы получили, ежели бы вы обманчивымъ примѣрамъ и прелестямъ знатныхъ и не благонравныхъ слѣдовать хотѣли; полагайте, говорю я, чрезъ то ужѐ теперь основаніе къ бодрости, чтобы вамъ впредь, когда вы какъ мужи будете защищать званіе, истинну и вѣру, ни чрезъ страхъ человѣковъ, ни чрезъ похвалы, ни чрезъ угроженія Князей и Королей не преклониться, и чтобы чрезъ размышленіе о своей должности весь ужасъ жизни преодолѣть. Ежели это съ вами можетъ быть въ первыхъ вашихъ лѣтахъ случится противъ справедливаго желанія вашего сердца: то для того не отчаявайтесь. *Благо есть мужу, говоритъ с: писаніе, егда возметъ яремъ въ юности своей и будетъ ожидать надежды.* (*) Кротость облѣхчаетъ намъ столь многія болѣзни, и у столь многихъ злоключеній жизни отнимаетъ ихъ смертной ядъ; но слушатели, она есть плодъ разсужденія и важнаго размышленія Мы должны себѣ часто представлять малое достоинство благихъ тѣ́ла и щастія, и свое воображеніе очищать отъ ихъ сновидѣній и ложныхъ объ нихъ разсужденій. Она есть плодъ умѣренности нашихъ желаній и страстей. Мы должны за благовременно пріобучать себя къ тому, чтобъ свои склонности по нашимъ истиннымъ нуждамъ ограничивать, чтобъ оными смотря на концы, для которыхъ онѣ намъ влiянны, хорошо управлять, и отрѣкаться и позво-

(*) Плачь Iер. 3. 27. 29.

позволенныхъ и не винныхъ увеселенiй. Кротость и терпѣнiе суть плоды упражненiя. Мы должны оныхъ часто желать, часто и каждой день чрезъ похвальныя умствованiя искать. Мы должны часто при первой чувствительности нещастiй себя умѣрять, часто возобновленное негодованiе чрезъ оружiе премудрости укрощать. Кротость получаетъ свою крѣпость отъ свѣденiя о вышшихъ благихъ, нежели какъ тѣ, которыхъ мы не имѣемъ; отъ представленiя о вышшемъ покровителѣ во всѣхъ нашихъ нещастiяхъ. И такъ должны мы всегда стараться о стяжанiи хорошихъ склонностей, о исполненiи всѣхъ нашихъ должностей, и о благородномъ упованiи на всемогущее провидѣнiе и его помощь, чтобъ себя къ постоянному ожиданiю не избѣжныхъ золъ готовыми, когда они придутъ, къ мужественному понесенiю оныхъ способными, и когда они долго и жестоко утѣснять станутъ, къ Героическому терпѣнiю вооружившимися сдѣлать. Какъ намъ вѣра сiи добродѣтели по большей части одобряетъ: такъ она одна и содержитъ высочайшiя побужденiя къ онымъ чрезъ обѣщанiя безконечнаго блаженства въ оной жизни. Кто себя въ вѣрѣ съ божественнымъ увѣренiемъ не сравненно щастливымъ видитъ и чувствуетъ, тому страданiя сего времени сравненныя съ вѣчными веселостями, суть только малыя злоключенiя.

Мы наконецъ должны часто себѣ и то напоминать, что трудности и злоключенiя жизни имѣютъ спасительное втеченiе въ нашу премудрость и добродѣтель, что люди въ нещастiи иску-

искусившіеся суть по большей части наиполезнѣйшіе и великіе помощники; что благополучіе часто труднѣе сносить, нежели нещастіе; что мы чрезъ великіе труды не рѣтко къ продолжительному благополучію приводимы бываемъ, которое бы мы безъ оныхъ никогда не научились похвальнымъ образомъ имѣть. Мы должны часто о непостоянствѣ и маломъ достоинствѣ внѣшнихъ благихъ напоминать, и не большихъ но продолжительныхъ веселостей, которыя каждое состояніе людей позволяетъ, искать, чтобы свою кротость чрезъ то утвердить. Многіе для того столь мало имѣютъ пищи для ней, что они малѣйшимъ добромъ, которое предъ ними лежитъ, и которымъ бы часто они наслаждались, не хотятъ наслаждаться мудро, что они тѣ общія веселости естества не почитаютъ и ихъ не ищутъ, которыя требовать всѣ люди во всѣхъ мѣстахъ имѣютъ право, и которыми сердце еще безвредно отъ тысячи малыхъ злоключеній наслаждаться можетъ.

Наслаждайся, что Богъ тебѣ послалъ, будь съ охотою безъ того, чего ты не имѣешъ. Каждое состояніе имѣетъ свой покой, каждое состояніе также свое бремя. Осмелишся ли ты подумать, что его любовь тебя забываетъ? Онъ даетъ намъ болѣе, нежели мы заслуживаемъ, и никогда того не даетъ, что намъ вредно.

ДВАДЕ-

ДВАДЕСЯТОЕ УЧЕНІЕ.

О смиреніи

Ежели бы возможно было, чтобы наше сердце всѣ хорошія свойства имѣло, выключая *смиренія*; тобы оно безъ сей добродѣтели истинной заслуги не имѣло, а всегда бы у него недоставало спокойствія; столь велико ея достоинство, и столь не обходима сія добродѣтель для человѣка. Безъ смиренія нѣтъ истинны въ нашемъ сердцѣ; ибо сія добродѣтель основывается на прямомъ познаніи самихъ себя, другихъ людей, и безконечнаго источника совершенства, изъ котораго наше бытіе проистекло, и свою всегдашнюю пищу всякую минуту получаетъ. Смиреніе вопервыхъ сопротивляется гордости, своему наибольшему врагу, которая смиреніе поноситъ, называя подлостію, и непріятелемъ честолюбія, надъ онымъ ругается, и однакожъ въ самомъ дѣлѣ желаетъ въ другомъ, часто не примѣчая онаго. Ибо хотя гордость себѣ нравится въ своей собственной высокости, однако оную ненавидитъ въ другомъ; и не взирая на все ругательство, которое она дѣлаетъ на смиреніе и скромность, будетъ любить не рѣтко скромнаго, и быть съ нимъ во обхожденіи. Вѣрнѣйшее доказательство, что смиреніе должно быть нѣчто превосходное, потому что онаго ищетъ его собственной непріятель, и что гордость должна быть нѣчто противное естеству, потому что тотъ, кто

онную имѣетъ, не можетъ терпѣть оной въ другомъ. Сіе же примѣчаніе содержитъ въ себѣ купно причину, для чего находится большая часть людей гордыхъ, а малое число смиренныхъ. Себѣ для того, что чувствуютъ, что смиреніе въ другомъ любятъ, ласкательствуютъ, будто бы имѣли сію добродѣтель и для того что гордость въ другомъ не навидятъ, будто бы ненавидѣли оную и въ самихъ себѣ. Не могутъ по своему собственному чувствованію того сказать, чтобы смиреніе не была душа всѣхъ добродѣтелей; желаютъ оное имѣть, и жертвуютъ оному вмѣсто се́рдца только похвалою разума. Не могутъ того сказать, чтобы гордость не была воображаемая склонность, ревнуютъ видя оную въ другомъ, свои внѣшнія наглости въ словахъ и движеніяхъ удерживаютъ благоразумно въ своемъ повѣденіи, и думаютъ, что оную преодолѣли.

Но что есть смиреніе, сія столь любви достойная добродѣтель? Можетъ быть *чувствіе своей собственной слабости*? Можетъ быть *малое разсужденіе о своихъ собственныхъ заслугахъ и преимуществахъ*? Можетъ быть *чистосердечное почитаніе тѣхъ дарованій*, *которыя мы въ другихъ усматриваемъ*? Ежели оно не болѣе есть, то можетъ быть дѣйствіемъ сложенія, или переодѣтою гордостію, или по крайнѣй мѣрѣ только плодомъ разума, а не душею добраго сердца. Можно чувствовать свое малое достоинство, для того что лѣнивы пріобрѣтать себѣ заслуги. Сіе есть *подлость* а не

смире-

смиреніе. Можно о своихъ дарованіяхъ мало, а о свойствахъ другихъ похвально разсуждать, для того что ни оныхъ, ни сихъ справедливо не знаютъ. Сіе есть *заблужденіе*, а не *смиреніе.* Можно справедливо разсуждать о своихъ заслугахъ и недостаткахъ, себѣ не приписывать достоинства, котораго не имѣешъ, свои пороки и преступленія признавать и исправлять, однакожъ притомъ быть гордымъ по своимъ хрошимъ свойствамъ. Можно себя справедливо сравнивать съ другими; ихъ дарованія и преимущества съ своими точно свѣшивать, познавать и признаваться, въ чемъ они насъ превосходятъ, имъ почтеніе оказывать, однакожъ съ другой стороны быть гордымъ въ сердцѣ по своему преимуществу. Мы имѣемъ столь различныя дарованія, и сіи дарованія имѣютъ столь различныя степени, что мы другому скоро въ его преимуществѣ уступаемъ, и однакожъ его заслугѣ другую нашу противо полагаемъ, или ему въ его вышшей степени добра охотно уступаемъ, и однакожъ по нашей степени, по нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ, себя за столь же достойныхъ почитать можемъ. Дамонъ справедливо разсуждаетъ, что Клеонъ имѣетъ высокой разумъ, и почитаетъ сей разумъ въ немъ; однакожъ сей мужъ, такъ размышляетъ Дамонъ, не имѣетъ твоей живой остроты, въ семъ ты превосходишъ его и свѣтъ удивляется твоей остротѣ. Дамонъ имѣетъ право сіе говорить; и онъ есть гордъ по своей остротѣ, когда онъ смиренъ въ разсужденіи разума Клеонова. Дамонъ познаетъ точно и сторону своей остроты.

Онъ

Онъ знаетъ, что Аминтъ имѣетъ живое и быстрое воображеніе, котораго онъ напротивъ того не имѣетъ. Еще болѣе. Можно свои дарованія, преимущества и добродѣтели, которыя справедливо размѣрили, почитать какъ даръ провидѣнія, однакожъ гордымъ быть по онымъ. Нѣтъ никого столь безумнаго, которой бы себя почиталъ за начальника своихъ силъ. Дорантъ признается, что великое дарованіе его краснорѣчія есть даръ провидѣнія; но, такъ разсуждаетъ онъ въ себѣ, понеже тебѣ Богъ сей превосходной даръ ниспослалъ, а другому нѣтъ, для того ты не лучше ли? Богъ не предусмотрѣлъ ли, что ты сію славную способность будешъ употреблять похвально? Не для того ли онъ тебѣ оную даровалъ? Онъ почитаетъ ее какъ божественный даръ, и притомъ разсуждаетъ о всемъ томъ прилежаніи, которое онъ употребилъ на показаніе своего краснорѣчія, о всѣхъ тѣхъ правилахъ, которыя онъ съ трудомъ принялъ, о всѣхъ тѣхъ примѣрахъ древнихъ и новыхъ людей, которыхъ разумъ онъ въ своихъ чрезъ чтеніе и подражаніе превзошелъ, о всѣхъ тѣхъ искушеніяхъ, на которыя онъ въ толь многихъ нощныхъ бдѣніяхъ, съ столь великою жертвою спокойствія и веселости жизни отважился, о всемъ томъ добрѣ, которое онъ чрезъ свое краснорѣчіе даже доселѣ созидалъ, о всѣхъ тѣхъ выгодахъ, которыя оно добродѣтели и вкусу еще въ цѣлыхъ столѣтіяхъ приносить будетъ. И такъ онъ въ своемъ краснорѣчіи покланяется своей собственной твари; и когда онъ признается, что своею великою способностію одолженъ творцу, то признается,

что оную передъ другими заслужилъ. Онъ не смиренъ, онъ напротивъ того совершенно гордъ.

Мы наконецъ можемъ изъ предразсужденія или погрѣшностей разума не справедливо о нашихъ хорошихъ свойствахъ и добродѣтеляхъ другихъ разсуждать, и однакожъ для того не быть гордыми.

Сіи примѣчанія довольны будутъ намъ для объясненія природы смиренія и ея любви достойныхъ свойствъ. *Тотъ есть смиренный, кто всѣ свои дарованія, каковы бы они ни были, велики или малы яко свободными и не заслуженными дарами, полученными отъ десницы Божія почитаетъ, яко такія употребляетъ и исправляетъ и старается свѣдущъ быть о своемъ собственномъ недостаткѣ и порокѣ.*

Въ семъ разумѣ понимаемое смиреніе бываетъ прелестно въ глазахъ неба и земли, и получаетъ главнѣйшее мѣсто между добродѣтелями. *Оно есть всегда продолжающаяся благодарность ко всемогущему.* Оно соединено съ свѣденіемъ о нашихъ порокахъ и недостаткахъ, и производитъ ревность и стараніе, оные исправлять, такъ какъ потачка производитъ терпѣніе и снисхожденіе къ порокамъ другихъ. Оно свои дарованія, для того что почитаетъ оныя стяжаніемъ творца, употребляетъ тѣмъ похвальнѣе. Оно почитаетъ ихъ божественными дарами въ себѣ и другихъ; но оно чрезъ то отвергаетъ

гаетъ всякое самолюбіе, что оныя признаетъ за *не заслуженныя* дары; и не менѣе отрѣкается всякой гордости при употребленіи сихъ даровъ чрезъ то, что оно признаетъ, сколь не достаточно всегда еще и самое лучшее употребленіе остается. Кто бы я былъ, такъ разсуждаетъ смиренной, мудрой и добродѣтельной, хотя онъ на высочайшей степени находится, смиренной щастливой, хотя онъ такимъ чрезъ сильнѣйшія старанія сталъ быть, кто бы я былъ, ежелибъ сіи великія способности не получилъ? Сколько въ разсужденіи исправленія оныхъ можно мнѣ приписывать, когда я отъ своихъ проницательствъ то отдаляю, въ чемъ я долженъ наставленію, примѣру, выгоднымъ обстоятельствамъ времени и дому, въ которомъ я родился, пріятелемъ, которыхъ мнѣ имѣть случилось, продолжительному здоровью и всѣмъ внѣшнимъ случаямъ, которые не въ моей власти состояли? И отъ кого пришли всѣ сіи пріуготовленія и вспомогательныя средства? Кто далъ мнѣ силу въ прилѣжаніи, охоту къ предпріятіямъ; кто далъ мнѣ способность наилучшаго желать и избирать? Былъ ли я такимъ?

Что есть мое состояніе, мое благополучіе и каждое хорошее состояніе? Не заслуженное добро! Боже! отъ котораго я все имѣю, сохрани меня отъ гордости.

Смиреніе безъ упованія на провидѣніе, безъ чувствованія любви создателя не можетъ мѣста имѣть, для того оно есть *веселая* добродѣтель, и однакожъ притомъ *наистрожайшая*. Стыдъ,

непо-

которой при усмотреніи нашихъ различныхъ пороковъ и большихъ преимуществъ другихъ на лицѣ смиренія восходитъ, чрезъ чистоту доброй совѣсти уменьшается. Тоже смиреніе, которое насъ заставляетъ чувствовать наше малое достоинство, опредѣляетъ притомъ то, о которомъ мы по справедливости радоваться можемъ. Оно не запрещаетъ намъ смотрѣть на свои хорошія дарованія; но предостерегаетъ только отъ *глупаго самолюбія*. Чѣмъ болѣе оно намъ напоминаетъ, кто мы, и сколько у насъ еще не достаетъ, тѣмъ болѣе ободряетъ насъ, чтобъ мы трудились въ исправленіи себя и еще достойнѣе становились. Оно возвышаетъ насъ тогда, когда унижаетъ; и гордость унижаетъ насъ, когда ложно возвышаетъ. Чрезъ то, что смиреніе намъ показываетъ въ Богѣ всеобщей источникъ всѣхъ хорошихъ свойствъ человѣка, показываетъ оно купно злобу зависти, которая ни въ чемъ иномъ какъ въ неудовольствіи на божеское раздѣленіе состоитъ. Чрезъ то, что смиреніе у насъ отнимаетъ ласкательное воображеніе о нашихъ преимуществахъ, предохраняетъ насъ отъ множества болѣзней, обыкновенно происходящихъ отъ недостатка почтенія и удивленія, которыхъ гордость отъ высокаго мнѣнія о нашихъ заслугахъ требуетъ, и въ которыхъ ей во первыхъ отказываютъ. Гордость есть безстыдной нищей по причинѣ требоавній свидѣтельствованій почтенія, которой часто будучи отгоняемъ вопитъ на несправедливоть, и когда онъ что нибудь получаетъ, думаетъ, что онъ не столько получилъ, сколько онъ заслуживаетъ.

Сми-

Смиреніе есть скромная красота, оно всегда получаетъ болѣе похвалы, нежели сколько достойнымъ себя почитаетъ, и слѣдовательно всегда болѣе, нежели сколько надѣялось. Оно рѣтко имѣетъ причину быть не довольнымъ, для того что не есть жадно.

Большая часть нашего неудовольствія проистекаетъ отъ гордаго мнѣнія, будто мы не столько щастливы, сколько такими быть заслуживаемъ. Сколь многія безпокойствія и мученія уменьшаетъ въ насъ смиреніе, когда оно сіе ложное мнѣніе уничтожаетъ! ежели говорятъ, что бережливость въ разсужденіи нашего имѣнія есть наибольшей доходъ: то можно сказать, что и смиреніе есть оной для нашего покоя се́рдца. Оно научаетъ насъ малымъ быть довольными, потому что мы и малаго не заслуживаемъ; и оно обиліемъ веселится тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе оное почитаетъ должною наградою своего собственнаго достоинства. Гордость производитъ себѣ тысячу выдуманныхъ нуждъ, которыя она удовольствовать не можетъ. Она никогда не бываетъ столько честью почтенна, столько богата, столько здорова, столько любима, нежели сколько заслуживаетъ. Смиреніе препятствуетъ глупымъ желаніямъ, которыя свою пищу получаютъ отъ идолопоклоннаго мнѣнія о себѣ самихъ; и для того смиренное сердце есть спокойнѣе и щастливѣе.

Сія же добродѣтель имѣетъ превосходное втеченіе въ *общественную жизнь*. Она вступаетъ

паетъ въ сію съ угожденіемъ и человѣколюбіемъ; такъ какъ гордость на позорищномъ мѣстѣ является съ самолюбіемъ и презрѣніемъ другихъ. Смиреніе унижаетъ себя предъ малѣйшими безъ принужденія, почитаетъ малую заслугу въ другомъ, и другихъ нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ себѣ самому подобными, когда оно свое собственное преимущество забываетъ, или чрезъ скромность свое сіяніе столько уменьшаетъ, что сіе никого не ослѣпляетъ. Оно употребляетъ свой высокой разумъ съ благодарностію къ Богу какъ даръ его, не величаясь онымъ, и малѣйшей разумъ не чувствуетъ своей слабости въ обхожденіи съ онымъ. Оно снабжаетъ его своимъ, и онъ удивляется, что онъ столь справедливо разсуждаетъ. Оно не примѣчаетъ пороковъ ближняго, потомъ что свои предъ очами имѣетъ, и почитаетъ и въ нижшемъ человѣкѣ малыя дарованія, для того что оныя десница провидѣнія раздѣлила. Оно находитъ въ каждомъ еще преимущество, котораго оно не имѣетъ, для того что чистосердечно разсуждаетъ, и оное наружу выводитъ, потому что ему не препятствуетъ самолюбіе. Смиреніе въ бесѣдѣ не болѣе хочетъ казаться, нежели какъ оно есть. Не печется о своемъ собственномъ преимуществѣ, поступаетъ благородно и думаетъ о другихъ, потому что мало о себѣ думаетъ. Гордость есть весьма скучной собѣседникъ. Она всякую минуту оскорбляется, и свою скуку и негодованіе изъ отмщенія бѣседѣ сообщаетъ. Скромной другому не подаетъ случая къ неудовольствію; и для того что рѣдко оскорбляютъ его малое требова-

ніе почтенія, онъ есть всегда другъ человѣческой. Заслугъ исполненной человѣкъ съ смиреніемъ есть купно наипріятнѣйшей для обхожденія. Смиреніе у заслуги отнимаетъ повелительной видъ, голосъ и языкъ, которыя въ бѣседѣ суть скучны. Это правда, что можно чрезъ искуство сдѣлаться скромнымъ; но и въ самомъ наилучшемъ искуствѣ вскорѣ усматриваютъ принужденіе притворства. Напротивъ того гдѣ сердце скромно, тамъ оно наружнымъ нашимъ дѣйствіямъ не примѣтно во всѣхъ случаяхъ сообщаетъ свойственную скромности прелесть, и малѣйшую услугу дружества и бѣседы дѣлаетъ великою чрезъ тотъ способъ, чрезъ которой сердце скромное оную производитъ, и наибольшую чрезъ тотъ способъ, чрезъ которой оно свою важность скрываетъ, дѣлаетъ еще любви достойнѣе. Своенравіе въ обхожденіи, за которымъ по большей части гордость спутешествуетъ, смиреннымъ не находится, и его добродѣтель нравится, для того что она не требуетъ отъ насъ покорности, которой бы она однакожъ требовать могла. Смиренной и скромной можетъ своими заслугами разума и своими дарованіями щастія гораздо болѣе пользы приносить. Его невѣжда съ охотою слушаетъ; ибо онъ учитъ такъ, какъ бы онъ не училъ. Не благонравной охотно принимаетъ его увѣщанія; ибо онъ уменьшаетъ строгость попреканія чрезъ человѣколюбіе. Охотно вручаютъ себя скромной заслугѣ, такъ какъ гнушаются гордой. Оная имѣетъ входъ къ высокимъ и нискимъ купно; а сія къ великимъ только, и презираетъ хожденіе къ нискимъ. Заслуга скромнаго снискиваетъ себѣ охотныхъ по-

дражателей; а преимущества гордаго раздражаютъ человѣка противъ самой заслуги. Предъ скромнымъ помощникомъ не скрывается оскорбляемая невинность, и смиренному избавителю наиохотнѣйшимъ образомъ поручаетъ себя для избавленія и упрямой порокъ.

Смиреніе есть надежнѣйшій путь къ почтенію мудрыхъ, къ любви не порочныхъ и, какъ ужè было упомянуто, къ похвалѣ гордыхъ. Ежели наше преимущество мало, то гордость его уничтожаетъ; а скромность напротивъ того подаетъ ему достоинство въ глазахъ свѣта. Ежели наше преимущество велико, то гордость его порочитъ; а смиреніе умножаетъ почтеніе къ оному и премѣняетъ его во удивленіе.

Слушатели мои! какое сокровище духа быть должно смиреніе, когда сіи разсужденія справедливы? Все совокупляется для одобренія и любви сея добродѣтели. Она небу и землѣ пріятна. Оную разумъ и вѣра похваляютъ и имѣть приказываютъ. Она успокоиваетъ сердце, и украшаетъ его добродѣтели. Она возбуждаетъ насъ всегда лучшими становиться, когда намъ вымышленнаго достоинства не позволяетъ. Она имѣетъ щастливѣйшее вліяніе во увеселенія и благія свѣта. Она наши заслуги дѣлаетъ драгоцѣннѣе, и наши пороки простительнѣе, наши хорошія свойства полезнѣе и плодоноснѣе для другихъ, и другихъ хорошія свойства любви достойнѣе и полезнѣе для насъ. Она награждаетъ насъ сверьхъ своего

собственнаго достоинства для сердца, еще похвалою и любовію, почтеніемъ и удивленіемъ.

Напротивъ того все есть противъ гордости. Небо и земля, разумъ и вѣра. Все объявляетъ ее ложью и воровствомъ, безуміемъ и мученіемъ. Она погубляетъ наше сердце и ослѣпляетъ нашъ разумъ. Она повреждаетъ нашъ покой и покой свѣта. Она тщетною ставитъ способность, которую мы имѣемъ, и препятствуетъ намъ имѣть ту, которую мы имѣть должны. Она по разуму есть отпаденіе отъ истинны, а по вѣрѣ отпаденіе отъ Бога. Ежели бы ничто не доказывало развтлѣнія людей, тобы гордость одна оное доказала. Какъ она въ ту тварь вошла, которая сама себя не сотворила, и сама себя не сохраняетъ? Которая столь же мало можетъ похвалиться движеніемъ руки собственною своею силою, сколь правленіемъ теченія неба? Сія страсть не должна ли быть плевелами, которыя отъ врага человѣческаго естества на нашемъ сердцѣ были посѣяны? Гордость есть наивредительнѣйшая страсть, а смиреніе наиполезнѣйшая добродѣтель; однакожъ для чего мы не столько любимъ быть смиренными, сколько гордыми? Рошефоколтъ имѣетъ изреченіе, которое кажется быть противорѣчущимъ, однакожъ справедливо. „многіе, говоритъ онъ, хотятъ „быть благочестивыми, а никто не хочетъ быть „смиреннымъ.„ Стыдиться зависѣть отъ Бога во всѣхъ силахъ и въ его сохраненій, однакожъ не отвергать, что чрезъ Бога бытіе имѣемъ, со всѣмъ не понятно. Таже гордость естества, кото-

которая столь многихъ людей надмѣнными дѣлаетъ, есть безспорно одна изъ сильнѣйшихъ причинъ, для чего многіе Христіанской законъ презираютъ или ненавидятъ. Христіанскій законъ отъемлетъ у насъ нашу собственную заслугу, которую мы себѣ хотимъ пріобрѣсть чрезъ собственныя силы, и научаетъ насъ, что мы имѣемъ недостатокъ въ славѣ, которую столь охотно имѣть хотимъ, что мы грѣшники, которые собственною силою не можемъ ни исправиться, ни освятиться, что мы требуемъ божеской правды, что мы блаженными становимся по благодати. Но человѣкъ желалъ бы самъ себя сдѣлать блаженнымъ чрезъ свои дѣла, и лучше бы гордымъ чрезъ труднѣйшія наружныя должности заслужить отъ Бога себѣ небо, нежели въ смиреніи правду вѣры и блаженство принимать какъ свободной и не заслуженной даръ благодати Божіей. Спроси только своего сердца, сколь часто гордость себя находитъ озлобляемою чрезъ Христіанскій законъ. Гордость часто лучше бы потеряла жизнь, нежели бы уступила, чтобъ свѣтъ зналъ ея заблужденія и учиненныя глупости, ея пороки, ея не благородныя и ребяческія склонности, ея подлыя намѣренія и ея тайные пороки? И однакожъ обожаетъ себя сей человѣкъ? Онъ бы былъ безутѣшнымъ, ежели бы свѣтъ только часть его недостатковъ и голую тѣнь его высокоумія видѣлъ; и однакожъ требуетъ онъ отъ свѣта дани чести и удивленія? Онъ бы, ежели бы разумъ употреблялъ только мало, зналъ, что общая гордость происходящая отъ рожденія, богатства, красоты, силы и наслѣдственной власти, есть безобра-

бразнѣйшій уродъ честолюбія; и однакожъ питаетъ оную въ своемъ сердцѣ? По крайнѣй мѣрѣ гордость есть часть не разумныхъ душъ и малыхъ духовъ. Она вползываетъ въ наилучшія и благороднѣйшія сердца. Она часто раждается на основаніи ревностнѣйшей добродѣтели, и мы начинаемъ, отъ благочестивѣйшихъ мыслей, отъ святѣйшей побѣды надъ злою страстію, отъ наилучшей заслуги, которую мы свѣту показали, тайно становиться гордыми, и сіи твари добродѣтели премѣнять въ Боги нашего сердца, и себѣ въ нихъ поклоняться. Нѣкоторой весьма благочестивой мужъ сказалъ: „ я боюсь болѣе своихъ добродѣтелей, нежели своихъ пороковъ и „ преступленій. Оныя легко приводятъ меня къ гордости, сіи научаютъ меня смиренію.„ Вникнемъ наипаче въ сію гордость добродѣтели. *Прежде паденія*, сіе касается и до добродѣтели, *бываетъ злопомышленіе*. (*) *Егда сотворите вся повелѣнная вамъ*, блаженное приказаніе священнаго писанія! *глаголите яко раби неключими есмы; яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*. (**) Когда мы себя за то чрезъ гордость награждаемъ, за чѣмъ Богу насъ награждать? *Кто бо тя разсуждаетъ; что же имаши, его же нѣси пріялъ, аще же и пріялъ еси, что хвалишися яко не пріемъ*. (***) Когда философъ столь основательно опровергаетъ гордость, сколь смиренный Апостолъ? Но для того наши добрыя

(*) Притч: 16. 18.
(**) Лук: 17. 10.
(***) 1. Кор. 4. 7.

брыя дѣла не потеряли своего достоинства, не потеряли и по вѣрѣ, хотя они намъ предъ Богомъ никакой заслуги не подаютъ. „Что для „того, говоритъ превосходный Лютеръ, добрыя „дѣла, ничто должны быть, кто тому у- „чилъ или слышалъ? Я не хочу ни одной изъ мо „ихъ проповѣдей, ни одну изъ моихъ чтенiй, „ни одного изъ моихъ писанiй, ни одной изъ „моихъ молитвъ, хотя я малое дѣло всегда „дѣлалъ, или еще дѣлаю, отдать за благiя цѣ- „лаго свѣта, я конечно все оное почитаю до- „роже, нежели жизнь моего тѣла, которая одна- „кожъ каждому милѣе, нежели цѣлой свѣтъ. „Ибо ежели есть доброе дѣло, то оное сдѣлалъ „Богъ чрезъ меня и во мнѣ. Хотя я чрезъ такое „дѣло не становлюсь благочестивымъ (какимъ я „только чрезъ искупленiе и благодать Христа „безъ дѣлъ быть долженъ) однако это сдѣлано „Богу въ славу и честь, а ближнему въ пользу „и спасенiе, которое не можно ни заплатить „добромъ свѣта, ни съ онымъ сравнить.„

И такъ что есть истинное высочество человѣка? Смиренiе.

Что есть слава человѣка, истинное величество мудраго? Познанiе самаго себя, познанiе своей наготы, говорящее чувствiе, которое ясно въ сердце говоритъ, сколько я имѣю и есмь, я отъ себя ничего не имѣю; сколь мало я получилъ, буду то имѣть съ благодарностiю, каждой день своимъ веселиться, и безъ заслуги онымъ пользу приносить. И ежели твое ухо, другъ, сего гласа не слышитъ: то иди потихоньку

сгорбившись въ пыли и проповѣдуй ничтожество внѣшней чести, ты по крайней мѣрѣ суровѣйшую гордость будешь воспитывать въ пыли.

ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ УЧЕНІЕ.

О человѣколюбіи, упованіи на Бога и врученіи въ его судьбины.

Мы теперь, слушатели, окончили свои разсужденія о благихъ души, кои нужны къ нашему спокойствію, и еще будемъ говорить во первыхъ о *человѣколюбіи*, а потомъ о *упованіи на Бога и врученіи въ его судьбины*, яко о такихъ свойствахъ сердца, безъ которыхъ истинное благополучіе мѣста имѣть не можетъ.

Человѣколюбіе. Человѣколюбіе собственно ничто иное есть, какъ искренное и сильное желаніе споспѣшествовать благосостоянію всѣхъ разумныхъ тварей земныхъ по своимъ силамъ, для того что они одинакимъ образомъ съ нами имѣютъ начало отъ Бога, и что они съ нами суть предмѣтъ всеобщей любви творца.

Хотя сія склонность въ человѣческомъ естествѣ очень погашена, однако она еще находится. Мы чувствуемъ въ себѣ способность другимъ служить безъ корыстолюбія. Мы хвалимъ и почитаемъ милостивыя и благородныя чувство-

ствованія и поступки въ другихъ, хотя оныя не касаются нашей собственной выгоды. Мы чувствуемъ себя успокоенными и тихою похвалою сердца награжденными, когда другихъ благополучію, и съ жертвованіемъ своего спокойствія споспѣшествовали, ихъ изъ опасности своею собственною исхитили и ихъ бѣдствіе чрезъ свои попеченія, старанія да и чрезъ часть нашего благополучія отвратили или уменьшили. Чѣмъ менѣе корыстолюбія во всеобщихъ благодѣтеляхъ свѣта усматриваемъ, тѣмъ болѣе силъ духа, тѣла и благополучія ихъ добровольныя услуги вкушаютъ. Чѣмъ болѣе мы примѣчаемъ, что они никакого другаго намѣренія не имѣли кромѣ благополучія другихъ и чѣмъ болѣе числомъ такихъ, которыхъ они одолжили; тѣмъ болѣе мы почитаемъ сихъ благодѣтелей. И столько же презираемъ душу, въ которой, кажется, нѣтъ склонности къ человѣколюбію, и которая только о себѣ печется, а не трогается ни благополучіемъ, ни бѣдствіемъ другихъ, хотя мы не того народа или не изъ того вѣка. Все сіе доказываетъ, что склонность человѣколюбія есть существенная и отъ десницы самаго творца вліянная склонность нашего сердца.

Мы можемъ сіе нравственное чувствіе чрезъ силу разума подкрѣплять и чрезъ упражненіе возвышать. Мы можемъ себя увѣрить, сколь полезна сія добродѣтель для покоя свѣта и сколь пріятна творцу; и это есть наша должность. Мы можемъ сію нравственную склонность на всеобщія и особенныя нужды человѣковъ, съ которыми

рыми мы теперь живемъ или впредь жить будемъ, и по различнымъ отношеніямъ, въ которыхъ они съ нами чрезъ рожденіе и бѣседу находятся, и по прочимъ особѣннымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы себя на позорищномъ мѣстѣ жизни съ ними находимъ, осторожно и разумно употреблять; и сіе есть мудрость и благоразуміе, къ которому насъ человѣколюбіе чрезъ свой конецъ обязываетъ.

Человѣкъ, которой съ нами долженъ становиться благополучнымъ, есть по своему главному разположенію таже тварь, какая мы. Онъ имѣетъ благія души, благія тѣла и жизни, чести, стяжанія. Наша любовь къ его благополучію должна относиться къ симъ благимъ; она должна быть искреннимъ стараніемъ, его по мѣрѣ, сколько онъ ихъ вмѣщать можетъ, или сколько ему потребно, дѣлать стяжателемъ оныхъ, или въ стяжаніи его сохранять, и онаго приращеніе умножать.

Сія склонность къ его благополучію можетъ многоразличнымъ образомъ показываться, другому сообщаема быть то чрезъ мудрость, совѣтъ и ободренія, то чрезъ поданіе помощи, то чрезъ наше имѣніе, то чрезъ защищеніе, то чрезъ тихія примѣры, то также въ случаяхъ всеобщей пользы, чрезъ жертвованіе нашего здоровья и нашей жизни.

И такъ истинное человѣколюбіе должно быть *искренною* склонностію къ благополучію другихъ,

про-

происходить не отъ корыстолюбія и самолюбія или честолюбія, но, какъ при каждой добродѣтели съ нова напоминать должно, отъ подобострастія и любви ко всеобщему Отцу человѣковъ. Оно должно быть *живою склонностію*, которая насъ къ стараніямъ и дѣламъ для пользы человѣковъ поощряетъ, и которая при препятствіяхъ оной чрезъ награды божескаго благоволенія въ семъ или въ будущемъ свѣтѣ подкрѣпляется. Оно не должно быть кипѣніемъ страсти, но *мудростію и благоразуміемъ*, смотря на наши силы и нужды другихъ, кои то большія, то малѣйшія суть, управляемо.

Сіи всеобщія разсужденія довольны будутъ къ изображенію начертанія или различныхъ должностей человѣколюбія.

Въ *человѣколюбивомъ* обитаетъ милостивое желаніе такимъ въ своемъ родѣ быть къ другимъ, какимъ есть Богъ ко всѣмъ, свое мѣсто, сколь часто онъ можетъ, чрезъ врученныя ему силы и дарованія на землѣ защищать и о другихъ благополучіи столь чистосердечно, сколь о собственномъ своемъ стараться. Онъ исполненъ будучи подобострастія и благодарности къ Богу, желаетъ всѣмъ быть благополучными по колику, они такими по божескому учрежденію быть могутъ. Онъ старается не только другимъ то дѣлать, что законъ писменно приказываетъ, и слѣдовательно *правосуднымъ* быть, но и тогда охотно служить, ежели бы другой не имѣлъ точно опредѣленнаго права требовать отъ насъ услугъ; и слѣдовательно

вательно не только быть правосуднымъ, но и *справедливымъ*. Дабы всеобщая его милость и угожденіе не только не были чрезмѣрны, но и не переродились въ пороки сердца; то ограничиваетъ онъ ихъ чрезъ предписанныя особѣнныя должности къ нѣкоторымъ лицамъ и самому себѣ и чрезъ *высочайшую любовь къ Богу*, и онъ, когда милостивъ, милостивъ съ *мудростію* и *благоразуміемъ*. Онъ видитъ, что не всѣмъ разумнымъ образомъ благотворить можетъ, но что его должность чрезъ различную мѣру особѣнныхъ нуждъ, обстоятельствъ и заслугъ другихъ опредѣляется. Онъ желаетъ и старается не только вообще о пользѣ другихъ, но и готовъ оной своею собственною трудностію споспѣшествовать; и такимъ образомъ человѣколюбивый есть услужливой человѣкъ, которой пріобучаетъ себя не случайнымъ образомъ, но изъ требуемаго *конца* пользу приносить, и *столько* и столь *многимъ* пользу приносить, сколько то обстоятельства, его силы и прочія должности позволяютъ. Онъ не ожидаетъ, пока точно отъ него потребуется, добро сдѣлать; никакъ, онъ добровольно беретъ каждой случай, которой ему попадается, да и самъ онаго ищетъ. Какъ онъ благополучія человѣка искренно желаетъ, такъ трогаетъ его и бѣдствіе онаго, и наполняетъ его вспомогательнымъ чувствіемъ *сострадательства*, которое его дѣлаетъ готовымъ ко избавленію, когда онъ можетъ, и ко услажденію бѣдствія другихъ чрезъ любовь и утѣшенія; да и тогда, когда бѣдствіе отъ собственной вины; такъ какъ Богъ милуетъ и порочныхъ.

Когда

Когда *премудрость и добродѣтель* есть наибольшее благополучіе человѣковъ: то и человѣколюбивой особѣнно печется о *распространеніи* и *сохраненіи* оныхъ. Онъ спутешествуетъ за своимъ наставленіемъ съ благоразуміемъ и скромностію, снисходитъ въ своихъ увѣщаніяхъ милостиво и мудро, уменьшаетъ свои спращанія и приказы чрезъ прозьбу и старается вездѣ во всемъ своемъ поступкѣ и въ своемъ особѣнномъ обхожденіи, чрезъ свой примѣръ, безъ гордости и молчаливо учить и свою жизнь дѣлать видимымъ обьясненіемъ мудрости и добродѣтели. Какъ онъ почитаетъ за преступленіе, кого нибудь, ктобы онъ таковъ нибылъ, лишить его имѣнія; такъ почитаетъ за гораздо большее воровство, у разума другаго похищать истинну или у своего сердца добродѣтель и невинность чрезъ свой поступокъ.

Онъ беретъ участіе въ *жизни* и въ *здоровьѣ* другаго. Онъ не только остерегается всего того въ своемъ поступкѣ, что здоровье другихъ ослабить, или ихъ жизнь прекратить можетъ. Онъ помогаетъ имъ и чрезъ совѣтъ и услуги въ средствахъ содержанія, подаетъ помощь отъ своего собственнаго достатка, препятствуетъ безпечности, праздности, страстямъ и порокамъ человѣка, яко опаснѣйшимъ врагамъ здоровья и жизни, защищаетъ другаго въ опасности жизни чрезъ помощь, укрѣпляетъ и ободряетъ больныхъ, и бываетъ глазомъ слѣпаго и ногою хромаго, или печется, чтобы они не столько были безпомощны, не столько свою бѣдность чувство-

вали

вали и всегда на божескій промыслъ, яко на сильнѣйшій щитъ кротости взирали, а не чрезъ роптаніе и негодованіе своему злу большую тяжесть придавали.

Человѣколюбивый не завидуетъ другому въ его стяжаніи; и такъ какъ бы онъ могъ у него что нибудь изъ того удержать или вѣроломнымъ сдѣлаться? Какъ бы онъ могъ опредѣленную мзду, или врученное добро, или найденное имѣніе другаго, или помощь, которая касается до общества, съ нарушеніемъ вѣрности удержать? Какъ бы онъ могъ въ общей жизни, въ дѣлахъ и договорахъ съ другими употреблять коварство и притомъ хитрѣйшее? Онъ, которой уже помыслить о томъ гнушается; онъ, которой всегда съ другими поступаетъ, какъ онъ желаетъ, чтобы они въ его обстоятельствахъ съ нимъ поступали.

Онъ печется о *чести* и о хорошемъ имени другаго. Онъ самъ свидѣтельствуетъ ему надлежащее почтеніе чрезъ наружные знаки. Онъ примѣчаетъ заслуги и ищетъ ихъ, онъ дѣлаетъ ихъ извѣстными и почитаетъ оныя, гдѣ ихъ находитъ. Онъ ближнему подаетъ случай, свои таланты, способности, добродѣтели возвышать и чрезъ то свое хорошее имя еще болѣе утверждать. Онъ сопротивляется клеветамъ, и скрываетъ тѣ пороки другихъ, которыя открыть не почитаетъ за должность. Гдѣ онъ въ своихъ разсужденіяхъ о другихъ погрѣшилъ, или отъ безразсудности ихъ хорошее имя въ бѣседѣ обезчестилъ: тамъ награждаетъ онъ сей убытокъ

токъ столько же, сколько убытокъ своего стяжанія. Какъ онъ всякаго не основательнаго подозрѣнія уклоняется: такъ и его человѣколюбіе принуждаетъ его пользы отъ каждаго столь долго вѣрно надѣяться, сколь долго въ его глазахъ противнаго не представляется. Какъ онъ въ обхожденіи въ бесѣдѣ никогда не забываетъ наружнаго почтенія и скромности къ другому: такъ наблюдаетъ оное и заочно, когда о немъ говоритъ и защищаетъ не винно оклеветаннаго, отсутствующаго чрезъ скромное и великодушное опровержение.

Понеже онъ всѣхъ человѣковъ почитаетъ членами великаго семейства Божія, то старается онъ вездѣ искренно, истинно, молчаливо, скромно, дружески, цѣломудренно, милостиво и мирно съ ними поступать, да и въ разсужденіи своихъ непріятелей ласково поступать.

Что сіи человѣколюбивыя склонности суть сладкая пища благородныхъ сердецъ и высокаго божественнаго блага, сіе можно чувствовать. Что они въ дѣйство произведенныя суть великая часть нашего званія на землѝ, сіе ясно можно доказать изъ того, что нашему и другихъ благополучію споспѣшествуютъ, нашъ покой и наше довольство собою самими умножаютъ и очамъ всевидящаго свидѣтеля для того должны быть пріятны, что они ужè въ очахъ разумнаго столь много прелести и достоинства имѣютъ.

Слушатели мои, я долженъ здѣсь опять примѣчаніе сдѣлать для почтенія вѣры. Тѣмъ

же

же человѣколюбивымъ, котораго разумъ чрезъ свою похвалу почитаетъ, котораго сердце ищетъ и желаетъ найти, котораго благосостоянiе человѣка требуетъ и котораго въ нравоученiи древнихъ не достаетъ, тѣмъ же, говорю, дѣлаетъ человѣка мудрость и божественная сила вѣры, которая въ немъ вѣру и любовь къ Богу, и чрезъ обое человѣколюбiе изображаетъ. *Совершенной христiанинъ* былъ бы притомъ человѣколюбивѣйшiй, услужливѣйшiй, скромнѣйшiи, милостивѣйшiи, наисострадательный, самый мирный и чрезъ всѣ сiи свойства наипрiятнѣйшiй спутешественникъ жизни. Онъ былъ бы тѣмъ, чѣмъ наилучшiе люди только казаться стараются. Онъ бы нравился людямъ, Ангеламъ и Богу; и его бы особѣнныя дарованiя природы или мудрости, художества и способности были бы чрезъ сiе начертанiе не сравненно возвышены и украшены. Ежели это подлинно; и ежели это есть не оспоримая извѣстность: о сколь драгоцѣнна должна быть наша вѣра, которая не только въ своихъ заповѣдяхъ вездѣ проповѣдуетъ любовь и благость, но и наше сердце духомъ любви оживляетъ; которая намъ совершеннѣйшiй примѣръ любви на человѣколюбивомъ спасителѣ показываетъ; и которая насъ къ любви къ человѣкамъ возбуждаетъ чрезъ побужденiя, которыя всѣ побужденiя разума превосходятъ! ибо не увѣряетъ ли она насъ, что Богъ всемогущiй и малѣйшiя дѣйствiя истинной любви, которую мы бѣднымъ а особенно добродѣтельнымъ бѣднымъ показываемъ, хочетъ принять какъ благодѣянiя себѣ показанныя? Можемъ быть въ разсужденiи Бога благотворительны?

тельны? Какая честь человѣка! и какое поощреніе къ любви!

упованіе на Бога и врученіе себя его путямъ. } Умѣренность и владычествованіе надъ нашими желаніями, кротость и терпѣніе въ нещастіи, смиреніе сéрдца при нашей непорочности, и человѣколюбіе весьма спосиѣшествуютъ спокойствію, къ которому мы столь не угасимое желаніе чувствуемъ. Но сіе спокойствіе остается колеблющимся и не совершеннымъ. Что есть наилучшей человѣкъ, которой на стези сея жизни еще столь осторожно ступаетъ? Слабой и безсильной человѣкъ, которой при томъ имѣетъ сражаться со многими препятствіями своего покоя. Его наилучшія намѣренія часто не удаются, и получаютъ печальной конецъ. Его разумъ часто приводитъ его въ заблужденіе, и оставляетъ его въ то самое время, когда ему по большей части нуженъ онаго свѣтъ. Наилучшія надежды изчезаютъ, и новыя препятствія противополагаются его справедливымъ желаніямъ. Онъ побѣждаетъ нынѣшнее нещастіе; а завтрешній день грозитъ ему новымъ ненастьемъ. Его кротость часто утомляется отъ долговременности, его терпѣніе отъ жестокости болѣзней. Онъ теперь удачливо сражается съ недостаткомъ. Его обстоятельства поправляются, и онъ станвится спокойнѣе. Но вскорѣ онъ опять страшится, что онъ съ большимъ врагомъ, котораго не боялся, и котораго не заслужилъ, съ безчестіемъ сражаться долженъ. Да и самыя добродѣтели часто подвергаютъ его различнымъ нещастіямъ. Онъ ве-

ликой помощникъ, а платятъ ему неблагодарностію. Онъ добросердеченъ, а его обманываютъ. Онъ искрененъ, а его любовь къ истиннѣ низвергаетъ его. Онъ презираетъ нискіе пути къ благополучію, и для того остается въ темнотѣ; почитаютъ его не достойнымъ благополучія, потому что онъ не хочетъ чрезъ подлость онаго достигать. Онъ есть миролюбивъ, и глупой озлобляетъ его, для того что онъ не можетъ опасаться отъ него никакого мщенія. Онъ сердится, видя непорядки своего дома или общества, а наказанный порокъ мститъ ему многоразличною скукою, которую оной въ немъ возбуждаетъ.

Его собственные пороки обезпокоиваютъ его. Онъ видитъ, что онъ по стезѣ добродѣтели то медлительными, то колеблющимися шагами ступаетъ. Онъ приходитъ въ раскаяніе, бываетъ осторожнѣе, опять падаетъ. Онъ утромъ предпринимаетъ похвальныя намѣренія; но въ вечеру видитъ едва часть оныхъ въ дѣйство произведенныхъ. Онъ есть мудръ въ своемъ покоѣ, гдѣ его ничто не возмущало; но въ шуму свѣта часто бываетъ оставляемъ отъ своей премудрости. Онъ думалъ, что сіе желаніе побѣдилъ; а оно только спало; теперь опять пробуждается. Онъ думалъ, что сіе воображеніе со всѣмъ истребилъ; а оно теперь обманываетъ его подъ другимъ видомъ. Онъ владычествуетъ надъ своими чувствами; но сколь часто они совлекаютъ съ себя его владычество, и разводятъ огонь страсти скорѣе, нежели разумъ погасить можетъ! онъ той же благородной мысли, того же живаго убѣжденія,

тогожъ

тогожъ похвальнаго чувствованія, которое имѣлъ предъ обѣдомъ, не имѣетъ ужѐ часто послѣ онаго. Слово, взоръ, ничто, сколь часто перемѣняютъ его чувствованіе, и ослабляютъ въ немъ увѣреніе о должности и о превосходствѣ добродѣтели! онъ конечно имѣетъ свѣденіе о своихъ хорошихъ намѣреніяхъ, но и о пренебреженномъ добрѣ. Онъ чрезъ смиреніе защищаетъ себя отъ нападеній гордости, и однакожъ часто видитъ, что онъ былъ поклонникомъ своего собственнаго смиренія. Онъ умѣряетъ свое корыстолюбіе, и однакожъ оно часто втекаетъ въ его поступки, и оныя обезображаетъ. Онъ умѣряетъ свою любовь къ жизни, и однакожъ пріятныя оковы супружеской, отеческой, дружеской любви часто его весьма приковываютъ къ жизни, и страхъ смерти обезпокоиваетъ его.

Да и ежели наилучшій человѣкъ походитъ на сіе изображеніе, то ему при всѣхъ называемыхъ благихъ еще нужно такое добро, на которомъ онъ твердо можетъ основать свой покой и безопасность, то есть, *живое упованіе на Божій промыслъ и преда765 и порученіе себя всѣмъ Его судьбамъ*. Безъ сей добродѣтели кротость, терпѣніе и бодрость въ нещастіяхъ жизни суть вымученные плоды мудрости. Они скоро спадаютъ, или достигаютъ только половины зрѣлости. Они должны свой питательной сокъ получать изъ источника упованія на Провидѣніе, и изъ похвальнаго намѣренія свою судьбу безъ изъятія поручать Его правленію. *Вѣрить сему великому размышленію*: Богъ управляетъ

и учреждаетъ всеобщія и особенныя судьбины человѣковъ, Его совѣты суть совѣты безконечной премудрости, и благость и святость суть ничто иное, какъ благополучіе человѣковъ, и тогда когда оныя не согласны съ нашими желаніями; сіе великое размышленіе, часто премѣняемое во увѣреніе и чувствованіе, есть божественное упокоеніе сердца въ нещастіяхъ и страданіяхъ равно какъ въ благополучіи. Ежели ты человѣкъ, будучи благополученъ, забудешъ сіе размышленіе; то твое благополучіе сдѣлаетъ тебя надмѣннымъ, и страхъ онаго лишиться, безутѣшнымъ! ежели твое благополучіе зависитъ только отъ твоего старанія, силы и мудрости; такъ дрожи предъ нещастіями, которыхъ ты избѣжать, и предъ озлобленіями и насиліями людей, которыя ты отвратить не можешъ!

И такъ что можетъ меня въ моемъ благосостояніи, которымъ я увеселяюсь, въ лютости всѣхъ случаевъ, которымъ я какъ человѣкъ подверженъ, увѣрить? Вѣра, она зависитъ отъ всемогущей десницы Господа. Онъ будетъ защищать, пока Его премудрости угодно; и я самъ того не опровергаю. Онъ есть Богъ! но сему благополучію грозитъ дѣйствительно опасность. Что должно подкрѣпить мое сердце? сіе размышленіе: Богъ правитъ свѣтомъ. Онъ всѣмъ управляетъ съ премудростію и благостію Ежели долженъ я лишиться части своего благополучія: буди Его воля! Онъ есть Богъ, я есмь Его тварь. Мое благополучіе наконецъ перемѣняется въ бѣдное состояніе. Я стражду; болѣзни умножаются

съ

съ нещастіями; моя кротость колеблется, и что должно ее утвердить? Увѣреніе, вѣра. Богъ есть Всевѣдущій, которой знаетъ мою бѣдность, и попускаетъ оную по премудрости. Онъ есть Всемогущій! что я отчаяваюсь? Онъ есть любовь! вручи себя Ему. Онъ изчислилъ твое благополучіе и неблагополучіе, прежде нежели ты еще былъ. Но долговременность ослабляетъ мое терпѣніе. Чрезъ что я подкрѣплю силу терпѣнія? чрезъ упованіе на Отца всѣхъ духовъ. Онъ добродѣтельнаго оставить не можетъ. Онъ есть Богъ, и ты Его возлюбленная тварь. Однако не совершенна и не достаточна моя добродѣтель! могу ли я при ней себя утѣшать благоволеніемъ божіимъ? Конечно, Богъ есть благость, такъ какъ Онъ есть святость. Онъ прощаетъ тебѣ какъ отецъ; сего надѣйся. Онъ смотритъ на твое сердце, на непорочность и простоту твоихъ намѣреній, на нещастіе, которое ты изъ послушанія къ Нему стараешся побѣдить. Успокой себя и будь смиренъ. Богъ любитъ добродѣтель, и подкрѣпляетъ ее. Но ты находишся въ опасности оную потерять, сколь часто въ опасности! будь бодръ и уповай на помощь Безконечнаго, и проси его объ оной. Онъ есть вездѣ, и есть и съ твоею душею. Кто Бога помощникомъ имѣетъ, тотъ ни отъ какого искушенія не можетъ въ отчаяніе приходить.

Упованіе на Бога освобождаетъ насъ отъ многихъ *скучныхъ заботъ*. Будь непороченъ и благочестивъ, такъ размышляетъ доброе сердце, а прочее поручай Провидѣнію! Оно отъ нашихъ

безпокойствій отдаляетъ страшной видъ, и придаетъ имъ утѣшительной. Злоключенія, которымъ ты не зная сталъ быть подверженъ, происходятъ отъ божественнаго учрежденія. Крѣпись и ты увидишъ, что они служатъ къ твоему большему благополучію. Они суть цѣлебныя, хотя горькія, врачевства, которыя помогаютъ споспѣшествовать здоровью твоей души. Дѣлай свое, какъ осторожный человѣкъ, а время и способъ помощи поручай Богу.

Воззри на высоту, кто носитъ силы небесныя? Внемли, кто говоритъ: даже доселѣ! до моря? Не есть ли Онъ и твой помощникъ и совѣтникъ, вѣчно твой Отецъ?

Пускай будетъ болѣзнь, пускай будетъ лишеніе благихъ сея жизни, и особъ, которыхъ мы любимъ, хорошаго имени, которое мы почитаемъ; однако размышленіе о божественномъ Провидѣніи уменьшаетъ сіе мученіе. Мы бываемъ тамъ спокойны, гдѣ безбожникъ бываетъ исполненъ отчаянія. Мы помощію вѣры часто посредѣ нещастій бываемъ веселы, и хвалимся страданіями, которыя мы постоянно какъ судьбы Всемогущаго терпимъ, и благодаримъ Его за то. Наше малодушіе дѣлается бодростію, сыновній страхъ божій освобождаетъ наше сердце отъ всякаго рабскаго человѣческаго страха, и на мѣсто чувственности вступаетъ отверженіе нашихъ наиприятнѣйшихъ чувствованій, по причинѣ врученія себя мудрому чертежу Провидѣнія. Кто при своихъ судьбинахъ взираетъ на Бога, тотъ при томъ

взи-

взираетъ на будущей свѣтъ, и недостатокъ настоящихъ веселостей награждаетъ тѣми, которыя онъ предъ собою по ту сторону гроба открываетъ. Долговременнѣйшее зло по крайнѣй мѣрѣ престаетъ съ смертію; а кто можетъ ужасъ смерти преодолѣть извѣстнѣе, нежели тотъ, которой на Бога источника жизни взираетъ? Мы есмы прахъ, оживленный Всемогущею десницею. Кто мнѣ далъ жизнь, тотъ оную будетъ сохранять. Я есмь ничто, Онъ есть все. Ежели Онъ требуетъ назадъ мою жизнь, медлительно или скоро; за чѣмъ мнѣ пужаться? Онъ меня чрезъ путь гроба зоветъ къ безсмертію. Тамъ я чудесное согласіе Его судебъ, которое я здѣсь только темно видѣлъ, яснѣе познаю. Будь благочестивъ, а конецъ твоея жизни поручай Богу. Наслаждайся веселостями, которыя Онъ тебѣ подаетъ, благодари его и за бѣдствія, которыя онъ на тебя налагаетъ, и стой не поколебимо.

Но я вижу страданія, которыхъ начальникъ можетъ быть я самъ. Сіи сносить, какая трудная должность! конечно: но ты въ раскаяніе приходишъ о своихъ глупостяхъ и винахъ; и ихъ слѣдствія, когда Богъ не хочетъ отнять, суть, сколько бы они мучительны ни были, чрезъ его пріуготовленіе еще средствомъ къ твоему благополучію. Смотри на сіи слѣдствія съ той стороны, гдѣ зло чрезъ мудрое правленіе божіе можетъ для тебя становиться добромъ, и разсуждай, что Богъ долженъ быть правосудный, иначе Онъ не былъ бы Богъ. Сіе намѣреніе божіе

тебя будетъ покоить, поелику оно тебя дѣлаетъ мудрѣйшимъ, смиреннѣйшимъ и осторожнѣйшимъ.

Средства, достигнуть сего надежды исполненнаго врученія, легко можно открыть. Мы возбуждаемъ и сохраняемъ оныя чрезъ тщательныя и частыя разсужденія о совершенствахъ Безконечнаго. Хотя мы мало знаемъ о Его существѣ; однако изъ всѣхъ Его дѣйствій, и изъ нашей совѣсти позняемъ, что Онъ имѣетъ могущество, премудрость, благость и святость. Сіе есть довольной свѣтъ и утѣшеніе для нашего разума и нашего сердца. Всѣ Его пути въ ихъ пространствѣ и совокупленіи знать, во всѣ особѣнныя намѣренія Его совѣтовъ и судебъ проникнуть хотѣть, есть безумное желаніе; но изъ разсужденія о Его совершенствахъ себя увѣрить, что Онъ можетъ хотѣть и производить только наилучшее для своихъ тварей, и при прилѣжаніи и должности, Ему свои судьбины въ смиреніи и поклоненіи вручать, сіе есть мудрость и истинный покой. Для того же, что мы въ связь вещей не можемъ вездѣ проникать, намъ упованіе на Бога есть необходимо нужно. Сіе упованіе подкрѣплять и оживлять чрезъ то, что мы примѣчаемъ особѣнныя слѣды Его провидѣнія въ жизни человѣковъ, сіе есть наша должность, и она должна быть при томъ единымъ изъ славнѣйшихъ нашихъ упражненій. Каждой, кто свою жизнь прилѣжно разсматривать хочетъ, можетъ въ своихъ веселыхъ и печальныхъ приключеніяхъ разположеніе Провидѣнія находить; можетъ изъ

слѣд-

слѣдствія часто мудрой и благотворительной конецъ злоключенія, и въ особѣнныхъ обстоятельствахъ своей щастливой судьбины правленіе Божiей десницы познавать. Чудесныя предводительства и избавленія, что другое проповѣдуютъ, какъ не Провидѣніе надъ всѣмъ бдящее? Какая жизнь, и самая подлѣйшая и темнѣйшая не имѣетъ Его таинствъ и чудесъ? Поищемъ ихъ; и они будутъ намъ источникомъ мудрости и упованія на Бога. Великія приключенія цѣлыхъ государствъ и народовъ научаютъ насъ, что не видимая Десница управляетъ судьбиною ихъ мудро, правосудно и милостиво; тому же малыя приключенія приватной жизни научаютъ каждаго, кто объ оныхъ прилѣжно разсуждаетъ. Малое приключеніе нашей жизни, которое въ началѣ казалось ничто, сколь достойно примѣчанія бываетъ часто по прошествіи нѣкоторыхъ лѣтъ, и по соединеніи съ нѣкоторыми обстоятельствами, которыя ни въ нашей власти состояли, ни чрезъ нашу мудрость предусмотрены, ни чрезъ наше прилѣжаніе подкрѣплены не были! для чего мы въ семъ не познаемъ божественнаго Провидѣнія, и чрезъ то не подкрѣпляемъ своего духа? Судьбина нашего искренняго друга, которую онъ намъ вѣрно изображаетъ, можетъ намъ такiя же полезныя открыть дальновидности, и наше сердце исполнить утѣшеніемъ и упованіемъ. Ежели бы мы много искренно и тщательно сочиненныхъ описаній жизни нискихъ и высокихъ особъ имѣли, въ которыхъ бы малыя обстоятельства ихъ жизни написаны и ихъ начертанія точно опредѣлены были; то

бы мы часто съ изумленіемъ смотрѣли, какъ десница Провидѣнія тамъ трудилась, гдѣ человѣкъ ничего не дѣлалъ, имъ тамъ въ тайнѣ управляла, гдѣ онъ самъ все казался дѣлать, его тамъ попустила быть щастливымъ, гдѣ бы онъ по желанію и разположенію своихъ враговъ быть не щастливымъ долженъ былъ.

И такъ ежели мы часто въ нещастіяхъ и благополучныхъ приключеніяхъ открываемъ слѣды Провидѣнія, и научаемся оныя почитать, и сіе мы каждой день можемъ дѣлать при нашихъ собственныхъ судьбинахъ; то мы всегда будемъ собирать новую пищу для упованія на оное. А чѣмъ болѣе мы при своей судьбинѣ станемъ вникать въ слабость нашихъ силъ или въ ничтожество оныхъ, тѣмъ болѣе будетъ умножаться наше смиреніе. Также чрезъ сіе разсужденіе о божественной премудрости и благости, при вѣрномъ наблюденіи нашей должности и наше вручение совѣтамъ Всемогущаго будетъ умножаться, охотное вручение безъ тайнаго изключенія; ибо мы всегда станемъ находить, что Богъ лучше располагаетъ судьбину человѣческую, нежели человѣкъ расположить можетъ.

И сей добродѣтели не достаетъ, такъ какъ смиренія и общаго человѣколюбія, въ нравоученіи мудрыхъ въ древности бывшихъ, и, что они вмѣсто ея полагали, было болѣе гордость сердца, и философская упорность, нежели мудрое и основанное упованіе. Она нигдѣ въ своей истинной силѣ не явилась, какъ только въ откровеніи. Съ

жи-

живѣйшимъ и основательнѣйшимъ увѣреніемъ подъ наибольшими страданіями и жалобами жизни можемъ размышлять и говорить, *что бо ми есть на небеси; и отъ тебѣ что восхотѣхъ на земли; изчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (*) съ живѣйшимъ и основательнѣйшимъ упованіемъ подъ всѣми опасностями жизни можемъ размышлять и говорить: *Падетъ отъ страны твоея тысяща и тьма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится: яко ты Господи упованіе мое: вышняго положилъ еси прибѣжище твое* (**) посредѣ всѣхъ страховъ естества не поколебимо можемъ размышлять и говорить: *сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская* (***) *аще мя убіетъ сильный, понеже и нача, обаче возглаголю и обличу предъ нимъ!* (****) какое высочество души! когда мудрый, только по разуму, сему упованію научалъ, или своимъ примѣромъ утвердилъ? Когда онъ при потеряніи всего своего благополучія великодушно возопилъ: *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя господне благословенно во вѣки!* (*****) когда онъ при всѣхъ препятствіяхъ добродѣтели, при всей власти, которую благополучіе и неблагополучіе, высокость и презрѣніе имѣютъ надъ нашимъ сердцемъ, и чрезъ что они его столь легко колеблющимся въ добрѣ дѣлаютъ,

(*) Псал: 72. 25. 26.
(**) Псал: 90. 7. 9.
(***) Псал: 45. 3.
(****) Іов: 13. 15.
(*****) Іов: 1. 21.

лаютъ, когда онъ тамъ съ божественнымъ геройскимъ духомъ помышлялъ и говорилъ: *извѣстихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая ни грядущая, ни высота ни глубина, ни ина тварь, кая возможетъ насъ разлучити отъ любве божія, и слѣдовательно ниже отъ упованія на Бога?* (*) Никакъ, до сего величества души не возвышаетъ насъ философія. но только вѣра. И не хотѣли ли бы мы ее любить, и чрезъ нее каждой день возбуждать духъ упованія, которой одинъ наше сердце въ благополучіи и бѣдномъ состояніи истинно спокойнымъ и утѣшнымъ дѣлаетъ?

ДВАДЕСЯТЬ ВТОРОЕ УЧЕНІЕ

О должностяхъ воспитанія, а особливо въ первыхъ лѣтахъ дѣтей.

Слушатели мои! я теперь простираюсь къ нѣкоторымъ главнымъ должностямъ домашней и общественной жизни, какъ то къ должностямъ *воспитанія*, *супружеской любви*, *сродства* и *дружества*. По предложеній сихъ заключу мое нравоученіе краткимъ начертаніемъ *естественнаго закона*.

Когда мы о должностяхъ *воспитанія* во всемъ ихъ пространствѣ разсуждаемъ, со всѣми тру-

(*) Рим: 8. 38. 39.

трудами и попеченіями, которыя они на родителей налагают, со всѣми препятствіями и трудностями, которыми они окружены, со всѣм благоразуміем и проницательством, котораго они требуют, с долготою времени, чрез которую они всегда должны быть вообновляемы, с иждивеніем, котораго они требуют: то оныя кажутся быть наитруднѣйшими должностями человѣческой жизни. Но оныя чрез всегдашнее вліяніе любви столь сладкими становятся, от сердца родителей столь ясно повелѣваются, от безпомощнаго состоянія дѣтей, которые сами суть часть оных, столько требуются, от их благодарности столь часто возвращаются, от радости о процвѣтающем благополучіи дѣтей столько награждаются, от печалей о пренебреженном благосостояніи оных столько оправдаются, и от всеобщаго покоя государства и свѣта столь ясно похваляются, что оныя купно сходственнѣйшими с естеством и святѣйшими, наитруднѣйшими, однакож и наиприятнѣйшими должностями называться могут. Самое наипечальное, которое можно об оных сказать, состоит в том, что оныя часто безплодно бывают отправляемы, и не всегда могут препятствовать нещастію дѣтей. Однако сколько бы сія судьбина ни ужасна была: имѣет в себѣ утѣшеніе, когда мы сіи должности чистосердечно исполнили, напротив того она тогда должна быть мученіем, когда нам наша совѣсть попрѣкает в том, что мы средств, чрез которыя бы мы могли препятствовать тому, или со всѣм не употребляли, или только нерадиво.

Хотя

Хотя должность воспитанія отъ васъ, слушатели! еще весьма отдаленною быть кажется; однако со всѣмъ тѣмъ важность оной требуетъ, чтобъ вы заблаговременно ужѐ объ ней разсуждали. Нѣсколько лѣтъ между юношею и мужемъ скоро протекаетъ; и горе тому отцу, которой о мудрости, дѣтей воспитывать не прежде печется, нежели какъ онъ есть отецъ! я многихъ знаю изъ своихъ слушателей, которымъ десять тому назадъ лѣтъ, и менѣе, какъ теперь несутъ имя достойное чести отца. Сіе же благополучіе и сія же должность у многихъ изъ васъ развѣ должна быть истреблена? Но свѣтъ отъ кого наилучшаго воспитанія ожидаетъ болѣе, какъ отъ такихъ мужей, которые себя наукамъ и хорошимъ нравамъ въ собственномъ разумѣ посвятили? Ученой, которой хуже пишетъ, нежели мужъ безъ науки, и ученой отецъ, которой своихъ дѣтей не умнѣе воспитываетъ, нежели рукомесленникъ; какое безчестіе для премудрости школъ! наконецъ, хотя мы не всѣ опредѣлены быть отцами: однако можемъ употреблены быть при воспитаніи другихъ какъ надзиратели и совѣтники. Дражайшіе товарищи, государство ожидаетъ отъ васъ такихъ мужей, которые должны сердца̀ юности въ приватныхъ домахъ, въ палатахъ знатныхъ особъ, въ училищахъ и чертогахъ Царскихъ наставлять премудрости и добродѣтели. Ихъ родственники и друзья ожидаютъ отъ васъ проницательства, свѣта и совѣта въ щасливомъ попеченіи о воспитаніи, и Господь вамъ превосходныя дарованія разума и случаи, оныя лучшими дѣлать, поручилъ не въ дру-

другомъ какомъ намѣреніи, какъ только чтобы вы руку помощи подавали, созидать чрезъ то мудрость и благополучіе потомства. Либо ваши собственные будущіе потомки налагаютъ на васъ всѣ должности воспитанія; или умирающій отецъ и ожидающее васъ званіе надзирателя и учителя поручаетъ вамъ часть оныхъ.

Дѣтей воспитывать значитъ, ихъ разумъ, ихъ сердце, ихъ тѣло, и ихъ особенныя природныя дарованія такъ изображать, чтобы они учились жить къ своему и другихъ благополучію, и важныхъ концовъ своего бытія достигать. Дѣтей воспитывать значитъ, ихъ заблаговременно наставлять, чтобы они учились познавать Бога, себя самихъ, свѣтъ, людей и вѣру, и свои поступки учреждать по симъ познаніямъ; чтобы они учились мудрость, должность и добродѣтель понимать, любить и исполнять. Мы при воспитаніи равно какъ влагаемъ свѣтъ нашего разума, свѣтъ вѣры, выгоду опыта и благія нашего сердца въ души юности; но много зависитъ отъ того, какъ мы сіе дѣлаемъ; и наилучшій образъ въ каждыхъ случаяхъ опредѣляется отъ начертанія самаго дитяти.

Дѣти суть часть насъ самихъ; и какъ мы имъ даемъ жизнь, такъ съ оною даемъ часто крѣпость или слабость тѣла, и не рѣдко притомъ склонности, которыя въ нашей крови находятся. И такъ кто можетъ сумнѣваться, что это есть должность въ разсужденіи нашего потомства, прежде нежели оно еще отъ насъ жизнь получило, и стало смотрѣть на позорищное мѣсто свѣта? Не умѣренные, не здоровые, зло-

злонравные, и слабоумные родители мало надежды имѣютъ ожидать здоровыхъ, разумныхъ и добросердечныхъ потомковъ; и такъ сколь велика будетъ должность, частію въ безженномъ состояніи, частію въ самомъ супружествѣ, всѣ тѣ злоключенія отвращать, которыя чрезъ распространеніе могутъ переходить въ души и тѣла дѣтей! не порочно препровожденное юношество и побереженное здоровье, цѣломудренное и любезное супружество, разумъ исполненной хорошихъ основаній, сердце свободное отъ возмутительныхъ страстей суть свойства родителей, которыхъ еще не родившіеся дѣти ужè требуютъ; и попеченіе о сихъ свойствахъ есть должность для родителей. Словомъ, должности родителей предполагаютъ должности разумнаго, добродѣтельнаго человѣка и супруга, и чрезъ рожденіе дѣтей болѣе только опредѣляются. Добродѣтельной отецъ, признаюся, по недостатку проницательства можетъ быть наищастливѣйшимъ образомъ воспитать не можетъ; а разумнѣйшій отецъ безъ добродѣтели, еще менѣе, и при всемъ своемъ старанiи можетъ быть не иное что изъ своихъ сдѣлать можетъ, какъ искусно составленной часовой нутръ честолюбія и корыстолюбія. Разумные и благочестивые родители конечно могутъ еще безъ того, чтобъ они о томъ помышляли, чрезъ любовь къ дѣтямъ часто доводимы быть до вреднаго воспитанія; но къ хорошему благополучію воспитанія рѣдко со всѣмъ поручается родителямъ. Друзья, сродники и надзиратели часто рано вступаютъ на ихъ мѣсто, и часто случается то, что сынъ худаго отца попадаетъ въ руки непо-

непорочнаго управителя, и дочь глупой и суетной матери въ руки разумной надзирательницы. Рѣдко оба супруга бываютъ худаго начертанія. Часто одинъ имѣетъ разумъ, другой добродѣтель; часто великой любви матери чрезъ строгость отца дается и то и другое равно. Хотя наконецъ много находится благонравныхъ родителей, которые мало способности имѣютъ, или чрезъ состояніе и чинъ весьма препятствуемы бываютъ, сами своихъ дѣтей воспитать; однако они часть своего бремени могутъ на другихъ возложить. И кто своихъ дѣтей совѣстно любитъ, тотъ всякое будетъ прилагать стараніе, не страшася иждивенія и упадка, чтобъ сыскать такихъ особъ, которымъ онъ ихъ щастливо можетъ поручить въ смотрѣніе и наставленіе. Родители, которые надзирателя, кому они поручаютъ своихъ дѣтей, яко перваго служителя въ домѣ почитаютъ, его стараніе и его терпѣніе чрезъ малое годовое жалованіе почитаютъ богато награжденнымъ, и чрезъ малое почитаніе его самаго въ очахъ дѣтей унижаютъ, суть глупы, когда они думаютъ, что они хорошо своихъ дѣтей воспитываютъ. Родители, которые только о способностяхъ учителя спрашиваютъ, а не о его нравѣ, и его хорошемъ сердцѣ, не имѣютъ надлежащаго познанія ни о воспитаніи, ни о естествѣ человѣка; и мужи, которые такихъ людей къ сей должности безъ тщанія одобряютъ, грѣшатъ не только противъ каждыхъ семействъ, но и противъ цѣлаго общества. (*)

(*) Непорочной управитель, мужъ ученой и добраго сердца, отъ котораго требуютъ, чтобы онъ свои

И такъ мы при хорошемъ воспитаніи предполагаемъ милостивыя обстоятельства дома и способность тѣхъ лицъ, которыя къ тому нужны: ибо безъ хорошихъ родителей и способныхъ учителей всѣ наставленія суть тщетныя предпріятія; и что пользуютъ наилучшія черченія архитектуры къ произведенію которыхъ не достаетъ искуснаго художника? И такъ сіе предположивъ, не трудно опредѣлить средство и способъ хорошему воспитанію. Изъ такого тщательнаго воспи-

---

наилучшія лѣта употребилъ на благополучіе молодаго человѣка, должевъ для своего собственнаго будущаго благополучія не обходимо поставленъ быть въ безопасности, дабы онъ могъ себя со всѣмъ наставленію онаго, и не заботясь ни о чемъ посвятить, и когда нибудь отъ довольной годовой пенсіи, подобно заслужившему Офицеру, которой жилъ болѣе для отечества, нежели для себя, имѣть свое пропитаніе. Можетъ быть всякой бы тщательной мужъ, которой теперь отказывается, къ сему служенію явился, къ которому не многіе способны, потому что особенныя таланты, великая непорочность, благоразуміе, тщаніе и терпѣніе къ сему требуются. Можетъ быть это было би для воспитанія молодыхъ знатныхъ лицъ великимъ благополучіемъ, когда бы во Академіяхъ, нѣкоторые такіе мужи, кои бы должность надзирателя или предводителя даже до самой старости похвально отправляли, публично содержаны были, дабы они юношамъ, которые себя хотѣли бы посвятить сему роду жизни, совѣтъ и наставленіе подавать, и оныя чрезъ свои опыты изъяснять могли. Симъ бы образомъ не большія училища происходили, гдѣ бы можно было найти хорошаго управителя.

воспитанія, какое въ хорошихъ домахъ находитъ мѣсто, и можетъ наблюдаемо быть, мы теперь разсмотримъ *главнѣйшее* въ разсужденіи *изображенія и наставленія первыхъ лѣтъ*. Кто разсуждаетъ о концѣ воспитанія, о природѣ дѣтей, и опытѣ разумнаго, тотъ вообще не можетъ остаться въ невѣденіи, какія суть наилучшія правила воспитанія. Особенное употребленіе оныхъ должно каждаго научать собственной природѣ дѣтей и качеству своего дома.

Первая должность, которую рожденіе дѣтей на родителей налагаетъ, есть *тщаніе* о *смотрѣніи*, *попеченіи и здоровьѣ оныхъ*. Оное хотя по видимому не пренебрегаютъ, но можетъ быть часто весьма не справедливо понимаютъ, и имѣютъ.

Все, что способствуетъ нашимъ дѣтямъ съ первыхъ лѣтъ подавать *здоровое*, *продолжительное и твердое тѣло*, должно быть всегдашнимъ попеченіемъ родителей. Наше начертаніе сердца во многихъ частяхъ зависитъ отъ качества тѣла, и чрезъ него съ младенчества изображается. Не здоровая кровь, не порядочное обтеченіе соковъ и жизненныхъ духовъ, великая чувственность или прелесть чувственныхъ орудій должны теперь и впредь имѣть втеченіе въ наши души, и помогать опредѣлять родъ разсужденія и желанія. Что наше тѣло лѣнивымъ, или чувственнымъ дѣлаетъ, то разуму, когда онъ владычествовать, и желаніямъ, когда онѣ повиноваться должны, будетъ препятствіемъ.

 Слабое

Слабое тѣло старанія души дѣлаетъ ей тяжелыми, и немощное удерживаетъ оную въ ея предпріятіяхъ. Изнѣженное тѣло, которое всегда привыкло къ прелестямъ пріятныхъ чувствованій, и безпокойствій сносить не можетъ, опредѣляетъ душу не примѣтнымъ образомъ въ ея будущихъ мнѣніяхъ о ложномъ достоинствѣ или недостоинствѣ вещей, и въ жестокости желать или отвращаться.

Безпорно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ никакія болѣзни или особѣнныя обстоятельства не запрещаютъ, должно быть наисвятѣйшею должностію матери то, чтобъ сама подавала нѣжной твари, которую она родила, первую пищу груди. По крайнѣй мѣрѣ натура сію должность съ столь многою прелестію удовольствія, когда оная исполняется отъ матерей, и чаще съ столь многими печалями и болѣзнями, когда оная отъ нихъ оставляется, соединила, что не можно сомнѣваться о извѣстности сей должности. (*) Мать кажет-

(*) Геллій повѣствуетъ въ своей двенатцатой книгѣ о философѣ Фаворинѣ примѣчанія достойное изреченіе. Сей философъ спѣшилъ къ своему ученику, котораго супруга лишъ только родила сына, въ домъ, чтобъ его поздравить. Мать родильницы защищала, что ея дочь для произшедшихъ послѣ рожденія болѣзней сама не можетъ угомонить дитя. О! сказалъ Фаворинъ: Oro te, mulier, ſine eam totam ac integram eſſe matrem filij ſui. Quod eſt enim hoc contra naturam imperfectum ac dimidiatum matris genus, peperiſſe ac ſtatim a ſe abjeciſſe? То есть: оставьте государыня, чтобъ твоя дочь была вся матерію своего сына. Ибо что столь противнѣе естеству, какъ сіи полматери, которыя своихъ дѣтей покидаютъ, какъ скоро они ихъ родили?

кажется чрезъ оную не только любовь сыновнюю покупаетъ; но и свою любовь къ дѣтямъ утверждаетъ. Она для того же болѣе будетъ имѣть старанія о здоровьѣ своего дитяти, и чрезъ частое пребываніе съ нимъ воспрепятствуетъ порокамъ надзирательницъ, которыя тѣло дѣтей не поворотливымъ и чрезъ то слабымъ изображаютъ. Она изъ своего благочестиваго сердца будто какъ невинность будетъ вливать въ своего младенца съ своими наилучшими соками. Не всегда ли подтверждаетъ сіе опытъ, что кормилицы свои болѣзни какъ души, такъ крови дѣтямъ сообщаютъ? Что тѣ то никакого объ нихъ попеченія не имѣютъ, то имѣютъ ребяческое и слѣпое и ихъ стараются тысячью вещами усмирить или къ себѣ приманить, которыя основаніе полагаютъ къ худому начертанію дитяти, къ своенравію, къ чувственности, къ любоимѣнію, ко гнѣву и можетъ быть не рѣдко къ сластолюбію?

Это удивительно, когда видятъ, сколь здоровы и крѣпки дѣти бываютъ подъ простымъ присмотромъ крестьянки. Какая тому должна быть причина? По здоровьѣ родителей безпорно есть причиною простая, не поварами пріуготовленная пища, здоровое молоко, къ которому они дѣтей пріобучаютъ, свѣжая вода, которую они имъ заблаговременно вливаютъ, свободной воздухъ, на которой они ихъ заблаговременно для прохлажденія выносятъ, благотворительное солнце, котораго лучамъ даютъ ихъ освѣщать, вмѣсто того что дѣти живущіе въ великихъ городахъ

должны истаевать въ жаркихъ покояхъ. Какъ скоро научаются крестьянскія дѣти твердыми ногами уходить изъ рукъ матери, и свой здоровой и черной хлѣбъ сносить безъ помощи лѣкарей! здоровое пиво бываетъ имъ наилучшимъ виномъ, легкая сыворотка наилучшимъ миндальнымъ молокомъ. Не пеленали, когда еще они были нѣжны, ихъ молодыя члены и теченіе ихъ чистой крови мучительными свивальниками; и однакожъ имѣютъ они прямыя члены и здоровыя нервы. Пускали ихъ, легко одѣвая, на мягкой травѣ и на жеской доскѣ смѣло валяться; и они не свихнули ни одного члена; но напротивъ того ихъ члены стали быть тверды и крѣпки. Попечительная мать знатнаго состоянія должна себя при первомъ воспитаніи дитяти, сколько то природная ему нѣжность дозволяетъ, унизить до похвальнаго нрава крестьянъ, чтобъ тѣло своего дитяти сдѣлать здоровымъ и твердымъ. Должность отца будетъ, свою супругу къ наблюденію сего попеченія поощрять, ея такое попеченіе чрезъ любовь услаждать, и чрезъ разумныя спомоществованія облегчать. Плутархъ повѣтствуетъ о старшемъ Катонѣ, что онъ, какъ ему его супруга родила сына, ни чемъ другимъ, какъ дѣлами государственными отозвался быть съ нею, когда она дитятю понесла мыть. Сколько въ наши дни всякой отецъ стыдиться долженъ сего примѣра!

Вторая и не менѣе важная *должность*, которую родители, хотящіе своихъ дѣтей хорошо воспитать, должны наблюдать, есть *попеченіе*

о

изображеніи души оныхъ, и уже въ первыхъ и самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ. Дитя пробуждается скоро отъ сна, въ которомъ онъ свои первые дни проводитъ. Оно начинаетъ жить по своимъ склонностямъ, прежде нежели живетъ по разуму. Оно имѣетъ чувствованія, прежде нежели имѣетъ размышленіе. Его желанія говорятъ чрезъ движенія и удареніе голоса, прежде нежели они говорятъ чрезъ слова. Впечатлѣніе, которое предмѣты въ его чувствахъ дѣлаетъ, есть въ первыхъ годахъ его разумъ. Слѣдовательно чтобъ *силу чувствованія дѣтей и ихъ естественныя желанія* изобразить, покуда еще ихъ разумъ не показывается наружу; надлежитъ тщательно отдалять, покуда сіе дѣлать и весьма тщательно дѣлать, не можно опасаться вредныхъ слѣдствій, тѣ предмѣты, которые худое или жестокое впечатлѣніе въ сердцѣ дитяти производить могутъ, и всѣ тѣ собирать, которые невинную и пріятную склонность въ немъ возбуждать могутъ. Но понеже дитя получаетъ не позволенныя склонности не чрезъ одни только чувства, но какъ насъ не ложный опытъ научаетъ, уже въ своемъ сердцѣ съ собою несетъ на свѣтъ; надлежитъ заблаговременно подавлять сіи склонности, чрезъ благоразумное сопротивленіе, чрезъ мудрыя болѣзни тѣла, и когда душа дитяти пробужается, чрезъ болѣзни души. Такія худыя склонности, которыя уже въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ оживаютъ, и присвояютъ себѣ приказаніе, суть наипаче самонравіе, гнѣвъ, любоимѣніе и мщеніе.

Созидаютъ дѣтямъ заблаговременно собственной свѣтъ, свѣтъ *игрушекъ*. Хотя сіе употребленіе не порицательно; однако при томъ не рѣдко находятся не осторожныя, и возбуждаютъ, когда хотятъ дитя кормить, утѣшить, и притомъ себя увеселять чувственными изображеніями склонностей своихъ дѣтей, часто не порядочныя склонности въ его сердцѣ. Даютъ ему игрушку, и спорятъ съ нимъ, будто бы хотѣли у него оную взять, и научаютъ его, какъ онъ долженъ отказаться, чтобъ оной намъ не дать, какъ онъ долженъ ее спрятать, и притвориться, будто бы не имѣлъ оной. Научаютъ, какъ дитя долженъ изъ нашихъ рукъ вырвать малую забаву. Но сіе не значитъ ли дѣтей дѣлать своенравными и жадными? Не даютъ ему остраго ножа, хотя онъ о томъ весьма кричитъ; столь же мало ему должно подавать игрушку, которой чрезъ крикъ желаетъ. Уговариваютъ дѣтей, когда они споткнулись, или когда они упали, или когда у нихъ что нибудь отнято, чрезъ то, что человѣка, которой то отнять у нихъ долженъ былъ, или игрушку, столъ, полъ, о которой они споткнулись, бьютъ съ грознымъ видомъ и словами. Но чрезъ то не поощряютъ ли быть памятозлобными, и озлобленія отмщевать? Украшаютъ и убираютъ дитя, удивляются ему, подаютъ зеркало, и радуются, когда самъ собою любуется, и показываетъ въ себѣ нѣкоторыя черты удовольствія чрезъ глазъ или движенія. Думаютъ, что это невинная радость для дѣтей, но собственно есть поощреніе къ пустотѣ и самолюбію. Вообще бездѣльныя игрушки, которыя

даютъ

дают детям, разноцветной убор, которым их украшают, и худое пѣніе, которыми их забавляют, суть весьма способны, детей пріобучить к худому вкусу; и для того при хорошем воспитаніи надлежит себя от того удерживать.

Из числа всеобщих пороков, в которые обыкновенно при воспитаніи впадают, и от которых мудрые и тщательные родители должны себя предохранять, суть наипаче сіи. Оставляют дитя долго в руках не благонравных кормилиц и нянек; как будто бы первые два или три года мало значили, и склонности дитяти в сих лѣтах не имѣли нужды в особѣнном изображеніи, для того что оно не разумѣет представленій и языка. Но оно разумѣет удареніе, движеніе, и наказаніе, и чрез то можно оным управлять. Разумная мать, родственница и надзирательница, которыя принимают на себя воспитывать детей в сих лѣтах, от природы суть снабдѣны особенными дарованіями и способностями, которыя онѣ для пользы дитяти показывают остроумно, так как любовь к детям, и размышленіе о должности их дѣлает тщательными, бодрыми, милостивыми и терпѣливыми при их изображеніи. И так дитя с первых своих лѣт должен быть в их руках. Еще не думают, что дети пороки и страсти человѣческія столь рано примѣчают, и от того принимают впечатленіе подражанія, что однакож в самом дѣлѣ случается. Слѣдуют по

большей части тому воспитанію, которое они сами имѣли въ своихъ молодыхъ лѣтахъ, забываютъ натуру дитяти, и особенныя обстоятельства своего дома, надѣются на свое проницательство, а у искусившихся мало требуютъ совѣта, какъ будто бы то было стыдъ для родителей и надзирателей въ важнѣйшемъ дѣлѣ совѣтъ принимать. Пороки, которые сами собою изчезаютъ, мало различаютъ отъ тѣхъ, которыя безъ противныхъ средствъ становятся владычествующими обыкновеніями. То хотятъ всѣ пороки вдругъ, и силою излѣчить, то мѣшкаютъ укрощать пороки, пока они ужѐ вкоренятся. Мало стараются чрезъ невинное средство хранить и умножать любовь и упованіе дѣтей, господствуютъ чрезъ страхъ и наказаніе, и чрезъ обое сіе возбуждаютъ въ нихъ омерзеніе къ намъ и къ тѣмъ примѣрамъ, на которые они смотрѣть должны. Ругаютъ, грозятъ и наказываютъ скоро и въ жару страсти. Мало испытываютъ способности и склонности дѣтей, и довольно не научаютъ ихъ заблаговременно о своихъ малыхъ дѣлахъ разсуждать, какъ будто бы они къ тому способности не имѣли. Наконецъ поступаютъ такъ, какъ будто бы наука и изображеніе тѣла и внѣшняго случайнаго благосостоянія были самымъ важнымъ дѣломъ при воспитаніи.

Наилучшее правило *при первомъ наставленіи*, которое хотятъ дѣтямъ давать, есть безпорно сіе, что оно должно быть болѣе увеселеніе, нежели трудъ, болѣе чувственная игрушка, нежели сухое наставленіе, болѣе случайной и пристойной разговоръ, нѣже-

нежели по правиламъ составленное и не прерывное ученіе, словомъ, должно быть наставленіе по ихъ способности и для ихъ любопытства всегда новая пища. Ежели чувственные предмѣты, и что дѣти видятъ и слышатъ, часто при ихъ названіи чисто выговариваютъ, и оные имъ словами ужè извѣстными кратко повѣствуютъ и описываютъ; то они скоро языкъ нѣкоторымъ образомъ перенимаютъ, и посредствомъ своей естественной склонности къ подражанію также скоро говорятъ. Наставленіе въ случайныхъ разговорахъ можетъ заблаговременно начинаемо быть; но по правиламъ составленное ученіе, за которымъ дѣти сидѣть, глаза устремить въ книгу, и одинакую вещь не минуту, но долго часовъ примѣчать должны, противно естеству дитяти и его охотѣ, и дѣлаютъ ему ученіе по справедливости омерзеніемъ. Учите ихъ буквамъ азбуки безъ книги и безъ познанія чрезъ оную, такъ чтобы оныя для нихъ изображать на ихъ игрушкахъ или на картахъ, картинахъ, стѣнахъ, деревахъ. Ежели они сіе познаютъ; то мало по малу заставляйте ихъ нѣсколько минутъ читать по книгѣ. Въ сей съ начала находятся односложныя, двусложныя и троесложныя имѣна пріятныхъ вещей, потомъ краткія, пріятныя положенія въ вопросахъ, отвѣтахъ, прозьбахъ и шуткахъ, которыя еще на свои слоги раздѣлены; послѣ пріятныя описанія, повѣствованія, басни, письма, нравоучительныя правила и наконецъ первыя истинны закона, которыя могутъ быть разуму дитяти понятными. Сіе наставленіе, когда оно должно быть дитяти игрушкою, въ первыхъ

пяти

пяти или шести годахъ должно только нѣсколько минутъ между двумя или тремя часами предпріемлемо и для него чрезъ малыя науки облегчаемо быть.

Между тѣмъ остается *естество* одушевленное и не одушевленное главною книгою, въ которой любопытной отрокъ, еще съ свѣтомъ не познакомившейся житель, учиться, и справедливыя изображенія въ своемъ разумѣ собирать долженъ. И сколь богато естество въ предмѣтахъ, на которые дитя взирать съ увеселеніемъ, кои называть, и о которыхъ размышлять, учиться можетъ! за чѣмъ часто столь мало шествуютъ по сему пути, которой оно само намъ чрезъ свои новости показываетъ? земля и небо, садъ и поле не предлагаютъ ли глазу самыхъ началъ всѣхъ нашихъ познаній, которыя только можетъ быть пріятны и поучительны суть? Молодой ученикъ въ рукѣ разумнаго и бодраго предводителя много и съ благополучіемъ перенять можетъ. Онъ питаетъ свои глаза, обогащаетъ свою память и упражняетъ свою силу воображенія. Онъ хочетъ все знать, что около его находится, и все, что онъ столь охотно примѣчаетъ, можетъ употреблено быть чрезъ искусные вопросы ко упражненію его разума.

Дѣйствія художества послѣ дѣйствій естества имѣютъ первое достоинство, и часто награждаютъ то, чего отрокъ въ естествѣ еще примѣтить не можетъ. Онъ съ охотою принимается за изображенія, за куншты и монеты и раду-

радуется, что онъ видитъ здѣсь звѣрей, птицъ, рыбъ, цвѣты, дерева, домы и людей, которыя онъ въ естествѣ либо ужѐ примѣтилъ, или по крайнѣй мѣрѣ подобія оныхъ примѣтилъ. Пріобучаютъ его, чтобъ онъ намъ отъ времени до времени повѣствовалъ, что видѣлъ и понялъ, и помогаютъ благоразумно ему. Упражняютъ на пятомъ и шестомъ году примѣчаніе и смыслъ дитяти, чтобъ его пріобучить къ справедливымъ понятіямъ и разсужденіямъ, въ предмѣтахъ рухляди въ общихъ фигурахъ геометріи, и стараются чрезъ легкія вопросы и чрезъ сравненіе фигуръ къ тому его приводить, чтобъ онъ научался разсуждать о ихъ сходствѣ и несходствѣ и на словахъ показывать. Приказываютъ ему самому чертить геометрическія фигуры, чтобъ учился оныя познавать, и вырѣзываютъ оныя ему на клею, или приказываютъ оныя художнику для него начертить. Такимъ образомъ можно ему и на малыхъ по правиламъ сдѣланныхъ зданіяхъ деревянныхъ, которыя такъ приготовлены, что они могутъ разбираться и опять хорошо собраны быть, имена и понятія архитектуры показывать въ игрѣ. Также ландкарты суть чувственное и пріятное упражненіе для дитяти. Ежели онъ познаетъ одну по землямъ, то можно оныя на клею изобразить, и хорошо раздѣлить, чтобы отрокъ имѣлъ упражненіе земли одну отъ другой отдѣленныя опять въ надлежащей порядокъ привесть, и тѣмъ тверже вкоренить себѣ разположеніе оныхъ. Сперьва ему помогайте, или дайте ему еще цѣлую карту для примѣру. И сія игра изощряетъ смыслъ, когда

учи-

учитель при томъ нѣсколько помогаетъ, безъ труда. Не большой ящикъ съ словами, изъ котораго можно набрать слоги, слова и краткія чувственныя пословицы, есть также хорошее изощреніе примѣчанія и памяти отрока. Какъ скоро онъ можетъ писать, понуждаютъ его свою малую мудрость каждой день и еженедѣльно въ записную книжку вносить. Ежели надобно ему учиться *древнему языку* и имѣетъ хорошаго учителя, то не будетъ лучшаго пути оному его научить, какъ чтобы онъ его училъ, какъ учатся природному языку, сперьва безъ всякихъ правилъ грамматики выключая склоненіе и спряженіе. Ежели онъ на памяти имѣетъ множество словъ, реченій и мѣстъ, то заставляйте его часто читать и переводить; и когда онъ нѣсколько лѣтъ поупражняется, то берите тогда въ помощъ малую грамматику и употребляйте при чтеніи и писаніи.

Всякое *наставленіе чрезъ примѣры и поступки* есть чувственно, и слѣдовательно наставленіе для первыхъ годовъ. Чрезъ оное начинаетъ учитель умственную науку и нравоученіе, и представляетъ оное понятными нравственными притчами превращенными то въ не большія выдуманныя приключенія, на подобіе остроумной *Бомонтъ*, то въ басни и повѣствованія. Въ сочиненіяхъ такого рода отрокъ съ охотою учится читать, и его учитель при такихъ случаяхъ поймет ъ его мысли и чувствованія и будетъ стараться оныя исправлять.

Чтобъ

Чтобъ *сердце дитяти* заблаговременно пріобучить къ благочестивымъ чувствованіямъ человѣколюбія, сострадательства, благотворительства, благодарности, дружества, смиренія и упованія на божественный промыслъ, учитель долженъ собирать *примѣры сихъ добродѣтелей*, и противныхъ имъ пороковъ изъ *Исторіи*, а особливо *библейской*, раскызывать ему на дѣтскомъ понятномъ и пріятномъ языкѣ, самаго его заставлять читать, о томъ разсуждать, и малыя дѣлать употребленія, и слѣдовательно его принуждать, превосходство сихъ добродѣтелей съ похвалою и удивленіемъ, а гнусность пороковъ съ негодованіемъ и омерзеніемъ чувствовать. Ежели онъ на примѣръ хочетъ *смиреніе* святаго *Павла* представить ему чувствительнымъ: то онъ во первыхъ долженъ возбудить въ немъ вниманіе къ его великости, къ его познанію о Богѣ, къ его дарованіямъ въ томъ, что онъ могъ натурою повелѣвать, больныхъ чрезъ слово изцѣлять, слѣпымъ давать прозрѣніе, зрящихъ дѣлать слѣпыми; да и самыхъ мертвыхъ воскрешать. Онъ долженъ ему представить его ревность за честь божію, его любовь ко всѣмъ человѣкамъ въ его дѣлахъ и трудахъ, его великодушіе, его терпѣніе въ его опасностяхъ, гоненіяхъ, поношеніяхъ и страданіяхъ. Сколь не корыстолюбивъ и великодушенъ есть Павелъ, что онъ часто своими собственными руками себя и своихъ спутешественниковъ питалъ, чтобы общество, которое онъ созидаетъ, наставляетъ и къ царству божію способнымъ дѣлаетъ, не отяготить! съ какимъ высочествомъ души сноситъ онъ всѣ досады

и

и гоненія, чтобъ исполнить волю божію! онъ чрезъ Христіанское презрѣніе, чрезъ святой геройской духъ возвышаетъ себя надъ недостаткомъ и богатствомъ, надъ безчестіемъ и честію, надъ темницею и узами, надъ жизнію и смертію, надъ Ангеломъ и княжествомъ. И сей чрезвычайной человѣкъ, сей посланникъ Божій, сей творитель чудесъ, сей ревностной и краснорѣчивой учитель, сей отецъ столь многихъ обществъ, сей благотворитель цѣлыхъ народовъ себя самаго за мало, другихъ почитаетъ выше, нежели себя, всѣхъ людей почитаетъ своими братьями, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ онъ столь пылающую ревность, столь великое благоразуміе, столь не утомленное прилѣжаніе во всю свою жизнь вездѣ показываетъ, отдаетъ честь единому только Богу, яко подателю всякаго блага, яко начальнику и совершителю своей воли, и своего исполненія. Сколь много впечатлѣнія столь высокой примѣръ сдѣлать можетъ въ сердцѣ, когда оной разуму юноши понятнымъ образомъ во всемъ своемъ пространствѣ и своей силѣ показывается! Не можетъ ли отроческое сердце чувствовать, что начертаніе столь смиреннаго и скромнаго мужа не только само въ себѣ чести но и для другихъ любви достойнымъ быть, и вездѣ склонность и упованіе возбуждать должно? Не можетъ ли онъ видимаго изъясненія сей истинны усматривать и въ приключеніи, которое его трогать должно, въ приключеніи изъ дѣяній Апостольскихъ: *и они пропожали Павла вси съ женами и дѣтьми въ корабль, и нападали ему на выю, и плакали, и облобызали его.* (*)

Какъ

(*) Дѣян. 20. 37. 38. 21. 5. 6.

Какъ всѣ святые мужи священнаго писанія суть примѣромъ смиренія, такъ они суть примѣромъ и любви къ Богу и человѣкамъ. Сіе ученикъ добродѣтели долженъ учиться собственными глазами видѣть и чувствовать. Онъ долженъ начинать чувствовать желаніе, чтобъ онъ притомъ былъ и милостивымъ, благотворительнымъ, вѣрнымъ, истиннымъ и дружелюбнымъ ко всѣмъ человѣкамъ. Онъ въ примѣрахъ сихъ добродѣтелей долженъ учиться открывать свои главныя понятія. Его сердце должно учиться чувствовать, что *Іовъ* чрезъ то, что онъ нещастнымъ въ ихъ бѣдномъ состояніи показывалъ себя помощникомъ, или какъ священное писаніе то выражаетъ, что онъ *око слѣпымъ, нога же хромымъ, что онъ отецъ немощнымъ былъ.* (*) гораздо драгоцѣннѣе есть, нежели чрезъ всѣ свои стада и богатства, чрезъ всѣхъ своихъ рабовъ и блатія; что онъ подверженъ будучи страданіямъ естества, всѣмъ ругательствамъ своихъ друзей, въ пепелѣ сидя, однако имѣя въ себѣ страхъ божій и вручая себя божіимъ судьбамъ гораздо благополучнѣе есть, нежели при всей славѣ земли, на престолѣ окруженный ласкателями и поклонниками, подъ попреками и жалобами худой совѣсти, и исполненный рабскимъ страхомъ предъ Богомъ. Сего чувствованіе юношеское сердце можетъ себѣ присвоять, и чрезъ сіи заблаговременно принятыя чувствованія добра, подобно молодому орлу, которой рано спѣшитъ возлетѣть къ свѣту и теплотѣ солнечной, научаться восходить

(*) Іов: 29. 15. 16.

на высоту добродѣтели. Вперяйте только въ разумъ молодяго ученика *живымъ и остроумнымъ образомъ* примѣры человѣколюбія, подобострастія и покоренія Богу, которыхъ въ священномъ писаніи довольное число находится. Облегчайте его смыслъ, и пускай притомъ веселится тѣмъ, что онъ самъ разсуждаетъ и угадываетъ. Дѣлайте ему высокія и любви исполненныя изреченія священнаго писанія чрезъ такія представленія понятными, и онъ справедливѣйшія понятія о добродѣтели, и болѣе склонности къ оной получитъ, нежели чрезъ всѣ сухія и скучныя преподаванія катихисиса. Онъ изъ примѣра *Авраама*, которой своего сына по приказанію божію готовъ на жертву принесть, лучше научится познать свойства вѣры и высочайшей любви къ Богу побѣждающей сладчайшую естелюбви къ Богу побѣждающей сладчайшую естественную любовь къ сыну, нежели изъ справедливѣйшихъ понятій сухаго объясненія. Что есть признаніе Патріарха: *Довлѣетъ ми отъ всея правды и отъ всея истинны, юже сотворилъ еси рабу твоему.* (*) Сіе не естьли наилучшее объясненіе смиренія и благодарности?

Всѣ *чудесныя дѣйствія вѣры* суть подобно какъ изображенія божественныхъ свойствъ и какъ дѣйствія естества, суть изображенія божества. Изъ сихъ пускай научается молодой гражданинъ свѣта познавать своего Бога, и его промыслъ, притомъ чувствовать его благость и святость. Что есть *божественная любовь нашего Спасителя*, его страданіе, его смерть, его воскресеніе,

(*) 1. Моис: 32. 10.

ніе, его вознесеніе; что это есть, какъ видимая исторія неба и земли божества и человѣчества? Чему учитъ она, когда въ своемъ священномъ свѣтѣ показывается? Болѣе нежели вся философія, все глубокомысліе разума, безконечно болѣе научаетъ она душу совершенствамъ Создателя, его святости и его сострадательной любви и въ лицѣ Искупителя совершеннѣйшему и удивленія достойнѣйшему примѣру послушанія Богу, любви ко всему свѣту исполненному недостойныхъ людей, величайшему примѣру смиренія, отверженія и великодушія во всѣхъ гоненіяхъ и страданіяхъ, при всякой невинности, да и въ самой мучительнѣйшей смерти. Сія исторія ученику, когда онъ надлежащимъ образомъ къ ней предуготованъ, съ ея высокой стороны отъ учителя искренно и живо показанная, въ его разумѣ и въ его сердцѣ глубочайшее сдѣлаетъ впечатлѣніе, и при всякихъ благочестивыхъ слезахъ заставитъ его чувствовать, какимъ онъ одолженъ сему своему Богу и Искупителю, подобострастіемъ, любовію и послушаніемъ. Но сколь часто при первомъ наставленіи въ вѣрѣ заставляютъ насъ наизусть учить понятія, которыя мы не разумѣемъ, на словахъ пересказывать, о которыхъ звонѣ только разсуждаемъ, положенія на память затверживать, которыя для насъ темнотою покрыты. Сколь часто въ первыхъ годахъ чрезъ сухія и долговременныя обьясненія ученія вѣры, или чрезъ выучиваніе на память катихисиса, возбуждаютъ въ насъ омерзѣніе къ вѣрѣ, когда напротивъ того нѣтъ ничего способнѣе наше сердце тронуть, и къ любви божіей возбудить, какъ

вѣра! сколь часто учатъ насъ заповѣдямъ, и пріобучаютъ насъ къ сему безразсудному благоговѣнію на предбудущія лѣта! я думаю, что омерзѣніе къ премудрости и добродѣтели вѣры у многихъ отъ бѣднаго способа, насъ оной въ малолѣтствѣ учить, проистекаетъ. Я отсылаю васъ для сего, какъ должно учреждать сіе первое наставленіе о Богѣ и вѣрѣ, къ поучительнымъ и превосходнымъ листочкамъ *въ сѣверномъ надзирателѣ*. Можно также сіе наставленіе, о которомъ мы теперь говорили, еще живѣе представить, ежели хорошіе *куншты* взять въ помощь, въ которыхъ достопамятнѣйшіе примѣры и дѣйствія священнаго писанія краснорѣчиво представлены. Мы отъ художника въ Аугсбургѣ, Филиппа Андрея Киліана, хорошіе кунншты такого рода, послѣ картинъ наилучшихъ живописцовъ получили, и которые еще не дорогаго стоятъ.

Съ сими примѣрами священнаго писанія учитель долженъ соединять *хорошіе примѣры изъ Свѣтской древней исторіи* но съ великою предосторожностію, дабы его ученикъ не смѣшивалъ добродѣтель разума, разума то своенравнаго, то суевѣрнаго, съ добродѣтелію вѣры, добродѣтель честолюбія и сложенія съ добродѣтелію просвѣщеннаго разума, и Богу посвященнаго сердца, или премудрость и непорочность *Сократа* и *Аристида* съ премудростію и благочестіемъ *Давида* или *Павла*; чтобы онъ не думалъ, будто бы нѣкоторыя каждыя великія дѣйствія, которыя въ глаза мечутся, составляли уже добро-

бродѣтельное начертаніе мужа. Ежели при славныхъ примѣрахъ древнихъ не забываютъ сего; то можно ихъ по справедливости предлагать къ учителей гражданскихъ добродѣтелей, и похвальныя желанія, къ онымъ ближе подходить, въ сердцѣ юношества возбуждать; но безъ покропленныхъ разсужденій жизнь добродѣтельнаго язычника будетъ оставаться для онаго весьма темнымъ и невѣрнымъ зеркаломъ.

Домашняя жизнь мудраго и благочестиваго мужа есть безспорно для юношества поучительнѣе, нежели блистающая жизнь вельможъ. Ежели будутъ разсматривать такія описанія жизни примѣчанія достойныхъ особъ всякаго званія и обоего пола, которыя со вкусомъ и краснорѣчіемъ, какъ жизнь Геснерова отъ *Ернеста*, и жизнь молодаго Брауншвейгскаго Принца отъ *Іерусалема* или жизнь Лютера отъ *Шрекга*, сочинены, и станутъ читать со вниманіемъ: то въ одно время дадутъ ему пищу для сердца и для вкуса, и его любовь къ чтенію возбудятъ еще болѣе. Ежели въ фамиліи ученика находятся похвальные примѣры, и хорошія повѣствованія о его предкахъ, или учитель такіяжъ знаетъ: то оные его ученика тѣмъ болѣе прельстятъ, чѣмъ ближе они къ нему принадлежатъ. Вообще при хорошемъ воспитаніи *ежедневные примѣры* родителей и сродниковъ, надзирателя, служителей, молодыхъ пріятелей отрока, должны быть видимыми правилами хорошихъ нравовъ для него. Извѣстно, что великая часть *Китайской* добродѣтели, которую въ наши дни столь много-

го обожали, въ воспитаніи своихъ дѣтей и въ правленіи имѣнія, и въ томъ наипаче состоитъ, что они юношество не столько чрезъ ученіе и положенія, сколько чрезъ примѣры умершихъ и живущихъ наставляютъ, которыхъ добродѣтели они имъ повѣствовать не устаютъ. Каждой отецъ, каждая мать, и каждой старшей сынъ въ домѣ обязанъ по законамъ земли, примѣромъ быть гражданской добродѣтели, ежели онъ не хочетъ сдѣлаться въ высочайшей степени нещастливымъ. И дѣти обязаны сіи примѣры почти божески почитать, и своимъ родителямъ и довольно пожившимъ родственникамъ безмѣрную и превосходную любовь оказывать. Ихъ достопамятнѣйшій примѣръ добродѣтели есть всегда Императоръ, которой за сына неба почитается, и котораго жизнь, сколь долго онъ слѣдуетъ законамъ земли, есть видимое изъясненіе добродѣтели и приказанія неба; по которому весь народъ обучается. Хотя Китайцы много погрѣшаютъ въ употребленіи сего средства: однако средство и хорошей успѣхъ онаго остается доказательствомъ благоразумія и притомъ доказательствомъ силы примѣровъ при воспитаніи.

ДВАДЕ-

ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЕ УЧЕНІЕ.

О должностяхъ воспитанія въ пріумножающихся лѣтахъ дѣтей.

Я вамъ, слушатели мои, въ предъидущемъ ученіи начертилъ должности хорошаго воспитанія дѣтей въ ихъ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ, и первое направленіе разума и се́рдца. Но ежели не хотятъ уничтожать и плодовъ оныхъ, то сіе стараніе въ слѣдующихъ годахъ тѣмъ ревностнѣе продолжать должно, чѣмъ болѣе съ оными умножаются притомъ способности дѣтей.

И такъ для распространенія *ужѐ разсуждающаго отрока* учитель опять долженъ обращаться *къ естеству*, и питать его чудесами онаго, къ понятію которыхъ разумъ его отъ десяти и двенатцати лѣтъ становится способнѣе. Онъ долженъ вести его къ составу неба, учить его познавать число, теченіе, неизмѣримое величество небесныхъ тѣлъ, солнца и планетъ, изумленія достойное разстояніе оныхъ, землю съ ея отношеніями къ солнцу, благотворительныя вліянія солнца, воздуха, воды̀, временъ года, и вездѣ его заставлять удивляться премудрости, могуществу и благости ихъ начальника въ красотѣ, порядкѣ, великолѣпіи и пользѣ естества. Учитель на сей стези имѣетъ превосходныхъ предводителей. Онъ долженъ только послѣдовать *Сулцеру*, *Дергаму*, *Герпею* и *Плюше*.

ше. Одна земля съ своими сокровищами, и человѣкъ съ своимъ удивленія исполненнымъ тѣломъ есть не исчерпаемой источникъ познанія и премудрости, полезнѣйшаго и пріятнѣйшаго познанія. Память отрока наполнять естественнымъ ученіемъ есть мало. Чрезъ сіе онъ не исправляется. Никакъ, первыя впечатлѣнія естества должны притомъ быть впечатлѣніями вѣры и увеселенія; и я не знаю, не учители ли большею частію виноваты, когда сія впечатлѣнія не приходятъ.

Съ сей же стороны благоразумной предводитель теперь долженъ начинать своего ученика вести *на пространное поле исторіи* духомъ *Боссюета* и *Крамера*. Исторія, нравственно разсуждаемая, что есть, какъ не записная книга человѣка, его мудрости и глупости, его добродѣтелей и пороковъ, его благополучія и неблагополучія? И она ничто болѣе? Развѣ она не есть притомъ изъясненіе божескаго промысла, и его особеннаго вліянія въ судьбины всѣхъ народовъ, и каждыхъ человѣковъ? Что есть поучительнѣе для гордаго разума, какъ въ исторіи видимо наставляемымъ быть, сколь мало всѣ мудрые и изъ нихъ столь великіе мужи, которые хотѣли родъ человѣческой исправить, успѣли, потому что они свою мудрость не на страхѣ божіемъ основывали; сколь хорошія наставленія и ученіе преподавали, но ученіе безъ важности, безъ побудительныхъ причинъ вѣчныхъ наградъ и наказаній благаго и святаго божества; сколько они наставляли разумъ но не знали, чрезъ какое сред-

средство должны содержать наставленной разумъ въ его увѣреніи, въ разсужденіи толь многихъ нападеній чувствъ и страстей; сколько прославляли добродѣтель, и однакожъ не способны были сердцу подать охоту и силу, добро любить и въ немъ пребывать, а порокъ съ его столь прелестными для нашего естества пріятностями подавлять; сколько наглости вреднаго порока осуждали, но жилище пороковъ, злыя вожделѣнія, безъ поврежденія оставляли? Сколь легко будетъ, преимущество, высочество и божественность, которая свойственна есть мудрости вѣры, предъ мудростію разума, показать, ежели въ исторіи представить чистосердечныя сравненія! сколько наконецъ чрезъ исторію возбуждаются вкорененныя въ сердцѣ чувствованія о правосудномъ провидѣніи, когда намъ въ приключеніяхъ, которыя она намъ повѣствуетъ, награждающая и отмщевающая десница провидѣнія столь часто видимою становится! и сколько возвѣщаетъ и самой не наказанной въ сей жизни порокъ, или не награжденная добродѣтель, еще второе смотреніе Бога, гдѣ онъ каждому будетъ воздавать по своимъ дѣламъ!

Какъ проницательство ученика растетъ, такъ и *Систематическое настапленіе* въ законѣ должно мало по малу умножаться. *Ваттъ* и *Соринъ* и въ нашей церквѣ *Іакови* и *Шубертъ* и другіе болѣе сіи степени умножающагося наставленія въ своихъ руководствахъ наблюдали, такъ какъ первой присовокупилъ двоякой исторической катихисисъ. Учитель долженъ знать разсуждать, какъ онъ

сіи или другіе труды на примѣрЪ *Іокарда* превосходное катихисическое наставленіе, по способности своихЪ учениковЪ употреблять можетЪ. ОнЪ долженЪ всегда напоминать, что законЪ юношеству хотя основательно, но для сего не невразумительно, хотя вЪ хорошемЪ порядкѣ, но для того не вЪ сухой и глубокомысленной системѣ предлагаемЪ быть долженЪ. Мы должны учиться представлять себѣ справедливыя и достойныя понятія о святомЪ ученіи вѣры и жизни; но за чѣмЪ превосходно? Чтобы мы законЪ почитали божественною премудростію, оной любили и ему сЪ охотою повиновались, чтобы мы учились оной признавать за наивеличайшее благодѣяніе божіе, и за единственной путь кЪ истинному блаженству. ТакЪ должна ли такая наука представляема быть темнымЪ и скучнымЪ родомЪ ученія?

Стихотворство имѣетЪ особенную прелесть для юношества, и для того учитель заблаговременно сЪ своимЪ ученикомЪ долженЪ слѣдовать сей прелести, и также стараться чрезЪ стихотворство питать его сердце. ОнЪ долженЪ ему показать наилучшія мѣста стихотворцевЪ, вЪ которыхЪ благородныя начала и чувствованія прекрасно одѣты. ОнЪ долженЪ сЪ нимЪ отЪ басней и повѣствованій простираться кЪ роду стихотвореній. ОнЪ долженЪ ему красоты мѣстЪ или краткаго вымысла чрезЪ не большія примѣчанія сдѣлать чувствительнымЪ, и его не примѣтнымЪ образомЪ чрезЪ частое чтеніе принудить, оныя вкоренить вЪ памяти. Положимъ,

что его ученикъ знаетъ только природной языкъ: однако предметы стихотвореній Галлера, Гагедорна, Шлегеля, Крамера и другихъ великихъ стихотворцевъ суть довольны для юношескаго сердца. Для чего отроку девяти или десяти лѣтъ не предпринимать пріятнаго и полезнаго труда подъ смотрѣніемъ своего учителя, когда онъ каждой день часъ читаетъ весьма понятные листочки въ какомъ нибудь стихотворцѣ или въ зрителѣ и сѣверномъ надзирателѣ? Ежели его предводитель будетъ только съ нимъ читать: то отрокъ въ скорое время научится читать для вкуса, для проницательства и для добродѣтели. По справедливости жалуются на омерзѣніе, которое молодые люди имѣютъ къ чтенію; но должно жаловаться и на худой выборъ книгъ, которыя даютъ имъ читать. Жалуются, что они столь бѣгло и безъ выгоды читаютъ; но для чего имъ заблаговременно не показываютъ выгодъ чтенія? Для чего съ большимъ тщаніемъ не возбуждаютъ въ нихъ чувствія къ красотѣ и добротѣ сочинителей? Чтеніе само въ себѣ не есть добродѣтель; это правда. Однако оно есть надежное вспомогательное средство къ премудрости и добродѣтели; и слѣдовательно при хорошемъ воспитаніи о томъ наипаче должно стараться, чтобы молодые люди учились читать со вкусомъ и чувствіемъ. Должно отрока пріобучать къ трудолюбію; но сіе значитъ ли только его принуждать, чтобы онъ учился отъ четырехъ до пяти часовъ въ день сидѣть за своими книгами и бумагою, и скуку происходящую отъ того скрывать? Кто никогда не дѣлается трудолю-

долюбивымъ, тотъ не учится читать съ охотою и разумомъ. Но чрезъ чтеніе можно упражнять размышленіе отрока; можно его поощрять, чтобы онъ прочтенное по мѣстамъ вносилъ въ свою дневную записку, и на то малыя ставилъ примѣчанія, и слѣдовательно учился собирать себѣ сокровища, которыя ему дѣйствительно стоятъ труда, однакожъ и пріятны. Ежели его притомъ не принуждаютъ въ чтеніи, по его способности: то онъ будетъ только читать изъ охоты, а не научится трудиться съ разумомъ. Ежели принуждаютъ его только для того, чтобъ онъ привыкъ къ трудолюбію: то ввергнутъ его въ скучное омерзѣніе.

Тщательное *употребленіе времени* есть драгоцѣнная добродѣтель, которая юношеству заблаговременно вкореняема быть должна. Надлежитъ стараться, его не примѣтно вести ко всегдашнему употребленію онаго и пріобучать, чтобы оно научалось при концѣ каждаго дня требовать отчоту отъ себя самаго, и разсуждать о своихъ бывшихъ упражненіяхъ. Къ сей искренности и отчоту учитель долженъ ласково поощрять своихъ учениковъ; и они должны часто письменно свои пороки, которые они учинили при употребленіи времени, и также свое прилѣжаніе замѣчать, учиться самихъ себя стыдиться, и о себѣ самихъ радоваться. Благоразумной учитель можетъ много успѣху произвесть, ежели онъ только не лѣнивъ и тщателенъ, и не скованъ чрезъ своенравіе родителей.

въ чтеніи и писаніи, въ музыкѣ, въ ариѳметикѣ, въ рисованіи, въ упражненіяхъ тѣла, отрокъ долженъ учиться *примѣчанію и трудолюбію*; въ точномъ расположеніи и наблюденіи сихъ часовъ будущему порядку въ своихъ дѣлахъ, и въ наблюденіи и справедливомъ храненіи своихъ книгъ, бумаги, писемъ, потребностей и прогнанія скуки, тщанію въ домостроительствѣ. Это есть великое нещастіе, что съ молодыхъ лѣтъ не учатъ насъ всегда упражняться съ пользою, однакожъ не безвременно; и нещастіе для знатныхъ дѣтей, что то дѣлать для нихъ дозволяютъ другимъ, что сами они дѣлать учиться должны. Для чего часто столь многіе изъ знатныхъ въ своей жизни попеченіе о нѣкоторыхъ дѣлахъ, которое они сами должны были имѣть, поручаютъ прилѣжанію и совѣсти другихъ? изъ спокойствія. И сіе спокойствіе не часто ли имѣетъ свое главное основаніе на первомъ воспитаніи? Для чего они тѣлесныхъ трудностей, которыя однакожъ часто съ ихъ состояніемъ бываютъ соединены, не могутъ сносить? Для чего они убѣгаютъ всякаго труда? Обратись только на ихъ первые годы и легко можно будетъ найти источникъ. Для чего знатной почитаетъ за необходимое благополучіе, чтобъ ему всякую минуту тщательно служили, за благополучіе, котораго бы недостатокъ его сдѣлалъ безутѣшнымъ? Потому что онъ въ своихъ молодыхъ лѣтахъ мудро не былъ наученъ себѣ самому служить.

Сіе спокойствіе, которое великимъ добродѣтелямъ служитъ препятствіемъ, сію склонность

къ спокойствію учитель долженъ удерживать чрезъ трудолюбіе, и отроку совѣтовать, чтобъ онъ такіе труды на себя принималъ, которые его духу, его тѣлу, его здоровью, его будущему званію полезны. Когда нѣжность тѣла есть великимъ и всегда умножающимся препятствіемъ души и добродѣтели; то онъ, чтобъ тѣмъ болѣе воспитаніе своего ученика съ сей стороны поставить въ безопасности, долженъ учить его почитать драгость утреннихъ часовъ, чтобъ его предохранить отъ сладости сна и нѣжной постели; его тѣло укрѣплять чрезъ тѣлесныя упражненія; его осторожно съ молодыхъ лѣтъ пріобучать къ сношенію разныхъ непогодъ и временъ года, его учить, удовольствіе обѣда не въ однихъ только кушаньяхъ, но въ чистыхъ разговорахъ искать, и вкусную похлебку чрезъ размышленіе о произведенныхъ дѣлахъ и чрезъ приправу пришедшаго отъ труда голода гораздо сладчайшею дѣлать.

Любоимѣніе часто есть ранняя склонность юношества такъ какъ мотовство; и *бережливость* и *щедрость* суть столь великія добродѣтели жизни, что оныя въ молодыхъ сердцахъ съ начала возбуждаемы быть должны. Отрокъ въ правленіи своего малаго имѣнія подъ присмотромъ своего предводителя долженъ учиться начальнымъ основаніямъ бережливости. Пускай онъ покупаетъ: но онъ долженъ управляемъ быть къ тому, чтобъ нужное пріятному только, лучшее малому предпочитать. Онъ заблаговременно изъ расходовъ для своего увеселенія долженъ учиться беречь иждивеніе на хорошую книгу и деньги на пріятную ми-

лостыню. Представь ему бѣднаго и нищаго, его рука должна быть къ нему доброхотна какъ сердце его сострадательно. Онъ никогда не долженъ быть столько бѣденъ, чтобъ не могъ употребить по крайней мѣрѣ полушки на благотворительство и увеселеніе, голоднаго кускомъ хлѣба укрѣпить, жаждущаго прохлаждающимъ питіемъ оживить, должно его молодой душѣ утѣхою и его глазу славнѣйшимъ быть воззрѣніемъ. Ежели онъ кажется склоненъ къ мотовству, то должно обращать оное на сторону щедроподаянія. И ежели онъ много и не осторожно подаетъ: то не награждайте его уронъ, но пускай въ такія приходитъ обстоятельства; что онъ, когда потребуютъ отъ него, ничего дать не можетъ; что онъ охотно бы что нибудь купилъ, но чрезъ свою вину купить не можетъ; что онъ охотно бы угостилъ своего молодаго пріятеля; но сего сдѣлать не можетъ; что онъ бы охотно своего вѣрнаго слугу за тщаніе наградилъ, но не можетъ. Такимъ образомъ бережливость чрезъ видимыя основанія сдѣлаете ему нужною и драгоцѣнною.

Благодарность, *услужность*, *вѣрность*, *молчаливость*, *миролюбіе*, должны также справедливо быть добродѣтелями первыхъ лѣтъ; и искусство воспитанія въ томъ состоитъ, чтобы юношество заставлять во всякихъ случаяхъ оныя исполнять, и ему тогда какъ красоту и важность оныхъ, такъ мерзость противнаго симъ показывать. Словесная благодарность, къ которой дѣтей въ разсужденіи своихъ родителей увѣщеваютъ, приводитъ ихъ часто къ ребяческому понятію

тію благодарности. Поведи ихъ туда, гдѣ они чрезъ послушаніе въ случаяхъ, которые имъ стоятъ преодолѣнія, своихъ родителей благодарностію увеселять могутъ. Да и самой нискoй, которой имъ показалъ услугу, не долженъ выходить изъ ихъ памяти. Ученикъ долженъ учиться, что всегда есть случай быть услужливымъ, что ходатайство за кого нибудь, хорошей совѣтъ, что сострадательство часто есть болѣе заслуга, нежели деньги, которыя даютъ; что образъ, какимъ служатъ, услугѣ вящщее достоинство подаетъ и отнимаетъ; что высокое почтеніе, которое другимъ оказываютъ, учтивство, съ которымъ самаго нискаго встрѣчаютъ, милость, съ которою по немощи отказываютъ въ прозьбѣ, внимательность, съ которою слушаютъ бѣдность просящихъ, или съ которою въ бесѣдѣ слушаютъ, иногда заступаетъ мѣсто услуги, которою дѣйствительно показать не въ состояніи находятся, и слѣдовательно всегда обрѣтаютъ пищу къ услужности. Сіе самое дитя въ случаяхъ, которые попадаются, или которые мы благоразумно пріуготовляемъ, пускай испытаетъ.

Развѣ отрокъ не можетъ научиться уже вкушать благородство и пользу вѣрности и молчаливости въ обхожденіи съ своимъ молодымъ пріятелемъ, съ своими сродниками, съ своими родителями и учителями? Тщательное руководство, которое продолжается и хорошими примѣрами подкрѣпляется, творитъ чудо для сердца юношества, и слѣдовательно должность родителя что другое можетъ быть, какъ оное такъ воспитывать или

чрезъ

чрезъ искусныхъ и совѣстныхъ лицъ попускать воспитываемымъ быть, и ежели возможно, при ихъ упражненіяхъ наставленія часто находиться? Сіе есть такое дѣло, въ которомъ *Павелъ Емилъ*, *Августъ* заслужили похвалу, и которое многіе изъ нашихъ древнихъ Князей и Княгинь почли за важнѣйшую должность.

Притомъ и мудрыя *награды* и *наказанія* дѣтей при попеченіи о хорошемъ воспитаніи сколько суть важны, столько и необходимы. Всѣ тѣ вещи, которыя ласкательствуютъ пустотѣ и чувственности человѣка, должны только рѣдко, и весьма осторожно употребляемы быть для *наградъ* дѣтей. Ихъ прилѣжаніе мало должно награждать закусками, игрушками, новыми платьями и свободными часами, орудіями, и давать имъ знать о сей или объ оной пріятной и полезной вещи, чтобъ наградить его послушаніе. Изъ наилучшихъ наградъ суть преимущественно достопамятные знаки любви и похвалы. Заслуженная похвала должна поощрять покорность дитяти, и она должна быть его желаніемъ, чтобъ разумнымъ зрителямъ своей жизни нравиться; однакожъ пружина честолюбія, чрезъ которую его сердце для похвальнаго поступка хотятъ поставить къ движенію, есть опасная пружина въ рукахъ многихъ родителей и надзирателей. Всегда дѣтямъ предсказывать, сколь прекрасно есть другихъ превосходить, сколь много хорошаго о семъ отрокѣ и о его поведѣніи говорятъ; какъ оной мужъ чрезъ свое искусство получилъ высочайшее достоинство, сей чрезъ свое прилѣжаніе бо-

гатство и всеобщее почтение; сколь много славы сей чрезъ письмо, оной чрезъ войну получилъ, а другой чрезъ свою непорочность себѣ купилъ, значитъ молодыя сердца дѣлать чувствительными не къ добру, но къ славѣ, къ великолѣпію и знатности и честолюбію, и въ ихъ сердца влагать честолюбіе и зависть къ владѣтелямъ. Не благополучный поступокъ; ибо онъ возбуждаетъ и питаетъ гордость; и сія, хотя она въ похвальныя преражлается дѣла, не бываетъ лучшею и отравляетъ душу столько же, сколько сребролюбіе. Развѣ достоинство добродѣтели и небо не имѣетъ большихъ поощреній для любителей добра? И развѣ честь, знатность и достоинство столь извѣстно слѣдуютъ за добродѣтелію, какъ намъ въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ хвастовски сулятъ? И ежели мы теперь добродѣтель не богатою не великою, и наконецъ себя самихъ сихъ наградъ лишенными видимъ; что тогда сдѣлается изъ состава нашей добродѣтели? Развѣ нѣтъ теперь награждающаго свидѣтеля всякаго блага, на котораго бы намъ взирать можно было, чтобы себя чрезъ божескія, а не чрезъ единыя только гражданскія побудительныя причины утверждать на стезѣ добра?

Правда, сердца молодыхъ людей должно воспламенять, чтобъ они все наипохвальнымъ и совершеннѣйшимъ образомъ дѣлали, чтобъ они были послушливы, трудолюбивы, истинны, милостивы, скромны, умѣренны, смиренны, благодарны, мудры и разумны; однако не для того, чтобъ другихъ превосходить, и себя выше оныхъ воз-

носить, но чтобъ во всѣхъ своихъ склонностяхъ и поступкахъ наблюдать вѣчное правило, которое всемогущїй утвердилъ и чрезъ разумъ и свое слово открылъ, и чтобъ достойными сдѣлаться его благоволенія и любви разумныхъ. Сїе да будетъ единственное честолюбїе, которое неусыпно должно вливать въ юношество. Чтобы оно съ намѣренїемъ, творить волю божїю, во всѣхъ обстоятельствахъ наилучшее избирало, и всякое препятствїе къ тому отъ себя отвращало; сїе да будетъ его высочайшїй составъ чести и поревнованія! кто похвально поступаетъ для того, что никого не хочетъ видѣть лучше, умнѣе и благонравнѣе себя, тотъ изъ злѣйшей склонности, изъ зависти хорошъ; тотъ долженъ тайно желать, чтобы другїе не такъ были хороши; тотъ долженъ радоваться, когда онъ видитъ, что они не таковы, и скорбѣть, когда они имѣютъ преимущества. Какое подлое качество се́рдца! и однакожъ оно есть то, къ которому насъ чрезъ пружину честолюбїя и спора о преимуществѣ не рѣдко въ нашемъ юношествѣ столь прилѣжно поощряютъ! чтобъ имѣть славу, учатъ насъ быть мудрыми и добродѣтельными; сїе значитъ, что насъ дѣлаютъ сперьва суетными и чувственными, чтобъ насъ сдѣлать непорочными. Оживляютъ въ насъ желанїе, другихъ превосходить, и притомъ непочитанїе тѣхъ, кои менѣе талантовъ и щастїя имѣютъ, нежели мы. Учатъ насъ высоко почитать себя самихъ неиначе, какъ будто бы должно было опасаться, чтобъ мы не превзошли добродѣтели смиренія. Наполняютъ нашъ разумъ хорошими началами, но

сердце притомъ надуваютъ пустотою. Учатъ насъ упражняться въ художествахъ, наукахъ, и купечествѣ, чтобы намъ свѣтъ удивлялся, и мы бы у свѣта чрезъ искусство и сіяніе всегда въ глазахъ находились. Въ самомъ дѣлѣ достойный конецъ, для чего насъ Богъ съ столь благородными силами душй на позорищномъ мѣстѣ жизни поставилъ! когда наши дѣла, въ коихъ большая часть нашей жизни препровождается, не будутъ предмѣтомъ добродѣтели, школою послушанія къ подателю нашей жизни; что есть тогда добродѣтель? И въ самомъ дѣлѣ высокоумной со всѣмъ не имѣетъ добродѣтели, когда гордость не есть добродѣтель? Дѣлаютъ чрезъ честолюбіе молодыхъ театральными Царями, которые свои роли хорошо играютъ, дабы они рукоплесканіе ложъ и партеръ получали. Дѣлаютъ лицемѣрными и вѣчными обманщиками изъ нихъ, которые изъ пустоты хотятъ чемъ нибудь тѣмъ быть, чемъ они не суть, и хотятъ такими казаться, какими они быть не могутъ, и часто становиться не могутъ. Они учатся свои слабости искусно скрывать вмѣсто того, чтобъ оныя исправить, въ своихъ порокахъ запираться вмѣсто того, чтобъ въ оныхъ признаваться и отлагать. Они учатся принимать движеніе, удареніе голоса, постановленіе тѣла, какъ требуется отъ благонравнаго и учтиваго и услужливаго, и себѣ воображать, что они суть таковы; слѣдовательно они учатся сами себя обманывать, потому что они другихъ обманываютъ. Дабы другой не лучше былъ, нежели честолюбивой отрокъ; сей весьма скоро научится онаго умалять, ему выдуманные пороки приписывать, а сущіе

рас-

распространять или увеличивать. Такимъ образомъ онъ положитъ основаніе къ ненависти достойному начертанію, когда хорошаго не почитаютъ ни въ комъ, какъ въ себѣ, на услугу другаго съ завистію взираютъ, и оную по крайнѣй мѣрѣ въ равномъ себѣ или въ нискихъ терпѣть не могутъ. Ежели сіе начертаніе примиряется съ разумомъ: то разумъ есть бѣдной руководитель къ добру. И ежели къ хорошему воспитанію принадлежитъ сіе, чтобъ юношество научать честолюбію, и его чрезъ награды поощрять къ похвальнымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ: то такое подлое воспитаніе для сéрдца есть не столько опасно, да и для самаго свѣта не столько вредно, потому что сіе менѣе есть общее, нежели оное, какъ то тысяча честолюбивыхъ примѣровъ могутъ доказать въ своихъ домахъ Погрѣшаютъ, ежели думаютъ, что сей порокъ воспитанія только въ знатныхъ домахъ господствуетъ. И самыя нискія хижины имѣютъ свою гордость, которая скоро дѣлается заразительною болѣзнію для дѣтей.

Что касается до *наказаній*, которыя употреблять надлежитъ, то можетъ быть довольно того, когда родители и предводители всегда напоминаютъ, *что* они наказываютъ *и за что* наказываютъ, чтобъ лучшіе способы и справедливую степень наказаній изобрѣсть. Наказываютъ дѣтей за пороки, дабы они такихъ болѣе не чинили. И такъ сколь тщательно должно быть, чтобъ за порокъ наказывать въ его первомъ рожденіи, прежде нежели онъ дѣлается не щастливою

вою привычкою! одно явное наказаніе было бы довольно вЪ началѣ; и за порокЪ часто уже повторяемой десятократное наказываніе не достигаетЪ конца наказанія. Дитя, которое на десятомЪ году всякою строгостію не можетЪ удержано быть отЪ неправды, упрямства, мщенія, на четвертомЪ или на пятомЪ году при первомЪ нападеніи сихЪ страстей было бы вылѣчено малою строгостію, и можетЪ быть однимЪ строгимЪ наказаніемЪ, ежели бы не потакали симЪ строгимЪ по неосторожности или изЪ варварской любви.

ДѢлайте тщательное различіе между пороками сéрдца и пороками безразсудности и глупости, между пороками существеннаго и случайнаго благосостоянія. ПорокЪ сéрдца никогда не долженЪ получать потачки и прощенія, пока не заставятЪ дѣтей чувствовать омерзѣніе кЪ нему. Ежели они мало имѣютЪ разума проникать вЪ основанія и представленія о наказаніи зла, которое они учинили: то наказаніе да будетЪ ихЪ учитель; лишеніе милости, не большая темница, голодЪ, пока того потребуетЪ качество природы и лѣтЪ. И немощь дитяти никогда не должна быть причиною потачки вЪ разсужденіи злыхЪ его склонностей. Злыя склонности утверждаютЪ болѣзни тѣла, да и онѣ суть наипоспѣйшая болѣзнь. Лучше слабое дитя за его злобу даже до крови наказывать, нежели вЪ немЪ давать рости нещастной твари кЪ мученію его и другихЪ и кЪ неблаговоленію Высочайшаго. Сопротивленіе дитяти вЪ разсужденіи родителей и учи-

учителей, наиужаснѣйшій порокъ, которой можно терпѣть, съ лѣтами становится бунтомъ и возмущеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Тотъ же отрокъ, которой отрекается послушанія къ своимъ родителямъ, отречется отъ послушанія къ вышшему, къ Царю, да и самому Богу. Тотъ же, которой въ своемъ юношествѣ не учился повиноваться, будетъ попирать ногами законы порядка какъ юноша и мужъ, и себѣ чрезъ возмущеніе и неистовство открывать путь къ распустности, хотя бы то стоило чести или крови. Остерегайтесь только отъ того, чтобъ пороки дѣтей не въ гнѣвѣ, но болѣе съ холодною кровію наказывать; увѣряйте ихъ, что ихъ наказываете изъ любви, и не попускайте, чтобы прозьба при порокѣ злобы, и въ ихъ первыхъ лѣтахъ силу имѣла. Приготовленному обману, которой они дѣлаютъ часто безумно, какъ остротѣ дитяти удивляются; но онъ въ первой разъ долженъ скоро наистрожайшимъ образомъ наказанъ быть. Порокъ внѣшняго благосостоянія часто жестоко наказывается, и за оной всегда ругаютъ отрока; а въ умышленной неправдѣ упускаютъ ему. Однако за симъ должно слѣдовать наичувствительное наказаніе, а за порокомъ перваго рода только малое наказаніе. Такимъ образомъ дѣти привыкаютъ къ нещастному и несправедливому роду чувствованія и стыда. Они научаются малѣйшаго порока страшиться, и при истинномъ злѣ безчувственными оставаться. Склонность стыдливости, столь божественная хранительница добродѣтели, бываетъ провожаема только до малостей и до наружности дѣйствія,

а не до запрещенныхъ склонностей и самаго дѣла. И такимъ образомъ видятъ, у которыхъ кровь течетъ по лицу, когда противъ благопристойности за столомъ изъ неосторожности погрѣшаютъ, дрожащихъ при пятнѣ на платьѣ; однакожъ смѣло произносящихъ ложь, и злословіе въ доказательство присовокупляющихъ, холодною кровію звѣря убивающихъ, безъ стыда ругающихся изувѣченнымъ, и умнымъ слугамъ дающихъ гнуснѣйшія имена. И такъ будте примѣчательны при порокахъ, и учите дитятю тамъ превосходно ужасаться и стыдиться, гдѣ то дѣлать разумъ по большей части приказываетъ. Сколь часто чрезъ безпѣчность, чрезъ худые примѣры, чрезъ неравныя наказанія, естественною и удивленія исполненною склонностію стыда въ дѣтяхъ не справедливо управляютъ, или попускаютъ ей быть слабою: столь часто поступаютъ противъ ихъ благополучія, и слѣдовательно противъ правилъ хорошаго воспитанія. Правило древнихъ: *имѣй къ дѣтямъ наибольшее почтеніе*; есть одно изъ наимудрѣйшихъ. Поступай только въ движеніяхъ, словахъ и дѣйствіяхъ, во всѣхъ позволенныхъ вещахъ, которыя дѣлаютъ при нихъ, всегда столь тщательно, какъ бы то дѣлали въ присутствіи премудраго, превосходнаго и благочестивѣйшаго мужа: то исполнишъ сіе правило предосторожности и внѣшняго примѣра.

Столь тщательно продолжаемое воспитаніе дѣтей даже до тѣхъ лѣтъ, въ которыя они вступаютъ въ пространной свѣтъ, и теперь какъ по ихъ склонностямъ нами изведаннымъ, такъ

и

и по ихъ обстоятельствамъ и званію, въ которомъ они чрезъ рожденіе поставлены, извѣстной родъ жизни, какъ свое званіе принимаютъ, заподлинно твердое положитъ основаніе ихъ благополучію на цѣлую ихъ жизнь. Они чрезъ то не только сдѣлаются способнѣе къ упражненіямъ жизни, но и внутрь себя благополучнѣе, въ сердцѣ благороднѣе, и къ вѣчности всегда зрѣлѣе. Правда, что сіе тщательное воспитаніе по большей части имѣетъ мѣсто только въ знатныхъ домахъ, и при милостивыхъ къ тому обстоятельствахъ. Но не ужасайтеся. Мы часто видимъ, что дочери въ нискомъ домѣ въ рукѣ матери, которая только здравой разумъ и благочестивое сердце имѣетъ, и дѣти въ рукѣ не знатнаго, нижѐ ученаго отца, которой однакожъ имѣетъ проницательство, искусство и добродѣтель, умнѣе и щастливѣе воспитываемы бываютъ, нежели въ домѣ, гдѣ кажется господствовать наилучшее и остроумнѣйшее воспитаніе. Сила хорошаго примѣра, природныя дарованія дѣтей, и особенное благословеніе провидѣнія, за коими спутешествуютъ старанія благочестивыхъ и неутомимыхъ родителей, суть уповательно главныя причины сего благополучія. Родители, которые своихъ дѣтей премудрости и хорошимъ нравамъ съ первыхъ лѣтъ, пока они вступятъ въ знатной свѣтъ, всегда обучаютъ чрезъ свои дѣлà и свое ежедневное поведеніе, обучаютъ весьма краснорѣчиво, и пріобрѣтаютъ себѣ достойную чести важность, которая молчаливымъ образомъ наставляетъ, и на будущее время поощряетъ. Они пріобрѣтаютъ чрезъ то себѣ любовь дѣтей, которая есть

наилучшая пружина къ послушанію. Такіе родители наконецъ чрезъ любовь къ своему дитяти и должности часто тамъ остроумны, гдѣ другіе родители ничего не видятъ, и чрезъ любовь къ Богу часто тамъ неутомленны и строги, гдѣ другіе не тщательно или потакая поступаютъ. И потому хорошее сердце при здравомъ разумѣ часто можетъ дѣтей наиблагополучнымъ образомъ воспитывать. Нискіе родители, которые своихъ дѣтей воспитываютъ разумными христіанами и полезными гражданами, воспитали ихъ наиблагополучнѣйшимъ образомъ. Ибо положимъ, что человѣкъ не будетъ свѣдущъ о всѣхъ похвальныхъ знаніяхъ; что онъ останется въ темнотѣ, и его имя между людми не извѣстно будетъ; ежели онъ только научился, какой путь ведетъ къ жизни, кто его Искупитель, кто ему его грѣхи прощаетъ и цѣлитъ раны его совѣсти; ежели онъ чрезъ просвѣщеніе вѣры научился любить Бога выше всего, и своего ближняго какъ себя; и по симъ заповѣдямъ въ своемъ избранномъ званіи и состояніи живетъ и поступаетъ; то можетъ онъ на земли быть спокойнымъ, то онъ наученъ для царствія небеснаго: то знаетъ онъ все, для чего человѣкъ бытіе имѣетъ, то можетъ онъ вѣчно сдѣлаться блаженнымъ.

Блаженны, слушатели, мы, которые наслаждаемся хорошимъ воспитаніемъ; безконечнаго наказанія достойны, ежели мы тѣхъ хорошо воспитывать не будемъ, которые впредь отъ насъ родятся, или нашимъ рукамъ для наставленія поручены будутъ. Ежели воспитаніе есть важнѣйшее

шее дѣло родителей и надзирателей: то должны они благословеніе провидѣнія смиренно и кать, и при оном не полагаться на свой разумъ. Развѣ Богъ откажетъ въ семъ благословеніи при наставленіи душъ, которыя онъ для добродѣтели сотворилъ? Ежели наконецъ воспитаніе есть наивящщее благополучіе дѣтей; то они должны самопроизвольное послушаніе притомъ показывать, и сѣменамъ раннѣй добродѣтели не попускать, подавляемымъ быть отъ плевелъ ложныхъ мнѣній, веселостей и злыхъ бесѣдъ. Тебѣ еще нѣжное юношество, которое меня теперь слушаешъ, сіе особенно да будетъ одобрено? *Прославляяй отца долгоденствовати будетъ, и послушаяй Господа упокоитъ матерь свою. Бояйся Господа почтитъ отца, и яко владыкамъ послужитъ родившимъ его. Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ.* (*) *Любяй наказаніе, любитъ чувствіе: ненавидяй же обличенія безуменъ.* (**) *Добре воспитываетъ отецъ праведенъ, о сынѣ же премудремъ веселится душа его: да веселится отецъ и мати о тебѣ, и да радуется родшая тя.* (***) *Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія.* (****)

ДВАДЕ-

(*) Сир. 3. 6 7. 8.
(**) Прит: Сол. 12. 1.
(***) Прит: Сол. 23. 24. 25.
(****) Сир. 3. 9.

ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ УЧЕНІЕ

О должностяхъ сродства и дружества.

О сродствѣ

Какъ наше собственное благополучіе во первыхъ въ нашихъ сродникахъ страдаетъ: такъ попеченіе о ихъ благополучіи, кромѣ круга нашего собственнаго дома безспорно есть весма бліская должность, которой насъ промыслъ на пространномъ позорищномъ мѣстѣ научаетъ. Понеже еще вражды между сродниками обыкновенно бываютъ не загладимы и весьма жестоки, и только чрезъ услужность, миролюбіе, искренность, скромность и милость могутъ отвращены быть: то сіи добродѣтели наипаче суть должности сродниковъ. Корыстолюбіе по большей части часто встрѣчается здѣсь. Желаніе, которое, кажется, находитъ защищеніе въ естественныхъ сродниковъ правахъ требовать взаимной помощи, есть ядовитой источникъ несогласій; и неосторожное общество сродническаго обхожденія часто подавляетъ взаимное почтеніе. И такъ напрасно при всей искренности будутъ хорошимъ сродникомъ, когда не суть справедливы и скромны въ своихъ требованіяхъ правъ крови, и порученнымъ обхожденіемъ, которое рожденіе оправдаетъ, чрезъ прозорливость и почтеніе не управляютъ. Много ожидаютъ отъ природы, когда думаютъ, что она сердца сродниковъ будто какъ чрезъ кровь согласными дѣлать должна; конечно нѣтъ ничего извѣстнѣе

какъ

какъ что склонности кровныхъ друзей частю весьма различны. Однакожъ ежели мы съ своими сердцами и заслугами къ симъ особамъ во первыхъ отъ разума научаемся, съ оными малѣйшее цѣлое во всеобщемъ свѣтѣ производить: то всѣ пути должности и благоразумія, которыя ведутъ къ покою и взаимному благополучію сего общества, должны у насъ быть дороги и почтенія достойны. Мы, сколькобъ нибыли благонравны, не всегда можемъ стараться вмѣстѣ о благополучіи всѣхъ или многихъ; но можемъ показывать услуги каждымъ членамъ пола, къ которому мы принадлежимъ, заблаговременно чрезъ любовь и сострадательство, чрезъ послушаніе и почитаніе, чрезъ защаніе, чрезъ совѣтъ и дѣло, и примѣры;, и чрезъ то купно пространнѣйшему свѣту, въ которой сіи каждыя лицы вступятъ или ужè вступили. Особенныя обстоятельства такого общества опредѣляютъ родъ и степень особенныхъ должностей. И въ чемъ бы оныя ни состояли; однако извѣстно то, что онѣ должны быть пространнымъ полемъ для нашей добродѣтели, и что мы всегда худыми сродниками останемся, ежели не научились разумно и непорочно поступать. Ничто кажется свободнѣе не говоритъ намъ о должностяхъ родства, какъ не благодарность и порокъ; и однакожъ должны стараться сію неблагодарность во первыхъ сносить, и тайной порокъ фамиліи наиревностнѣйшимъ образомъ исправлять, покуда еще есть средство, которое мы не испытали. Я не разумѣю того, что неблагодарность члена фамиліи чрезъ боязливую милость укрѣплять, но что оную чрезъ мудрое терпѣніе и великодушіе превращать

должно

должно въ стыдъ и раскаяніе, дабы любовь опять пробудилась. Что касается до порочныхъ лицъ нашей фамиліи, то тѣмъ менѣе должны ихъ лишать своего попеченія, чѣмъ извѣстнѣе намъ ихъ разположеніе сердца, и чѣмъ лехчѣ порокъ отдаляетъ отъ себя помощь и попеченіе чужихъ. Это конечно не возможно, чтобъ мы порочнаго сродника, какъ добродѣтельнаго могли любить; но поелику онъ есть нещастливый членъ изъ дому, къ которомъ насъ Богъ поставилъ: то должны мы трудную должность, состоящую въ исправленіи того, которой часто не хочетъ быть исправленъ, почитать какъ дань, которую мы обязаны платить любви къ своему создателю.

Мы не всегда можемъ служить нашимъ сродникамъ; однако чрезъ обхожденіе исполненное дружелюбія и человѣколюбія, и чрезъ снисхожденіе въ разсужденіи ихъ малыхъ пороковъ можемъ ихъ всегда себѣ обязанными дѣлать. Ежели всѣ сродники такъ разсуждаютъ, то ужѐ приложено довольно попеченія о пріятности ихъ общественнаго обхожденія. Мы фамиліи, къ которой мы принадлежимъ, не всегда чрезъ наше имѣніе, или чрезъ нашу знатность пользу приносить можемъ, но можемъ ихъ увеселенію чрезъ нашу добродѣтель, и отдаленному отъ оной споспѣшествовать, и чрезъ хорошей примѣръ имъ показать услуги. Мы можемъ быть ниски, и однакожъ нашимъ вышшимъ сродникамъ въ нашемъ званіи чрезъ хорошее поведеніе дѣлать честь; такъ какъ они свѣтомъ, въ которомъ блистаютъ, насъ нискихъ озарять должны. Стыдиться убожества непорочныхъ сро-

дниковъ и ниской степени, на которой они находятся; есть не только гордость, но и притомъ жестокосердіе. Еще каждая фамилія имѣетъ свои собственныя предразужденія и свои господствующіе пороки. Слѣдовательно всегда будетъ оставаться должностію разумныхъ сродниковъ, сіи господствующія предразсужденія и пороки стараться истреблять. Сіе есть наибольшая честь, которую мы своему дому сдѣлать можемъ.

Между тѣмъ хотя мы должны весьма стараться о нашихъ сродникахъ и ихъ благополучіи: однако сія частная любовь должна всегда ограничиваема быть чрезъ всеобщее человѣколюбіе, дабы она не преродилась въ корыстолюбивое пристрастіе, и невредила общему благу. Своихъ сродниковъ при малыхъ заслугахъ возвышать и достойнѣйшимъ особамъ предпочитать; потому что сіи съ нами не изъ одного поколѣнія происходятъ; своихъ сродниковъ изъ нѣжной чувствительности обогащать, а людей, которые столько же хороши, часто еще лучшіе, и притомъ въ гораздо хуждшихъ обстоятельствахъ находятся, оставлять въ убожествѣ, подъ тѣмъ видомъ, чтобъ свою фамилію сдѣлать благополучною, есть грѣхъ противъ общества, есть сугубой грѣхъ; ибо мы своихъ чрезъ достоинства и богатства, которыми они пользоваться не умѣютъ, не только дѣлаемъ не щастливѣйшими, но и, поелику мы притомъ лучшихъ обходимъ, чрезъ нашу вину препятствуемъ покою и порядку общества. Пристрастное одобреніе сродниковъ есть, употребивъ кроткое названіе, благочестивой обманъ;

и кто смѣетъ сей обманъ предъ свѣтомъ и судищемъ совѣсти оправдать? Хорошей и тщательной сродникъ можетъ при своей любви столь же мало, какъ разумной пріятель, нарушать правила всеобщей правды; да и, когда порокъ сего пристрастія есть столь общей, онъ долженъ ему сопротивляться чрезъ свой примѣръ, и старається самаго вида онаго уклонятися предъ свѣтомъ.

О дружествѣ. Узы родства отъ природы соединяются, и чрезъ должность и обхожденіе крѣпче совокупляются. Соединеніе чрезъ дружество хотя и отъ природы предуготовано; однако оно есть болѣе дѣло нашего *избранія* и *нравственно хорошихъ свойствъ*. Истинное дружество всегда предполагаетъ взаимныя услуги, по крайнѣй мѣрѣ мнѣніе оныхъ; а въ моихъ сродникахъ не всегда могу любить заслуги, и ихъ сердце, хотя оно хорошо, для того не есть мое сердце. Я оное почитаю, но я въ собственномъ разумѣ не чувствую прелести любви. Другъ не можетъ быть другомъ, не соединясь со мною для добродѣтели; напротивъ того сродникъ, которому я любовію обязанъ, для сего не имѣетъ одинакія склонности и добродѣтельныя намѣренія со мною. Въ семъ разумѣ можно защищать, что дружество есть высочайшее и благороднѣйшее сродство, и что *мужъ любовенъ къ дружбѣ: и есть другъ прилѣпившыйся паче брата.* (*)

Ежели на дружество смотрѣть только съ стороны *естества*; то оно, по елику различается отъ

(*) Притч. Сол: 18. 25.

отъ всеобщей любви, не есть ни добродѣтель ни порокъ. Ежели разсуждать объ немъ съ стороны увеселенія, которое оно намъ приноситъ: то оно есть драгоцѣннѣйшій даръ общественной жизни. Ежели разсуждать объ немъ какъ о тѣснѣйшемъ соединеніи *благородныхъ* и единодушныхъ сердецъ, чтобъ себя и другихъ щастливыми дѣлать: то оно есть увеселеніе купно и добродѣтель.

Дружество часто во вредъ всеобщаго человѣколюбія излишними похвалами было превознесено, и жестокія наглости естественной склонности, которая одно вмѣсто другаго чувствовала, почтены *героическою добродѣтелію*. Извѣстное отверженіе самихъ себя въ дружествѣ сдѣлано чудомъ добродѣтели, которое однакожъ часто только щастливое своенравіе природы или приказаніе корыстолюбія, или плодъ сложенія и самолюбія было. Что я того люблю, въ которомъ равное расположеніе разума и сердца нахожу, такое начертаніе, которое въ главныхъ чертахъ съ моимъ равняется, такое изображеніе лица, которое мнѣ преимущественно нравится, и такую душу обѣщаетъ, какую искать чувствую себя принужденнымъ; добродѣтель или самолюбіе? Или по крайнѣй мѣрѣ природная симпатія (согласіе)? Что я такому знакомому лицу, которое я по превосходству люблю, которое мнѣ въ своихъ чувствованіяхъ нравится, которое меня чрезъ взаимную любовь весьма крѣпко связуетъ, и чрезъ слова и поступки мнѣ даетъ знать о своей склонности къ моему благополучію, что я, говорю, сему лицу служу, съ моимъ вредомъ служу, ему часть мо-

его въ иное время обыкновеннаго увеселенія на жертву приношу, что я ему свое время, свое проницательство, употребленіе своего имѣнія дарствую; сіе болѣе свободная добродѣтель, или болѣе есть черта естества? Болѣе исполненіе должности, или болѣе удовольствованіе своей склонности? Для чего я сего человѣка столь превосходно люблю; потому что онъ равныя склонности и намѣренія со мною имѣетъ; потому что я въ его любви мое успокоеніе нахожу. Развѣ при семъ самолюбіе не занято? И за Пилада хотѣть умереть значитъ ли часто что нибудь другое, нежели сіе? Я чувствую столь много увеселенія въ его дружествѣ, что жизнь безъ него будетъ мнѣ бременемъ и что я для избѣжанія сего бѣдствія хочу лучше умереть, нежели его видѣть умирающимъ. Наиревностнѣйшее восхищеніе въ дружествѣ, которое только на взаимныхъ склонностяхъ сложенія основывается, само въ себѣ, сколько бы наружнаго блистанія непорочности отъ себя ни испускало, не есть добродѣтель; оно есть только естественная склонность. Да и еще болѣе оно можетъ сдѣлаться преступленіемъ; и столь похвальныя жертвы, которыя въ древности дружеству были приносимы, часто въ первыхъ съ олтаря всеобщаго человѣколюбія и правосудія были похищаемы. Свое время, свое имѣніе, свой разумъ и свое сердце другу и его обхожденію чрезъ ревностнѣйшія старанія дарить, можетъ сдѣлаться неправосудіемъ въ разсужденіи себя самихъ и въ разсужденіи многихъ членовъ общества.

Уко-

Укоряли нравоученіе вѣры въ томъ, будто бы оно дружества не предписывало, а особливо *Графъ Шафтсбури* за то обличалъ его въ *несовершенствѣ*. Весьма легко можно отвѣтствовать на сію укоризну чрезъ то, о чемъ мы теперь напомянули. Ежели, то есть, разсуждать о дружествѣ, яко о дѣлѣ естества и обхожденія, которое взаимныя склонности и услуги въ себѣ заключаетъ: то оно не можетъ быть всеобщею должностію, должностію всѣхъ временъ и мѣстъ. А поелику оно есть естественная склонность, то тамъ, гдѣ оно есть, во первыхъ не должно, и тамъ, гдѣ нѣтъ, не можетъ предписываемо быть. Ежели напротивъ того смотрѣть на дружество съ стороны добродѣтели: то онаго должности столь извѣстно содержатся въ должности всеобщей любви, сколь плоды тяжелой вѣтви въ стеблѣ и ея корнѣ. Есть вопросъ, долженъ ли я любить моего пріятеля вѣрно и искренно, когда я всѣхъ людей такъ любить обязанъ? И могу ли я сомнѣваться, что я тому, за котораго мое сердце во мнѣ говоритъ, котораго добродѣтели и нужды обстоятельно знаю, которой мнѣ своими чувствованіями, своимъ сострадательствомъ, своею радостію о моемъ благополучіи, и своимъ стараніемъ о томъ, предъ другими близокъ, что я тому особенно долженъ показать то, чего я себѣ по правиламъ справедливости отъ него желаю и обѣщаю? Наконецъ что есть братская любовь вѣры, какъ не благороднѣйшее и высочайшее дружество? Кто называются братія въ Христіанскомъ законѣ? Тѣ, которые одинакую святую вѣру и добродѣтель имѣ-

имѣютъ. И кто называются друзья по разуму? Люди, которые въ своихъ мнѣніяхъ, склонностяхъ и хорошихъ намѣреніяхъ между собою согласны, и стараются быть согласными. И такъ братская любовь есть родъ высочайшаго дружества; ибо она предполагаетъ равныя божественныя чувствованія, и не изключаетъ естественнаго равенства, гдѣ она находится. Священное писаніе предписываетъ благодѣтелей особенно любить и благодарными къ нимъ быть; и истинной другъ не есть ли мой всегдашней благодѣтель? И такъ не обязанъ ли буду ему особенною благодарностію? Не любилъ ли превосходно нашъ Спаситель Іоанна ради его кроткаго и человѣколюбиваго начертанія, и Павелъ Тимоѳея, потому что онъ *никого*, какъ самъ сказалъ, (*) *не имѣлъ равнодушнѣе*, какъ его? Заповѣдь братолюбія столь далеко простирается, что мы обязаны, и жизнь за братьевъ положить, когда то приказываетъ ихъ духовное благосостояніе. Развѣ сіе не есть высочайшее и труднѣйшее дружество? Наконецъ развѣ вѣрѣ не было приличнѣе, всеобщему человѣколюбію, которое яко должность въ разсужденіи Бога исполнять обязаны, и которую исполнять мы не столь охотно предпріемлемъ, учить, какъ особенной любви дружества, къ которой мы отъ природы призваны, которая столь легко становится пристрастіемъ сердца и со всѣмъ самолюбіемъ, и которая насъ часто въ разсужденіи другихъ безчувственными или не правосудными дѣлаетъ.

(*) Фил: 2. 20.

И такъ по колику дружество предполагаетъ равное согласіе начертанія, и отъ природы предуготовленное сходство се́рдца, по толику не можетъ оно быть всеобщею должностію; и по колику мы только сему гласу естества, который наши сердца̀ взаимно соединять хочетъ, слѣдуемъ, по толику еще оно не есть добродѣтель.

Но сколь прелестно бываетъ дружество, когда оно основывается купно на естествѣ и добродѣтели! ежели отдѣлишъ понятіе добродѣтели отъ дружества, то изчезаетъ его достойнство, и его святое блистаніе не рѣдко премѣняется во тьму корыстолюбія и подлѣйшаго самолюбія. Ежели добродѣтель не принадлежитъ къ дружеству: то разбойники при своихъ равныхъ намѣреніяхъ суть похвальные друзья; ибо они споспѣшествуютъ выгодѣ обѣихъ сторонъ часто по правиламъ извѣстной справедливости и любви.

Истинное дружество есть взаимное высокопочитаніе и склонность добродѣтельныхъ сердецъ, тѣсно между собою соединенныхъ чрезъ согласіе ихъ склонностей выгодъ и намѣреній, кои въ обоихъ по сему быть должны искренни и благородны. И такъ въ нѣкоторомъ разумѣ многія дружества, въ другомъ только одно можно имѣть и содержать, поелику оно есть тѣснѣйшее согласіе сердецъ. И хотя любовь къ особѣ другаго пола и заключаетъ въ себѣ дружество: однако оно различается чрезъ

то, что оно съ выключенiемъ третiей особы падаетъ только на одну.

Ежели дружеская любовь есть притомъ союзъ мудрости и добродѣтели, ежели она основывается на благости разума, сéрдца и на прiятныхъ нравахъ, утверждается чрезъ разсмотрѣнную и обязующую помощь, основывающуюсь на началахъ вѣрности и искренности; словомъ, ежели она, притомъ есть согласiе природы разума и добродѣтели: то ничего драгоцѣннѣе и полезнѣе вздумать не можно для чувствительнаго человѣка. На сторонѣ непорочнаго друга чувствовать, что благополучны, и сiе чувствiе съ нимъ раздѣлять и знать, что наше благополучiе есть часть его; на сторонѣ друга нашу печаль съ нимъ раздѣлять, и чувствовать, что онъ съ нами страдаетъ, и что онъ у насъ уменьшаетъ часть бремени чрезъ любовь и сострадательство; какая прiятность въ благополучiи! и какое утѣшенiе въ бѣдствiи! развѣ наше увеселенiе ужѐ не получаетъ выгоды, когда оное другу сообщаемъ? И не уменьшается ли наше безпокойствiе, когда на оное ему жалуемся!

Отдаленнаго отъ него благополучiя я бываю участникомъ; и когда я въ духѣ о томъ ему сказать поспѣшаю: сiе благополучiе усугубляется сладко; удаленныя отъ него стрѣлы нещастiя мнѣ грозятъ; и когда я въ духѣ на то жаловаться ему поспѣшаю: то чувствую менѣе печали.

Любовь разумнаго друга есть весма необманчивая похвала для нашего сéрдца, и его высокопочита-

почитание есть будто как печать нашей непорочности. Он чрез свое упование утверждает мою искренность, чрез свои намѣрения украшает мои, безкорыстно вступает в мои обстоятельства, подкрѣпляет меня в моих предпріятіях чрез совѣт и похвалу, благосклонно меня отзывает от заблужденія и паденія, увѣщевает меня чрез свой благородной примѣр, просит мнѣ блага от Бога, есть ближний при мнѣ в нещастіях, как он наичувствительнѣйший был при моем благополучии; и он есть мнѣ всем сим на всегда; ибо он сам, когда нас судьбина разлучает, живет для меня еще в отдаленности. Его благородной душѣ могу поручить тайну, мое имѣние, благосостояніе моего дитяти и моей супруги. Его искренность, его желаніе услужить, его разум вездѣ провожаемы бывают любовію и благоразуміем и вкусом; и для того меня столь много восхищает мой друг и для того он пользу мнѣ приносит столь превосходно. Добродѣтельной и слѣдовательно истинной друг есть драгоцѣннѣйший дар неба, за которой мы никогда довольно возблагодарить не можем. Ежели он уже встрѣчает нас на стези перваго юношества, продолжает с нами под равными стараніями и наградами путь мужескаго возраста, провожает наконец нашу добродѣтель еще на смертную постелю: то можем мы его назвать видимым Ангелом, защитником, котораго Бог нашей жизни приставил.

Слушатели мои, ежели друг приносит столь много благополучія, столь много радости:

что для насъ будетъ высокимъ званіемъ его заслуживать и сохранять. Что мы въ немъ почитаемъ и любимъ, тѣмъ быть должны сами стараться, и тщательно по тому пути итти, по которому мы его найти можемъ, по пути заслугъ, добродѣтели и пріятныхъ нравовъ.

Чтобъ найти друга благороднаго, ты самъ во первыхъ долженъ чувствовать благородное, которое тебя дѣлаетъ достойнымъ любви. Ежели ты имѣешь заслугу, сердце исполненное истинной милости: то ни о чемъ не пекись; подобное сердце не пренебрегаетъ твоего достоинства.

Благородныя дýши открываютъ другъ друга посредѣ множества свѣта, которой обыкновенно соединяется только изъ пустоты и корыстолюбія. Часто онъ есть хорошее движеніе изображающее душу, чрезъ которую мы призываемы бываемъ къ дружеству, часто малая заслуга, въ которой мы познаемъ доброту сéрдца, часто разговоръ, которой намъ способъ разсуждать и чувствовать нами наипаче любимой открываетъ, и насъ къ сердцу другаго ведетъ. Часто онъ есть наружной благонамѣренной договоръ, которой насъ зоветъ во первыхъ искать нашего благополучія въ начертаніи другаго. Часто намъ, хотя не нравится первой взглядъ, потому что кажется намъ того не обѣщаетъ, чего наше сердце ищетъ; и однакожъ продолжаемое обхожденіе заставляетъ насъ открывать заслуги сего начертанія, которое намъ въ началѣ не нравилось, и которое однакожъ изображено было для нашего сéрдца. Столь многоразлично насъ природа

рода зоветъ къ дружеству; то чрезъ сильную и благородную черту симпатіи вдругъ, то не примѣтно чрезъ маль[illegible] услуги, то мало по малу посредствомъ обхожд[illegible] Никто не имѣетъ большаго одобренія к[illegible]жеству, какъ тотъ, кто съ хорошимъ и [illegible]тельнымъ сердцемъ соединяетъ тонкой [illegible]дливой разумъ, кто съ достоинствомъ доб[illegible] и пріятность благосостоянія, и съ сок[illegible]щами науки сокровища вѣры совокупляетъ. Сердце исполненное пустоты, исполненное любоимѣнія и корыстолюбія есть не способно дружества содержать, какъ бы оно способно ни было насъ обманывать даже до дружества чрезъ принятой видъ. Кто неблагороденъ въ разсужденіи себя; какъ онъ таковъ будетъ въ разсужденіи друга? Сколь бы искренно ни было наше сердце, однако оно безъ вкуса и нравовъ мало пріятности принесетъ въ дружество. Хорошей вкусъ, слушатели мои, которой мы пріобрѣтаемъ чрезъ свободныя науки, провожаетъ насъ не только въ пространную жизнь, но и въ тѣсной кругъ дружества, отъ нашей искренности отнимаетъ оскорбляющее, нашему упованію подаетъ скромное, отъ нашего совѣта отъемлетъ повелительное, и отъ нашихъ видимыхъ услугъ обязующее движеніе. Посредствомъ вкуса отвращаемъ многія неспокойствія въ дружествѣ, и украшаемъ должность непорочности; а безъ сего вкуса наилучшей другъ бываетъ намъ часто скучнымъ, и перестаетъ быть для насъ пріятнымъ другомъ.

Наилучшее сердце имѣетъ свои малые пороки воспитанія или сложенія. Какъ должность дру-

жества есть оные уменьшать: такъ и должность есть оные терпѣть, и оные между многими похвальными свойствами своего друга изъ глазъ терять; ибо другъ безъ порока не есть я другой. Никакъ.

Твой другъ, человѣкъ, будетъ имѣть свои пороки; ты терпишь оные при его большихъ дарованіяхъ, и уменьшаешъ оные тихою рукою. Его сердце употребляетъ подобныя права, оживляетъ твое сердце, когда оное менѣе похвальнымъ почитаетъ, и его разумъ бываетъ твоимъ разумомъ.

Ежели мы сыскали любви достойнаго друга: то должны мы стараться чрезъ его обхожденіе всегда становиться благороднѣе и любви достойнѣе; ибо иначе теряемъ мы важнѣйшую выгоду дружества, и то, что сердцу должно служить цѣлительною пищею, премѣняемъ въ родъ роскошнаго мотовства, для чего мы вступаемъ въ союзъ, когда мы свое благополучіе чрезъ наше дружеское обхожденіе не всегда возвышать хотимъ? Да и не можноль опасаться становиться хорошимъ, и поступать мудро; и не всегда собирать себѣ новыя обстоятельства, въ которыхъ я другомъ, то есть, помощникомъ, совѣтникомъ, примѣромъ, утѣшеніемъ и пріятностію быть долженъ? Сіе есть таже наибольщая польза дружества для насъ и свѣта, чтобы мы всегда лучшими и къ нашему великому и вѣчному опредѣленію способнѣйшими становились. Кто не можетъ дружеству предразсужденіе на жертву приносить, порокъ, которой оно милостиво примѣча-

мѣчаетъ, отвергать, поощренія къ должности; потому что она можетъ быть нашу гордость утишаетъ, отъ онаго съ благодарностію принимать, на преимущество друга всегда охотно смотрѣть, и себя дѣлать его учителемъ не можетъ; тотъ не довольно благородно расположенъ къ дружеству, и при всѣхъ заслугахъ, которыя онъ имѣть можетъ, по крайнѣй мѣрѣ у него не достаетъ благородной недовѣренности въ разсужденіи самаго себя, къ которой насъ дружество кроткою рукою вести хочетъ.

Такъ многія сердца, которыя заблудились, нашли въ другѣ избавителя, такъ многія сердца, которыя на стези добродѣтели начинали колебаться, въ немъ подпору, и такъ многіе юноши, которые иначе бы медлительно достигнули метьі своего благосостоянія, нашли въ другѣ бодраго и ревностнаго путешественника, которой ихъ туда не покривой дорогѣ повелъ. Дай Боже, чтобы каждой изъ васъ, Слушатели, наслаждался щастіемъ, имѣть такого друга, или самъ такимъ быть другомъ! наше юношество имѣетъ нуджу въ добродѣтельномъ дружествѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ оно легче есть оное ослѣпить, и чѣмъ склоннѣе себя самаго ввести въ заблужденіе.

Что помогаетъ безъ друга юношѣ его юношество, которой на распутіи порока и добродѣтели долго не зная, что предпріять, стоитъ, и когда онъ наконецъ избираетъ, скоро въ степи, по которой онъ одинъ ходитъ, заблуждаетъ?

Я желаю вамъ много, когда я желаю вамъ мудраго и непорочнаго друга; и нѣтъ ни одного изъ васъ, которому бы я сего благополучія отъ сердца не желалъ, и которой бы себѣ отъ Провидѣнія каждой день онаго желать былъ не долженъ. Дай Богъ! чтобы вамъ случилось такое дружество со всѣми его радостями, которое чрезъ сію жизнь будучи проведено, распространяется за могилу даже до неограниченной вѣчности съ своими выгодами.

На вѣру, какъ я выше упомянулъ, сдѣлали нарѣканіе, будто ея нравоученіе не учитъ должности дружества. Но сколь не справедливо! кто будетъ наилучшимъ другомъ; когда все на обѣихъ сторонахъ равно, Христіански разумной или просто разумной другъ? Когда мое сердце наставлено, милостивыя склонности ко всѣмъ чувствовать, не будетъ ли оно особенно чувствовать къ тому, которой своимъ расположеніемъ сердца блиско подходитъ къ моему? Ксенофонтъ говоритъ, что храбрѣйшій и отважнѣйшій воинъ есть тотъ, которой по большей части боится боговъ. И кто будетъ вѣрнѣйшій и наилучшій другъ? Нѣтъ Слушатели, непорочной мужъ безъ вѣры есть подозрительной мужъ; благочестиво разумной есть напротивъ того самой надежной, самой наилучшій другъ, другъ для обоихъ свѣтовъ. Благочестиво разумная пріятельница, которая свою пріятность украшаетъ невинностію и благонравіемъ, есть истинная, наилучшая пріятельница, которой мы должны желать и искать, и получа оную, ежели небо столь милостиво есть

оную

оную намъ даровать чрезъ супружество, наше сердце можетъ себя называть щастливымъ. И такъ непорочнаго мужа почитайте со мною между наивящшими блаженствами сея жизни, и учитесь изъ опыта говорить:

Юноша щастливъ, которому случилось имѣть такого друга, которой также какъ и онъ хочетъ достигнуть премудрости и любитъ добродѣтель, и великодушно опасность путешествія съ нимъ раздѣляетъ, его водитъ, когда онъ стоитъ, за нимъ слѣдуетъ, когда онъ поспѣшаетъ, его пробуждаетъ, когда онъ спитъ, и въ опасности съ угрозами выговариваетъ, и его научаетъ его должности, прежде нежели еще онъ отъ ней удаляется.

Наконецъ, Слушатели мои, ежели столь многое благополучіе есть имѣть добродѣтельнаго и милостиваго человѣка другомъ; какое благополучіе должно быть для человѣка, высочайшіе и благороднѣйшіе духи неба дѣлать себѣ друзьями; какое несравненное благополучіе, Всемогущаго и Всемилостиваго имѣть другомъ! сіе благополучіе научаетъ и пріобрѣтаетъ намъ вѣру.

ДВАДЕСЯТЬ ПЯТОЕ УЧЕНІЕ.

О супружествѣ и его обязательствахъ.

Начертаніе супружескаго дружества отъ природы столь мудро и тщательно описано, что оное легко можетъ примѣчать и изображать разумъ.

зумѣ. Ежели главной конецъ черты взаимной любви, которую въ насъ десница Создателя насадила, положишъ въ сохраненіи человѣческаго рода и особеннаго покоя: то не можно вздумать разумнѣе и святѣе средства къ сему сугубому концу, какъ союзъ супружества.

Безъ него бы склонность любви была не обузданна и весьма бы скоро стала быть пагубнѣйшею страстью. Она бы благороднѣйшія склонности души, благоволенія, дружества и высокопочитанія, вмѣсто того, чтобъ оныя подкрѣплять, уничтожила, да и самой бы человѣческой родъ болѣе раззорила, нежели сохранила. Которые естественную склонность чрезъ супружеской союзъ сковать не хотятъ, *тѣ*, такъ уже Сирахъ сдѣлалъ примѣчаніе, (*) *тѣ, кои прилагаются любодѣйцамъ, дерзшіи будутъ, моліе и черпіе наслѣдятъ ихъ, и душа дерзостная изметея. Человѣкъ блудникъ въ тѣло плоти своея не престанетъ, дондеже пожжетъ огнь.* И какъ не можно легко себѣ представить всеобщаго покоя, воспитанія безпомощныхъ тварей, которыя отъ людей раждаются, безъ тѣснаго и всегдашняго союза супружества: такъ и съ другой стороны безъ великой остроты можно видѣть, что многоженство болѣе трудностей, а менѣе пріятности въ жизни за собою ведетъ, нежели чтобъ оно отъ разума, безъ особенныхъ обстоятельствъ похваляемо быть могло. Столь же легко можно примѣтить, что разрѣшеніе супру-

жества,

(*) Сир: 19. 3. 23. 22.

жества, ежели бы оно корыстолюбію, дерзости и непостоянству людей каждой разъ было поручаемо, влекло бы за собою ужаснѣйшія слѣдствія, и низвергало бы какъ благополучіе фамилій, такъ всеобщій покой. Человѣкъ, которой бы подъ видомъ, будто свое первое избраніе поправить, осмѣлился супруга оставить и другаго искать, не нашелъ ли бы опять въ короткое время другой причины свое супружество еще однажды и въ другой разъ истребить? И ежели бы сія вольность была закономъ естества: тобы сей законъ естества опровергнулъ весь порядокъ общества, и премудраго Бога не имѣлъ бы начальникомъ. Всѣ наши естественныя склонности имѣютъ нужду въ разумномъ ограничиваніи, и такое ограничиваніе по большей части потребно бунтующей склонности любви, ежели она природы потерять, ежели сердце, нравы и разумъ погубить не должна. Но она бы заподлинно или по крайнѣй мѣрѣ вѣроятно природу потеряла, ежели бы узы супружества и его разрѣшеніе поручены были ея волѣ. Не можно того отвергать, что тобы для покоя сей или оной приватной особы иногда было лучше, ежели бы ея супружество было развелено. Но каждой бы примѣръ былъ бы оправданіемъ для тысячи другихъ, которыя бы изъ пустыхъ и худыхъ намѣреній пожелали такой же свободы; и въ семъ бы случаѣ ничто легкомысленнѣе и подлѣе не было заключено, какъ супружество. (*)

Супру-

(*) Предложеніе, которое Графъ Саксонскій о пятилѣтнемъ супружествѣ въ своихъ размышленіяхъ сдѣ-

Супружество, когда оно любовь отъ многихъ предмѣтовъ отводитъ, и оную по перемѣнно по каждому завсегда ограничиваетъ, награждаетъ насъ за похищенiе необузданности и весьма благотворительнымъ образомъ наше сердце получаетъ выгоду, когда оно кажется терять. Оно налагаетъ на себя узы одной особы, которой себѣ желаютъ, и которая для насъ однихъ жить должна, такъ какъ мы для нея живемъ. Наше побужденiе дружества и взаимной склонности, которое бы, ежели бы оставалось не опредѣленнымъ, преродилось, и на души обоего пола напустило ужасныя пагубы, удерживаетъ чрезъ руку супружества такой предмѣтъ, въ которомъ любовь пола благополучно соединяется съ клонностiю особы.

Чрезъ руку супружества двѣ особы берутся изъ великой фамилiи свѣта, чтобъ свѣтъ въ маломъ составить, которой чрезъ взаимную любовь и вѣрность оживленъ будучи, свое особенное благополучiе производитъ, и къ такимъ должностямъ призывается, которыя не только любовь хранятъ и возобновляютъ; но изъ оныхъ наблюденiя и домашнее благополучiе опять втѣкаетъ въ пользу государства и свѣта.

Какiе

лалъ, есть, ежели кротко сказать, сновидѣнiе, и ежели разсуждать о божественномъ законѣ вѣры, то оно есть ругательство сего закона. Что противно закону разума и вѣры, то пускай предлагаетъ Маршалъ Французскiй или Король; оно остается такимъ, каково есть.

Какіе попреки ни дѣлаютъ оковамъ супружества ради онаго досады: однако уже довольно того отвѣта на оныя, что пріятности разумнаго супружества превосходятъ онаго досады, и что и неспокойствія сего состоянія премѣняются въ пріятности, и служатъ любви пищею. Довольно того, что большая часть жалобъ, которыя приносятъ на сіе состояніе, не столько до него, сколько вообще до несовершенства человѣковъ, и особенно до глупости и порока сочетавшихся особъ касаются. Соединеніе безъ разума и добродѣтели, безъ избранія и благоразумія, безъ познанія и взаимной склонности сердецъ заключенное; сіе ихъ неблагополучіе можетъ ли складывать вину на оковы супружества? Состояніе супружества, почитать вольнымъ городомъ корыстолюбія, сластолюбія, пустоты и честолюбія, и тогда испытать, что супружество дѣлаетъ нещастливыми, сіе можетъ быть истинною жалобою, но притомъ и достойнымъ наказаніемъ. Любовь благополучно начатаго супружества всегдашнимъ взираніемъ на его честный достойной конецъ чрезъ благоразуміе не управлять; чрезъ высокопочитаніе всегда вновь не одушевлять, чрезъ тщаніе и вѣрное показываніе услугъ не подкрѣплять, чрезъ потаканіе въ малыхъ порокахъ сложенія отъ враговъ согласія не освобождать; и однакожъ оную въ томъ укорять, что она производитъ омерзѣніе, скуку и несогласіе, значитъ жаловаться не на супружество, но на глупость сочетавшихся.

Чтобъ намъ высокопочитаніе къ сему состоянію вдохнуть, довольно того, когда мы видимъ,

что двѣ особы при разумной чувствительности, нещастія жизни легче сносятъ, и оной благополучіе взаимно чрезъ дружество пріятнѣйшимъ дѣлаютъ. Сіе есть благословеніе, которое изъ нѣдра добродѣтельной супружеской любви распространяется по жизни человѣческой. Супружество не есть такое состояніе, которое глупыхъ должно дѣлать благополучными; его союзъ долженъ благонравныя сердца для дружества столь долговременнаго, сколь жизнь продолжается, и для добродѣтельнаго исправленія общественныхъ должностей соединять. Ежели особы при своемъ близскомъ соединеніи сей конецъ позабываютъ, или оной исполнить не способны: то они поносятъ и оскверняютъ супружество. Когда вѣрность супружеской любви основывается на взаимномъ обѣщаніи и на естествѣ любви; и когда супружество есть тѣснѣйшій союзъ человѣковъ: то нарушеніе супружеской вѣрности и по разуму есть великое преступленіе и сугубой грѣхъ; грѣхъ неружнаго сластолюбія, и грѣхъ наивящщаго неправосудія. Это примѣчанія достойно, что самые дикіе народы право супружества почитали за святое право, и еще почитаютъ; и одинъ изъ нынѣшнихъ народовъ въ Африкѣ, которой своими прочими нравами близко подходитъ къ звѣрямъ, имѣетъ однакожъ такой законъ, которой за нарушеніе супружества казнитъ смертію. Презрители естественнаго закона ссылаются всегда на примѣръ дикихъ народовъ, у которыхъ должно находить противную сторону. Для чего они не ссылаются и на сей примѣръ супружескаго права?

Чѣмъ болѣе благополучіе или неблагополучіе отъ сего тѣснѣйшаго соединенія обоего пола зависитъ; тѣмъ осторожнѣе должны мы быть при нашемъ выборѣ, и тѣмъ достойнѣе наказанія тѣ, которые противъ нашей склонности чрезъ хорошо почтенныя или тиранническія побудительныя причины къ супружеству насъ принуждаютъ, или отъ онаго удерживаютъ. Чѣмъ извѣстнѣе то, что любовь не можетъ стоять безъ истинныхъ заслугъ; тѣмъ болѣе должны стараться получать себѣ заслуги предъ симъ выборомъ и послѣ онаго. Мужъ, не искусившійся въ мужескихъ наукахъ и способностяхъ, не будетъ долго защищать свою важность въ супружествѣ. И какъ его женѣ почитать его, когда она ни разума, ни защиты въ немъ не обрѣтаетъ, чего она по справедливости отъ него себѣ обѣщала? Онъ не можетъ самимъ собою править; какъ будетъ умѣть благоразумно и кротко господствовать въ своемъ домѣ? Онъ наблюдаетъ должности домашняго состоянія не иначе какъ лѣниво; и слѣдовательно не печется о благополучіи супружества чрезъ себя самаго. Онъ есть безъ дѣлъ, и чрезъ свою лѣность наилучшей женѣ бываетъ бременемъ, и свои пороки дѣлаетъ ей видимыми, которые бы онъ чрезъ благоразуміе и трудолюбіе отъ ея глазъ отдалилъ. И когда можетъ такой человѣкъ, ежели у него не достаетъ трудолюбія, съ ней раздѣлить увеселеніе, которое бы было его заслугою и ей доказательствомъ тщанія и любви? Онъ не имѣя разума и добродѣтели, хочетъ для своего дома дѣтей хорошими, и для свѣта полезными гражданами воспитать? Какъ можно такое себѣ представить? Ка-

кимъ источникомъ скуки и глупостей его супружество, и какимъ лабиринтомъ его домъ будетъ, когда его супруга чрезъ рѣдкія качества всѣ сіи злоключенія не отдалнетъ?

Жена не искусившаясь въ женскихъ художествахъ и способностяхъ, которая не болѣе имѣетъ разума, нежели ея уборъ требуетъ, и никакой другой не знаетъ добродѣтели, какъ богатство или красоту, которую она гордо противъ своего мужа носитъ; женщина безъ воспитанія, невольница своихъ страстей, которая о томъ никогда строго не помышляла, для чего человѣкъ на свѣтѣ; такая жена сдѣлаетъ ли мужа благополучнымъ, супружескую любовь продолжительною, домъ спокойнымъ и благословеннымъ, и своихъ дѣтей мудрыми и добродѣтельными? Мужъ, которой ее знаетъ, и однакожъ избираетъ, есть, сколько бы онъ въ иное время ни назывался разумнымъ, есть такой глупецъ, которой позабываетъ конецъ супружества; мужъ, которой оную избираетъ и не знаетъ, избралъ, смотря на хорошее благополучіе и при важнѣйшемъ случаѣ поступилъ какъ дитя. Ежели онъ далъ себя обмануть воображенію, красотѣ, друзьямъ: то онъ избралъ не для своего сердца, и не менѣе позабылъ потребовать совѣта отъ своего разума. Ежели онъ только избралъ ее для богатства, состоянія и своего будущаго благополучія: то онъ не помыслилъ о главномъ концѣ супружества, и вмѣсто союза любви заключилъ только бѣдной договоръ корыстолюбія.

Пре-

Представте двухъ разумныхъ и благонравныхъ особъ обоего пола, которыя другъ друга знали и любили и по тайнѣ своихъ сердецъ, между похвалою благоразумія, и по мудрому совѣту разумныхъ родителей и друзей, заключили сей святой и тѣсной союзъ; и тогда ихъ супружество не будетъ имѣть много досадъ. Ихъ любовь чрезъ наслажденіе не въ холодъ, ихъ разумное обхожденіе не въ омерзѣніе; но и то и другое премѣнится въ кроткое дружество и въ спокойствіе, опять оживающее каждой день. Они оба пекутся другъ о другѣ, потому что они другъ друга любятъ; любовь облегчаетъ ихъ должности, и точное исполненіе ихъ должностей сохраняетъ и умножаетъ любовь. Они споспѣшествуютъ, каждой въ своей части домашнему благосостоянію, и оба хотя по различнымъ путямъ, однако согласно приходятъ къ одинакой метѣ. Упражненіе было должностію, которую они ужè кромѣ супружества исполнить старались; въ супружествѣ сія должность сохраняетъ тѣснѣйшее опредѣленіе, болѣе побудительныя причины, болѣе любовь, и чрезъ любовь болѣе пріятность. Они подкрѣпляютъ другъ друга въ своемъ общемъ концѣ чрезъ совѣтъ и помощь, чрезъ благоразуміе и опытъ, и чрезъ свой взаимной примѣръ. Они сообщаютъ другъ другу поперемѣнно свои проницательства, безъ того чтобъ себя чрезъ гордость за то наградить. Любовь оживляетъ ихъ разумъ; и при общемъ своемъ благополучіи, своемъ попеченіи и трудахъ и наставленіи своихъ дѣтей, размышляютъ и живутъ они оба, какъ единое. Онъ повелѣваетъ, какъ

глава фамиліи, и однакожъ съ нею купно. Она любитъ его, какъ своего мужа, и почитаетъ его, какъ свою защиту. Онъ любитъ ее, какъ свою супругу, и почитаетъ въ ней добродѣтельную пріятельницу и хозяйку. Добродѣтель уже была кромѣ супружества званіемъ ихъ совѣсти, которому они вѣрно послѣдовали. Къ сему званію поощряютъ они себя, чрезъ узы любви соединившись, еще болѣе. И какъ бы то было возможно, чтобы они оба къ возвышенію своихъ добродѣтельныхъ чувствованій, которыя суть благополучіе души и ея любви достойнѣйшая заслуга, вообще не трудились, когда они другъ друга любятъ, и чрезъ супружество новыя предмѣты ко упражненію добродѣтели для себя предложенныя видятъ? Ихъ сердца исполненныя вѣры и человѣколюбія сообщаютъ другъ другу попеременно сіи чувствованія, и они умножаютъ свое собственное спокойство чрезъ то, что оному даютъ втѣкать въ пользу свѣта, и что они свое обѣихъ сторонъ благополучіе почитаютъ благодѣяніемъ провидѣнія, даромъ, которой у нихъ подъ покровительствомъ Высочайшаго хранится. Они, потому что вѣру имѣютъ, находятъ утѣху, гдѣ другіе не находятъ. Они почитаютъ свое состояніе, какъ божеское предъуготовленіе, и суть во многихъ случаяхъ спокойны, гдѣ другіе въ супружествѣ дрожатъ. Ты была, поетъ *Галлеръ* о своей *Елизѣ*.

Ты была мой совѣтъ, и никто, какъ мы оба, не испыталъ, какое благополучіе Богъ у меня отнимаетъ.
Я радовался при твоей вѣрной радости; она мнѣ болѣе

лѣе стоила, нежели благополучіе и честь. Хотя скука иногда и поражала мое сердце; но мы приближалась ко мнѣ съ утѣхою и кроткимъ вздохомъ. Я находилъ покой при твоей доброжелательной жалобѣ, и поносилъ свое страданіе, когда я видѣлъ тебя печалующуюсь.

Ихъ съ обѣихъ сторонъ вѣрность есть Ангелъ, хранитель ихъ любви, и отвращаетъ враждебное подозреніе и умерщвляющую ревнивость. Они остаются человѣками, кои порокамъ подвержены, и возвращаютъ оные чрезъ раскаяніе и взаимную поттачку. Одинъ предводительствуемъ будучи кроткимъ благоразуміемъ и оживляемъ любовію, исправляетъ безразсудность другаго; и ихъ искренность никогда не бываетъ гробомъ высокопочитанія; потому что она умѣряется чрезъ скромность. Она удаляетъ все, что гордости се́рдца пищу, и къ малопочитанію случай подаетъ; ибо любовь и то и другое умерщвляетъ. И какое поле добродѣтелей открываетъ имъ не одно только общее воспитаніе ихъ дѣтей! и притомъ какая радость для се́рдца! радость, которую въ благосостояніи своихъ дѣтей для нихъ умножаютъ, и всякое попеченіе и трудности оныхъ воспитывать услаждаютъ.

Какой мудрости исполненной договоръ есть различіе начертанія обоего по́ла; и съ сколь многими выгодами и пріятностями сея жизни соединено сіе различіе!

Бодрость и храбрость мужескаго по́ла, и нѣжность и малодушіе женскаго; великой разумъ мужей

мужей для изобрѣтеній и трудныхъ предпріятій въ публичныхъ дѣлахъ, и тонкой разумъ прекраснаго по́ла для того, чего требуетъ въ домѣ порядокъ, благопристойность и вкусъ, сколь много требуютъ и подкрѣпляютъ ихъ между собою! мужъ склоненъ повелѣвать, и жена способна его главную власть чрезъ кротость уменьшать; онъ способенъ ее защищать и объ ней пещися; она способна его попеченіе облѣгчать и чрезъ ласковость возвращать; онъ способенъ, пріобрѣтать; она склонна пріобрѣтенное хранить, и чрезъ бережливость свою собственную часть къ тому прилагать: не сотворены ли они оба одинъ для другаго? Кротость женскаго по́ла уменьшаетъ храбрость мужа, такъ что оная не превращается въ свирѣпость. Веселость и живность женскаго начертанія превосходно приличествуетъ строгости мужескаго, чтобъ его по долгомъ усиливаніи опять развеселить, и его строгость отвратить, дабы онъ не роппалъ. Чувствованія прекраснаго по́ла суть нѣжныя и скоро преходящія чувствованія; чувствованія мужей медлительнѣе входятъ, и глубже погружаются. Такимъ образомъ оба по́ла могутъ другъ друга ободрять и укрощать, и ежели они другъ друга въ своихъ порочныхъ склонностяхъ встрѣчаютъ благоразумно уклоняться.

Все сіе доказываетъ, сколь много каждой полъ способенъ споспѣшествоващь пользѣ и увеселенію другаго, и сколь много пріятности жизни у себя тѣ похищаютъ, которые изъ корыстолюбія или изъ другихъ подлыхъ причинъ осуждаютъ

ютъ себя на безсупружное состоянie. Безъ опасности избирать, которой они свою добродѣтель подвергаютъ, есть ужѐ довольной въ томъ уронъ, что они сладкаго и невиннаго увеселенiя нѣжнѣйшей склонности естества не вкушаютъ; склонности, которая столь много влiянiя имѣетъ въ гражданскую добродѣтель, и безъ которой человѣческое сердце легко принимаетъ привязанность къ печали и своевольности. Тѣ, которыхъ обстоятельства союзъ супружества позволяютъ и приказываютъ, и которые только чрезъ худо понимаемое спокойствiе или чрезъ боязливость не довольно щастливаго избранiя, отъ супружества удерживаются, весьма худо понимаютъ свою истинную выгоду, когда они не слушаютъ мудраго гласа естества. Они должны напоминать себѣ похвальныя рѣчи, которыми *Сирахъ* благополучiе такого мужа прославляетъ, которой непорочную имѣетъ супругу. *Жены добрыя*, говоритъ онъ, *блаженъ есть мужъ, и число дней его сугубо. Жена добляя веселитъ мужа своего, и лѣта его исполнитъ миромъ. Жена добра часть блага: въ части боящихся Господа дана будетъ. Богатаго же и убогаго сердце благо, во всяко время лице тихо. Благодать женска возвеселитъ мужа ея: и кости его утучнитъ художество ея. Даянiе Господне жена молчалива, и нѣсть искупа наказанныя души: благодать на благодати жена стыдлива. И нѣсть мѣрило всякое достойное воздержныя души. Солнце восходящее на высокихъ Господнихъ, и доброта жены добрыя въ красотѣ дому ея.* (*) Дружество, хотя оно превосходно,

(*) Сир. 26. 1. 4. 16. 21.

сходно, однако никогда не хранитъ насъ въ цѣлости ради любви. Оно не есть сіе тѣсное соединеніе сердецъ, которое возстановляется чрезъ супружество. Никогда не соединяются наши намѣренія, желанія и труды при дружествѣ такъ, какъ при любви. Для кого живетъ мужъ? Для кого живетъ супруга? Для кого оба пекутся и трудятся? Дѣти друга суть ли мои? Его честь; естьли моя? Его имѣніе; естьли то, для чего я тружусь? Моя слава бываетъ моей супруги честью, и ея честь бываетъ моей славою. Другъ чрезъ многія случаи разлучается со мною; но супругу похищаетъ у меня только смерть. Когда я могу имѣніе своего друга почитать своимъ? Другъ, ежели онъ еще столько благонравенъ, всегда ли можетъ пещися о моемъ покоѣ? О семъ можетъ супругъ. Гораздо другое, говоритъ *Галлеръ*, которой столь щастливо любилъ.

Гораздо другое есть жена, которая изо всѣхъ существъ
выбрана къ нашему достоянію, въ семъ вѣрнѣйшемъ
нѣдрѣ, сердце будучи положено, покоится, и самую
внутреннюю заботу отъ себя отдаляетъ; съ нами
желаетъ и печалится, нашею честію величается, ничего
другаго не имѣетъ какъ насъ, ничего для себя
самой не желаетъ. Ея жизнь есть для насъ; юности
весна, зрѣлыхъ лѣтъ плодъ, все намъ посвящено;
и за пороки она не наказываетъ, и старается заблуждающія
чувства нѣжнымъ терпѣніемъ опять къ
себѣ привлечь. Сильнѣйшее корыстолюбіе, перемѣна
щастія никогда не похищаетъ надежнаго друга, никогда
не разрываетъ тѣсной союзъ; спокойство и
красота умножается подъ ея путемъ, и предъ каждымъ
ея возрѣніемъ кипитъ наше сердце. Ежели

ей

ей натура еще даровала наружную красоту, и наше земное сердце прелестію и красотою ободряется: то подлинно непросвѣщенныя души ничего болѣе не могутъ себѣ выбирать езблаговременно для неба, и для благополучія.

Радость, которую родители чувствуютъ о своихъ дѣтяхъ, есть безъ прекословія наиживѣйшая въ округѣ всѣхъ земныхъ увеселеній. Сія радость награждаетъ ихъ за многотрудную должность воспитанія даже до послѣдней минуты жизни. Отецъ любитъ свое благоустроенное дитя, которое онъ на смертной постелѣ благословляетъ, съ такимъ же еще спокойствіемъ, съ какимъ онъ сперьва отъ рукъ матери принялъ. Сладкое имя отецъ, какую честь и награды къ старости онъ получилъ! я теперь говорю не чисто съ восхищеніемъ сердца, которое не болѣе какъ изъ описаній или изъ дѣйствій познаю, которыя оно у моего пріятеля показало. Видѣть себя живущаго въ хорошо воспитанныхъ дѣтяхъ, въ ихъ благополучіи исполненіе своихъ желаній и награду своихъ трудовъ, въ ихъ радости свою собственную, въ ихъ славѣ свою видѣть; какая утѣха быть должна! какая утѣха, землѣ полезными гражданами и небу блаженными жителями сдѣлать! сей радости лишаются всѣ тѣ, кои легкое бремя супружества своевольно отъ себя отвергаютъ. (*)

Мало

(*) Можетъ быть дѣтская игра, въ которую иногда отецъ изъ любви играетъ съ своимъ сыномъ, есть болѣе истинная радость для сердца, нежели великолѣпнѣйшая опера. Молодой Расинъ повѣствуетъ о

Мало такихъ случаевъ, гдѣбы безъ супружества можно было быть полезнѣе для свѣта, нежели въ супружествѣ. Напрасно по большей части себѣ ласкательствуютъ, будто для наукъ и художествъ, для добродѣтели и своихъ друзей лучше жить безъ супружества. Наивеличайшіе духи, добродѣтельнѣйшія души несли сіи пріятныя оковы, и не сравненно болѣе

своемъ отцѣ: il étoit de tous nos jeux: je me souviens de processions dans lesquelles mes soeurs étoient le clergé, j' étois le curé et l' auteur d' Athalie, chantant avec nous, portoit la croix. То есть: онъ былъ при всѣхъ нашихъ играхъ: я напоминаю о крестныхъ ходахъ, въ которыхъ мои сестры были духовенство, я былъ священникъ и сочинитель Аталіи, поющій съ нами носилъ крестъ. Сколь великъ Расинъ для меня въ сей игрѣ; и сколь болѣе онъ тогда чувствовалъ; нежели когда въ луврѣ видѣлъ явленія придворныя; онъ, которой по большей части гостопріемное повелѣніе великаго министра словами презиралъ: онъ долженъ сего дня съ своими дѣтьми великаго язя ѣсть. Отецъ наиученнѣйшій изъ Нѣмцовъ, великой Меланхтонъ, часто заставаемъ былъ, что онъ въ одной рукѣ держалъ свою книгу и читалъ, и другою свою дочь качалъ. Съ вашего позволенія, сказалъ нѣкогда покойный и превосходиный Гаузенъ къ своимъ слушателямъ, какъ онъ преподавая математику при глубокомысленномъ предложеніи, услышалъ одного изъ своихъ дѣтей въ залѣ плачущаго, *мое дитя плачетъ*. Онъ тотчасъ пошедъ въ залу, взялъ его на руки, возвратился къ своимъ слушателямъ и имѣя свое дитя въ объятіяхъ, продолжалъ чтеніе несмущеннымъ и веселымъ лицемъ.

болѣе сдѣлали, нежели многіе, которые сего союза только изъ любопытства, изъ честолюбія, или изъ самопроизвольнаго цѣломудрія лишились.

Многіе, кои теперь свою уединенную жизнь съ ропотомъ видятъ во снѣ, отъ супружества были призваны къ трудолюбивой и веселой жизни. Многіе, кои изъ попеченія о пищѣ состояніе супружества оставили, были бы въ супружествѣ благословеннѣе. Бережливость благоразумной супруги часто болѣе приноситъ или по крайнѣй мѣрѣ столько, сколько она требуетъ. Есть древнее *примѣчаніе*: ежели иждивеніе и дѣти дома умножаются, то умножается и благословеніе. И для чего нѣтъ? Развѣ особы, которыя при довольномъ доходѣ, другъ съ другомъ изъ любви и въ святомъ концѣ, которой должно имѣть при супружествѣ, на всю жизнь соединенныя не могутъ себѣ при прилѣжаніи и добродѣтели отъ провидѣнія обѣщать также на всю жизнь требуемаго благословенія? Развѣ ихъ дѣти не надлежатъ купно до Бога? Не должны ли они имъ оставить нужныхъ сокровищъ? Хорошее воспитаніе не есть ли довольная часть наслѣдства? И бѣдные дѣти непорочныхъ родителей остались ли когда нибудь безъ попеченія; или лучше сказать, не часто ли при всей бѣдности невидимою рукою водимы были къ наибольшему благополучію? Подлинно не должно дерзскою силою хотѣть требовать чрезъ супружество благословенія промысла; но при благоразумномъ и добродѣтельномъ избраніи должно себя ободрять чрезъ надежду благословенія.

Одинъ

Одинъ только страхъ нещастливо избирать, не есть побудительная причина, которая насъ отъ супружества удерживать можетъ. Нещастливые примѣры должны насъ только осторожными, а не малодушными дѣлать. Ежели это есть такое состояніе, которое Богъ учредилъ, (и кто можетъ о томъ сомнѣваться?) То мы, когда правила человѣческаго благоразумія наблюдаемъ; не должны дрожать предъ божескимъ учрежденіемъ. И положимъ, что послѣ всей употребленной осторожности успѣхъ нашего избранія не согласенъ съ нашими желаніями: то мы должны досаду онаго почитать частію нашей судьбины, въ которой быть намъ Богъ по мудрымъ причинамъ попускаетъ, которую мы съ терпѣніемъ сносить, и чрезъ благоразуміе и милость должны стараться поправлять. Разумная жена; не часто ли щастливо изображала худое начертаніе своего мужа чрезъ любовь, чрезъ мудрую скромность и потачку; чрезъ безпрерывное терпѣніе? Разумной мужъ не часто ли исправлялъ нравы и склонности своей не довольно тщательно воспитанной супруги чрезъ любовь и благоразуміе и чрезъ свой поучительной примѣръ? Когда мы на конецъ друга какъ драгоцѣнной даръ отъ руки провидѣнія почитаемъ, и о томъ просимъ; не должны ли ожидать и поучительнаго и благороднаго сердца супруга, какъ такого дара, и объ немъ какъ о наивеличайшемъ земномъ благополучіи Бога просить?

Належнѣйшей путь къ благополучному супружеству есть сей: препровождай свои молодыя лѣта въ невинности; пріобрѣтай себѣ любви до-

достойныя свойства души и полезныя искусства, и не пренебрегай пріятность и здоровья своего тѣла; старайся имѣть человѣколюбивые и пріятные нравы; исправляй собственные пороки своего сложенія или своего перваго воспитанія; при своемъ прилѣжномъ избраніи слушай во первыхъ гласа сéрдца; потóмъ спрашивай своего разума, и притомъ слушай разума тѣхъ, коихъ мы высокопочитаемъ. Можетъ увеселять глазъ; но оной никогда не долженъ решить избранія. Добродѣтель есть то, чего благородное сердце по большей части желаетъ; и истинная добродѣтель не можетъ быть безъ здраваго разума; ее самую, добродѣтель подаетъ разумъ. А женщина, которая добродѣтель и разумъ имѣетъ: имѣетъ подлинно и домашнія искусства, и когда я знаю, что ея сердце для меня чувствуетъ; и на мои желанія соглашается; что можетъ при нашей любви сдѣлать избраніе намъ подозрительнымъ? Любовь наши не большіе пороки то будетъ открывать, то исправлять. Любовь изъ неспокойствій супружества, пріуготовитъ намъ самую пищу спокойствія, а благоразуміе и добродѣтель все то отдалитъ, что любовь моглабы удержать или умертвить; Соломонъ изображаетъ начертаніе добродѣтельной и разумной жены слѣдующимъ образомъ: *дерзаетъ*, говоритъ онъ, на ню *сердце мужа ея: таковая добрыхъ корыстей не лишится. Дѣлаетъ во мужу своему благая во все житіе. Крѣпостію и лѣпотою облечеся, и возвеселися во дни послѣдняя; тѣсны стези дому ея: брашна же лѣностнаго не яде; уста своя отверзе мудро и законно, милостыня*

же

же ея возстави чада ея, и обогатишася: и мужъ ея похвали ю. Многи дщери стяжаша богатство, многи сотвориша силу: ты же предъуспѣла и превознеслася надъ всѣми. Ложнаго угожденія и суетныя доброты нѣсть въ тебѣ: жена бо разумная благословена есть, страхъ же Господенъ сія да хвалитъ. (*) Сіе изображеніе не есть ли совершеннѣйшее и пріятнѣйшее изображеніе любви достойной супруги? И какую заслугу должны себѣ дѣлать матери изъ того, чтобъ воспитать дочерей такихъ! да благословенна будетъ рука, которая сихъ для васъ, мои слушатели, воспитываетъ; гдѣ бы то ни было, въ палатахъ или въ хижинахъ! конечно дражайшіе пріятели, благонравной, непорочности исполненной и трудолюбивой юноша имѣетъ наибольшее право обѣщать себѣ радость благополучнаго супружества.

ДВАДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ УЧЕНІЕ.

О должностяхъ въ разсужденіи Бога, яко источника всѣхъ другихъ должностей.

Слушатели мои, я заключаю свои ученія краткимъ начертаніемъ должностей въ разсужденіи Бога, какъ онымъ научаетъ насъ естественный законъ; ибо безъ сего сколько бы многаго не доставало въ нравоученіи? Оно бы было изображеніе безъ жизни, пригожее тѣло безъ души.

Всѣ

(*) Притч: Сол: 31. 11. 12. 25. 30.

Всѣ должности, какъ мы при вступленіи во нравоученіе показали, всѣ должности въ разсужденіи насъ самихъ, и въ разсужденіи людей, нашихъ братьевъ, должны свою жизнь и свою пищу изъ понятій Высочайшаго и Святаго существа, изъ добровольнаго и подобающаго покоренія правиламъ разума и совѣсти яко Его приказаніямъ, получать, когда онѣ свое надлежащее достоинство, какъ истинныя добродѣтели имѣть должны. Ежели представить исполненіе общественныхъ должностей безъ соединенія съ божескими намѣреніями и приказаніями, что они тогда? Искусно сдѣланные часы, которые чрезъ пружину корыстолюбія, самолюбія и гордости столь долго двигаются, покуда наша выгода то приказываетъ.

Ежели нѣтъ Бога, или нѣтъ правосуднаго и святаго Бога, и нѣтъ безсмертія души: то добродѣтель есть пустословіе. Я говорю еще болѣе, ежели нѣтъ Бога, которой примѣчаетъ сердце и дѣйствія людей: то добродѣтель есть глупость и щастливой порокъ мудрости; и долго желанія своихъ похотей безъ наказанія исполнять, долго жить безчеловѣчно, есть наилучшее нравоученіе, которому слѣдовать можно.

Наистрашнѣйшее начертаніе человѣка есть не признавать Бога, или по крайнѣй мѣрѣ, не хотѣть признавать святаго Бога, и Ему покланяться. Развѣ не возможно, чтобъ разсуждать о небѣ и землѣ, о чудесахъ премудрости, могущества и благости, которыя они нашимъ очамъ представляютъ, о ихъ порядкѣ и красотѣ, о

ихъ пріятности и пользѣ, и однакожъ не признавать Бога? Не можно ли тому статься, чтобъ вѣрить своему бытію, чувствовать въ себѣ размышляющей духъ, къ благополучію горящее сердце, говорящую совѣсть, чудесное тѣло носить, и миліоны предметовъ видѣть учрежденные для своихъ нуждъ, и однакожъ не признавать Мудраго и Всемогущаго и Святаго Начальника свѣта, и на мѣсто Его поставлять случай, слѣпой рокъ?

О тебѣ, источникъ жизни, все свидѣтельствуетъ; однако напрасно ищетъ тебя безбожникъ и съ упорностію думаетъ, что нѣтъ Бога! и помышляетъ, (о дерзость его чела!) и помышляетъ въ головѣ о томъ, которая ему о семъ размышляющему противорѣчитъ. Самой языкъ, которымъ онъ дерзаетъ и изрѣкаетъ, о чемъ онъ дерско помышлялъ, доказываетъ, когда онъ то говоритъ, сколь слѣпымъ онъ дѣлаетъ себя умышленно.

Кого бытіе свѣта и самого себя, его собственное свѣденіе, его чувствованіе добра и зла, надежда и страхъ будущаго, которыя въ его сердцѣ впечатлены, не могутъ увѣрять о Высочайшемъ существѣ, для того всѣ другія доказательства тщетны.

Принимать Бога, въ Немъ всѣ совершенства соединять, и однакожъ притомъ жизнь своей души только на нѣсколько минутъ, только на краткіе часы своего бытія на землѣ ограничивать, значитъ достойное поклоненія понятіе всего совершенства порочить, и объ немъ уничтожительнымъ образомъ разсуждать. Не безсмертна ли

моя

моя душа? Пускай сомнѣвающійся помрачаетъ сей вопросъ толь многою темнотою, и пускай ученой философъ рѣшитъ оной съ глубокомысліемъ; Богъ оной для сердца чрезъ непринужденное желаніе къ безсмертію съ ясностію и извѣстностію рѣшилъ, которую можно чувствовать. Слушатели мои, школьное доказательство о безсмертіи души, которое производятъ изъ ея естества, конечно имѣетъ свое достоинство, котораго мы у него отнимать не хотимъ. Оно можетъ нѣкоторыхъ, кои къ размышленію способны и склонны, увѣрить, однакожъ у тѣхъ ни малаго успѣха показать не можетъ, которые свой разумъ мало употреблять могутъ; и нѣтъ ли большей части людей такихъ? Но какъ? Отвѣтъ на вопросъ, которой для всего человѣческаго рода есть наиважнѣйшій, соединенъ ли съ глубокомысліемъ философіи? Безсмертна ли твоя душа? Ты спрашиваешь и сомнѣваешся? Чистосердечно уклоняйся порока, и только представляй Бога столь милостивымъ, какимъ ты своего благороднѣйшаго друга представляешь, и не будешь болѣе сомнѣваться. Будь добродѣтеленъ, и представляй Бога, какъ ты правосуднаго и милостиваго отца представляешь, которой имѣетъ власть своего сына ощастливить и наказать; и ты подлинно будешь знать, безсмертна ли твоя душа. Будь благочестивъ! и тогда спрашивай себя, перестанешь ли быть? Порокъ страшится вѣчности, потому что онъ принужденъ Бога бояться рабски; и для того онъ мало помышляетъ о Богѣ, потому что онъ не можетъ никакого дѣлать требованія на его безконечную благость. Будь благоче-

стивъ! и помышляй о безконечной силѣ твоего Создателя; тогда представляй существо твоей души дѣлимымъ или не дѣлимымъ; ты о томъ извѣстенъ, что всемогущество вѣчно оное сохранить можетъ. Будь благочестивъ! и то тебѣ будетъ не понятно, какъ безконечно Милостивый можетъ уничтожить твою душу.

Искренное и непорочное сердце въ свѣденіи о своихъ чувствованіяхъ и желаніяхъ имѣетъ твердыя доказательства для безсмертія; оно имѣетъ будто какъ свою логику чувствованій; и ему есть гораздо прелестнѣйшимъ размышленіемъ, безконечно щастливымъ быть, нежели чтобъ оно себѣ напротивъ того производило или позволяло сомнѣніе. Ежели изъ скромности усумнишся, заслужилъ ли, безконечно жить: то спроси себя, чрезъ что ты заслужилъ здѣсь на землѣ жить. Что я теперь нахожусь, есть незаслуженное благодѣяніе милостиваго Творца; что я пребывать буду, безъ того чтобъ престать, есть также на заслуженное благодѣяніе Всемилостиваго, которой никогда не можетъ опасаться, почерпать изъ сокровищъ своего блаженства, когда онъ дозволяетъ мнѣ оными вѣчно наслаждаться. Непонятность продолженія нашей души послѣ разлученія съ тѣломъ можетъ насъ по крайнѣй мѣрѣ безпокоить. Понимаемъ ли мы способъ и образъ, какъ Богъ душу съ тѣломъ столь тѣсно соединить могъ? Отваживается ли кто нибудь защищать, что Ему трудно будетъ, оную безъ тѣла дѣйствительно хранить съ такимъ же могуществомъ, съ какимъ Онъ ее сотво-

рилъ

рилъ и съ тѣломъ соединилъ? Мы въ Богѣ и въ себѣ довольно находимъ доказательствъ, себя увѣрить, что Онъ послѣ краткой жизни не конца нашего бытія, но безсмертія нашего хочетъ; и просвѣщенный разумъ можетъ въ себѣ чрезъ сіи доказательства охотно возбудить вѣру, которая ему и Богу честь приноситъ. Ежели бы наше безсмертіе было заблужденіе, а уничтоженіе нашей души истинна: то бы сіе былъ единственной удивительной случай, гдѣ бы заблужденіе разумныхъ было истинною, и гдѣ бы для покоя хорошаго се́рдца несравненно лучше было, заблуждать, нежели принимать истинну. Хотя это только возможно или вѣроятно, что душа будетъ продолжаться, что она безконечно будетъ благополучна или не благополучна, и хотя противное сему столь же возможно или вѣроятно: однако требуетъ наша выгода такъ жить, какъ когда бы первое было истинна, а другое со всѣмъ ложь. Ежели я послѣ смерти впадаю въ мое первое *ничто* (страшное разсужденіе!) то тогда не буду знать, что я заблуждалъ. Ежели я пребываю; то я несравненно благополученъ, что на землѣ жилъ для вѣчности. По истиннѣ, отвергать безсмертіе, есть для се́рдца столь же пагубно, сколь отвергать самаго Бога; и въ смерти престать, на Бога надѣяться, кажется быть приказаніемъ, что мы его въ сей жизни почитать не должны. Ежели я только для сего свѣта сотворенъ, ежели мое благополучіе и неблагополучіе, моя награда и наказаніе въ сей жизни заключены: то я уповаю (ежели то можно сказать безъ грѣха) при осторожномъ порокѣ болѣе

чувствовать радости, нежели при строжайшей добродѣтели. (*)

Наши чувствованія сообразуются представленіямъ нашего разума. И такъ чѣмъ справедливѣе и живѣе будутъ наши понятія о совершенствѣ и величествѣ Божіемъ; тѣмъ чище и усерднѣе будетъ поклоненіе нашего сéрдца ко Всемогущему. Бога за всемогущее, пресвятое, преблагое, премудрое и пресовершенное существо, за отца и содержителя всѣхъ духовъ и всей плоти признавать, Его яко высочайшаго правителя всѣхъ случаевъ почитать, въ Немъ всегда настоящаго свидѣтеля нашихъ дѣйствій, да и самыхъ сокровеннѣйшихъ движеній нашего сéрдца познавать, Его яко подателя всякаго блага, яко вѣчнаго друга добродѣтели и вѣчнаго святаго судію порока почитать, со увѣреніемъ почитать; и однакожъ къ Нему никакого покоренія, никакихъ движеній благодарности и почтенія, любви и упованія, никакого желанія Ему нравиться, никакой гнусности Ему не нравиться, не чувствовать, сіе противорѣчитъ себѣ; и человѣкъ, которой пре-

(*) Яснѣйшее и кратчайшее доказательство о безсмертїи души только въ вѣрѣ содержится. Богъ объ ономъ въ своемъ словѣ сказалъ. Онъ не можетъ лгать; Онъ одинъ можетъ то знать; сїе понимаетъ и простѣйшей разумъ. И что всѣ сомнѣнїя и противоположенїя могутъ сдѣлать противъ божественной важности его слóва, которому я вѣрю? Для того и вѣра Христїанскаго закона есть важнѣйшая должность, потому что она есть послушанїе, которое я показываю Богу разумомъ. Для того напротивъ того невѣрїе есть наивящщей грѣхъ, потому что оно есть оскорбленїе божескаго величества, источникъ безчисленныхъ пороковъ и плодъ необузданности и злаго сердца.

преподаетъ познаніе своего Творца, и однакожъ ничего не чувствуетъ въ разсужденіи его, не заслуживаетъ имѣни человѣка.

И такъ извѣстнѣйшій путь, добродѣтельныхъ и блаженныхъ чувствованій сердца въ разсужденіи Бога достигать, есть путь познанія Бога и Его воли. О божественныхъ совершенствахъ столь высоко разсуждать, сколько только можно, сіе высочайшее изображеніе божественныхъ совершенствъ въ своемъ разумѣ каждой день возобновлять, и его достойныя понятія всегда у себя настоящими хранить стараться, сіе есть источникъ всѣхъ святыхъ чувствованій въ разсужденіи Бога, и купно, какъ мы прежде сказали душа всѣхъ общественныхъ добродѣтелей. Бога познавать, сіе должно быть первою должностію, и всегдашнее продолженіе сей должности высочайшимъ блаженствомъ. Мы не можемъ Бога представить никогда великимъ, никогда любви достойнымъ. Въ понятіи объ Немъ все должно быть совокуплено, что только называется совершеннымъ, все, что намъ разумъ яко любви достойнымъ похваляетъ, что намъ твореніе и содержаніе свѣта великимъ и благимъ представляетъ. Ибо небо и земля возвѣщаютъ намъ Его великость и благость. О нихъ свидѣтельствуетъ каждая звѣзда на небѣ, каждое растеніе на землѣ, каждая капля въ морѣ, каждое біеніе нашего сердца, каждое чувствованіе, каждая мысль нашей души, каждой тайной попрекъ нашей совѣсти, каждая внутренняя радость сдѣланнаго добра; Его великость и бла-

гость познавать требуетъ отъ насъ каждой чудесной слѣдъ Его премудраго правленія, каждое доказательство Его безмѣрной любви, каждой знакъ Его правосуднаго смотрѣнія. Не всю сію великость и благость, какую только вмѣстѣ представить можно, въ понятіи о Богѣ соединять, не всѣ совершенства Ему приписывать и всѣ совершенства не въ равной безконечности, сіе значитъ не достойно разсуждать о Богѣ. Его болѣе милостивымъ, нежели правосуднымъ, или болѣе строгимъ, нежели милостивымъ, Его менѣе могущимъ, нежели мудрымъ, Его вѣчнымъ и однакожъ Его волю не непремѣняемою представлять, сіе есть не то же ли, что и Бога безчестить, Его съ самимъ собою дѣлать не согласнымъ, Его даже до человѣка унижать? Въ сей нещастливой порокъ, Богу свойства человѣческаго начертанія приписывать, Его подъ несовершеннымъ изображеніемъ хотя могущаго, мудраго и милостиваго, однакожъ земнаго правителя представлять и почитать, впадаютъ можетъ быть только многіе смертные, часто и сами добросердечныя души.

Изъ разсужденія, изъ внимательнаго разсматриванія Его безчисленныхъ и премудрости исполненныхъ дѣйствій и насъ самихъ должны естественнымъ образомъ происходить *почтеніе и удивленіе*. Кому, такъ размышляетъ разумной человѣкъ, кому долженъ я покланяться и кого почитать и паче всего почитать, развѣ Господа надъ всѣмъ? Я, тварь отъ вчерашняго времени, которая за нѣсколько прежде не была, я житель сей не отъ меня созданной землй, я зритель

столь

столь многихъ чудесъ, которыя вездѣ предо мною находятся, я живущая пыль, я размышляющая и хотящая душа, кто сотворилъ меня? Для чего люблю я? Для чего я не навижу? Для чего надѣюсь и боюсь? Кто меня такъ пріуготовилъ, что мнѣ вмѣстны безчисленныя веселыя чувствованія? Кто и какъ сохраняетъ меня, и всѣ предмѣты моей души и чувствъ? Кто онъ есть? Всемогущій! Онъ мой Богъ, мой Господь, мой правитель, мой ежедневной благодѣтель и другъ, мой отецъ, Онъ, которой во мнѣ нужды не имѣетъ и обо мнѣ столь тщательно печется, какъ бы я былъ Его одно дитя! и я Его не долженъ ли почитать; Его святаго бояться; Его волю изслѣдывать и дѣлать своею; когда Его воля должна быть блаженнѣйшею? Онъ, море блаженствъ благости и премудрости! и я Ему не долженъ ли удивляться, Его любовь, паче всего любить, когда Онъ ничего хотѣть не можетъ, какъ моего благополучія; когда Онъ, будучи отдаленъ отъ корыстолюбивыхъ благодѣяній, въ намѣреніи, чтобъ купить мои старанія чрезъ то, безконечно есть высокъ? Онъ знаетъ меня, и самое внутреннее моей души, и всѣ мои случаи отъ вѣчности. Онъ видитъ, желаюль я Ему нравиться и стараюсь ли; Онъ видитъ мои чистосердечныя, хотя слабыя старанія въ добродѣтели. Онъ знаетъ, что мнѣ полезно; Онъ знаетъ, что мое благополучіе возмущаетъ; Онъ управляетъ худое къ благополучію. Онъ господствуетъ какъ Богъ, какъ мудрой, святой и благой. Кому я долженъ свою судьбину безопасно поручить, какъ Ему? Отъ кого я долженъ своего

покоя, своего спасенія съ упованіемъ ожидать, какъ отъ Его рукй? Что Онъ мнѣ ниспосылаетъ, хотябъ я имѣлъ образъ бѣдности, будетъ благополучіемъ. Что Онъ на меня попускаетъ, и хотя бы то моему желанію было очень противно, будетъ въ слѣдствіи для меня благополучіемъ, какъ то у Него есть любовь. Пускай то будетъ неспокойствіе! пускай потеря! потеря, которая утѣснитъ сердце, потеря наиприятнѣйшихъ предмѣтовъ, потеря жизни! я уповаю на Него, и покоряю себя въ смиреніи Его милостивымъ судьбамъ, и всѣмъ совѣтамъ Его премудрости. Онъ есть Господь, и сей Господь есть Богъ, есть пресовершеннѣйшій! въ Его всемогущей рукѣ я есмь безопасенъ, и Его благость въ вѣкъ вѣка есть моя бодрость. Сколь долго я Его боюсь, то я ничего не долженъ опасаться; въ моемъ гробѣ поспѣваю я къ своему второму рожденію; и гдѣ бы мой духъ послѣ смерти ни былъ: однако я знаю, что онъ всегда будетъ у Бога; ибо Богъ есть вездѣ.

И такъ *благочестіе сердца* предполагаетъ справедливую и святую вѣру въ Бога изъ разума, такъ какъ сія вѣра предполагаетъ справедливыя и достойныя представленія о Богѣ, о Его бытіи, о Его совершенствахъ и о Его воли, которую Онъ въ слѣдствіе сихъ совершенствъ, нами совершенно знаемою быть желаетъ. Ежели *разпратятъ понятія о Богѣ*: то наше сердце будучи на стезе добродѣтели весьма скоро сшибется на путь заблужденія, то суевѣріе вмѣшается въ наше благочестіе, то вѣра будетъ покрываломъ нашихъ

шихъ страстей. Но ежели со всѣмъ погашаютъ чувствованіе *любви*, *благодарности и упованія* на Бога въ сердцѣ человѣковъ: то его добродѣтель бываетъ голымъ изображеніемъ тѣни, то въ нашей душѣ не достаетъ того, что ей приноситъ ея истинное и наивящщее достоинство, то не достаетъ у нашего безконечнаго желанія, быть благополучными, главнаго предмѣта, то къ нашему благополучію не достаетъ всего, потому что у се́рдца не достаетъ высочайшаго блага, безконечнаго. Еще не довольно. Ежели погашаютъ любовь Бога въ душѣ: то благородное человѣколюбіе купно будетъ погашено, и наивящщее побужденіе къ добродѣтели будетъ самолюбіемъ и пустотою, и наше все достоинство съ сей стороны̀ будетъ состоять въ искусствѣ, лучшими казаться, нежели какъ мы находимся, и въ проворствѣ, другихъ къ нашему корыстолюбію дѣлать готовыми.

И такъ *вѣра* въ безконечно совершенное существо есть *первая должность* мыслящей твари; потому что въ высочайшей степени не разумно есть видѣть великое доказательство своего бытія, все богатство естества предъ собою разпростертое, и одинакожъ не познавать Творца. Она есть первая *должность* и еще для того, что ничто столько наше сердце успокоить, и наше благополучіе утвердить не можетъ, какъ извѣстность, что мы подъ защищеніемъ и правленіемъ божескаго промысла находимся. Она есть такою не менѣе и для того, что вся истинна разума и вся святость се́рдца на семъ

осно-

основанiи познанiя лежитъ. Сколь долго мы сего Бога чисто и живо представляемъ благостiю, премудростiю и всевѣденiемъ, святостiю, могуществомъ, источникомъ нашего бытiя и нашего блаженства, столь долго мы себя представляемъ въ различныхъ отношенiяхъ, въ которыхъ мы къ его совершенствамъ находимся: сколь долго должны чувствовать желанiе, Ему нравиться, и Его быть достойнымъ, столь долго должны чувствовать желанiе Его волю изслѣдывать и наблюдать, и то, что мы отъ Него получили, хотя бы то была сила души, сила тѣла или употребленiе внѣшнихъ благъ, которыми Онъ насъ ощастливилъ, по Его вѣчному намѣренiю употреблять.

И такъ *сiе представленiе* есть основанiе всякаго послушанiя, и любовь къ Богу, которая изъ разсужденiя о Его благости и Его могуществѣ для нашего благополучiя происходитъ, есть душа охотнаго, чистосердечнаго и продолжительнаго послушанiя. Кто имѣетъ справедливое и живое познанiе о Богѣ, тотъ Его и будетъ почитать и любить и превосходно паче всего любить, но Бога любить, и для того Его волю яко блаженнѣйшею признавать; признавать, что всѣ люди суть великое семейство Всемогущаго, проникать, что сiи люди съ нами отъ Него опредѣлены къ равному концу т. е. къ благополучiю; и сихъ людей не любить, въ ихъ благополучiи не брать участiя, ихъ бѣдствiя не уменьшать, и однакожъ ихъ благополучiе почитать за волю божiю, сего не можно представить. И такъ *истинное добродѣтельное человѣколюбiе* есть необходимой и свя-

святой плодъ почтенія и любви Бога. Бога паче всего почитать и любить, и однакожъ склонности къ себѣ самому божеской волѣ, которую спознали, не покорять, оныя по правилу Его предписанія не учреждать и не умѣрять, того, что намъ разумъ и совѣсть справедливымъ и хорошимъ объявляютъ, не дѣлать, что они несправедливымъ и худымъ извѣщаютъ, не оставлять, сто противорѣчитъ себѣ. И такъ ежели наше сердце дѣйствительно любитъ Бога, то оно не будетъ себя любить не умѣренно, то оно будетъ стараться споспѣшествовать своему благополучію по чертежу божества, и съ онымъ совершенно будетъ согласно. Оно въ благосостояній другихъ будетъ находить пищу своей радости, и въ сихъ чувствованіяхъ себя щастливымъ почитать, потому что оно отъ руки божіей къ тому изображено, и о томъ свѣдуще, что оно къ тому изображено.

И такъ ежели бы мы были такими, какими по отношеніямъ, въ которыхъ съ безконечнымъ находимся, быть должны: то бы всегда въ нашемъ сердцѣ должно было находиться *глубочайшее покореніе* и *сыноннее послушаніе.* Сіе слѣдуетъ изъ понятія о Богѣ и себѣ. *Святой страхъ* долженъ былъ въ насъ раждаться и насъ удерживать отъ всѣхъ неблагородныхъ намѣреній и дѣйствій; сколь часто мы разсуждали о святости Господа всѣхъ Господствующихъ. Сколь бы часто мы помышляли о его благости, должно бы было раждаться въ насъ живое желаніе, Его, когда мы чрезъ свои старанія никогда не можемъ ничего придать къ Его

благо-

благополучію, по крайнѣй мѣрѣ чрезъ наше удивленіе и чрезъ нашу радость о Его благости, прославлять, и съ симъ желаніемъ купно чувствованіе нашего недостоинства, то есть, *благодарность и смиреніе*. Сколь бы часто мы разсуждали о Его благости въ соединеніи со всемогуществомъ и всевѣденіемъ: то бы въ насъ должна была раждаться добродѣтель *упованія и порученія во всѣ Его судьбы* безъ выключенія; въ опасностяхъ жизни и добродѣтели *веселой и бодрой духъ*; въ страданіяхъ и злоключеніяхъ жизни кротость и *терпѣніе*, или стараніе души, препятствовать естественному негодованію, и въ отношеніяхъ безконечнаго покоиться, потому что онъ есть Богъ и нашъ отецъ. Сколь бы часто мы чувствовали любовь божію, должны бы были чувствовать и *движеніе человѣколюбія*, радость о благополучіи другихъ, сострадательство въ ихъ бѣдствіи, и желаніе, чтобы всѣ люди по волѣ вѣчнаго были благополучны. Сколь бы часто приходилъ случай, гдѣ бы любовь къ нашему ближнему ограничивало наше самолюбіе: то бы мы чрезъ разсужденія о божественныхъ совершенствахъ и особенно о Его великодушной и прощающей любви къ человѣкамъ получали побѣду надъ нашимъ самолюбіемъ. Сколь бы часто былъ случай, чтобъ наша естественная любовь уступала любви къ Богу: то бы мы чрезъ воззрѣніе на безконечное величество и любви достоинство Бога получали силу къ сей побѣдѣ.

Но кто можетъ похвалиться такимъ составомъ склонностей, или толь совершенною добродѣте-

дѣтелію? Кто можетъ похвалиться, что онъ такую добродѣтель всегда во всѣхъ случаяхъ доказываетъ? Кто не усматриваетъ, взирая на свое сердце и на свои поступки, тысячу явныхъ и тайныхъ уклоненій отъ правила совѣсти и отъ каждаго состава склонностей, которой основывается на познаніи Бога? И слѣдовательно какъ мы при нашихъ недостаткахъ, порокахъ и глупостяхъ можемъ понравиться святому оку Божію? Какъ можемъ, когда погрузились въ какой нибудь порокъ, во многія, въ продолжаемой порокъ, пятно душѣ утаить предъ Богомъ? Сіе есть трудной и высочайшимъ образомъ важной вопросъ. Ибо сколь прекрасно блистаетъ добродѣтель въ составленномъ ученій разума, столь мало сего блистанія она имѣетъ въ нашемъ сердцѣ или въ нашей жизни; и великое различіе есть о добродѣтели справедливо разсуждать, и самую добродѣтель имѣть; добродѣтели въ изображеніи удивляться, и въ самомъ дѣлѣ исполнять; добродѣтель любить, сколь долго наши страсти суть спокойны, и добродѣтель любить, когда мы ей пріятныя чувствованія, часто сладчайшія, которыя природа познаетъ, на жертву приносить должны. Великое есть различіе, каждыя добродѣтельныя дѣйствія имѣть; и напротивъ того чувствовать склонность, охотное живое намѣреніе всегда вездѣ, во всѣхъ отношеніяхъ свою должность наблюдать, по крайнѣй мѣрѣ превосходную любовь къ познанному добру чувствовать и сохранять.

Поврежденной разумъ, когда онъ при своемъ учиненномъ непослушаніи хочетъ избѣжать отчаянія, никакого средства не имѣетъ, какъ

пека-

покаянія естества, т. е. прибѣжища къ благости Божіей чрезъ раскаяніе и исправленіе. Ежели намъ Богъ не показалъ другаго пути чрезъ особенное откровеніе: то вѣроятно, что Онъ покаяніе разума приказываетъ и принимаетъ, потому что извѣстно, что никто во всякое время, и во всѣхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ размышленіяхъ и склонностяхъ Его воли такъ не исполняетъ, не только какъ онъ долженъ былъ, но и какъ бы онъ могъ, когда бы онъ всегда при оныхъ бодрствовать хотѣлъ.

Но откуда мы получаемъ *силы и охоту*, *представленія о Богѣ и нашей должности* всегда *настоящими хранить*, *позобнолять*, и *наше сердце употреблять*? Не часто ли бываемъ къ тому весьма не склонны? Не часто ли чувствуемъ безсиліе, оныя въ нашемъ разумѣ впечатлѣть, и наше сердце, когда нашъ разумъ въ сихъ разсужденіяхъ трудится, не часто ли остается холоднымъ? Сіи опыты не оспоримы, они суть плачевны и смиряющія насъ, и должны насъ отъ того же упованія на себя самихъ отвлѣкать, и вести ко упованію на всемогущую помощь нашего Создателя и Отца. Сіе сказываетъ намъ разумъ. Слѣдовательно онъ сказываетъ, что мы помощь, которая намъ нужна, и которой мы требуемъ, ожидать должны отъ того, которой намъ въ ней отказать не можетъ; потому что онъ есть Богъ, и наше благополучіе любитъ. Разумъ требуетъ, чтобъ мы возбуждали искренное желаніе къ Его помогающей рукѣ, надежное желаніе чрезъ вѣру въ Его благость утверждаемое. Ежели мы

сіе желаніе, въ мысляхъ или словахъ возводимъ къ самому Богу, то покланяемся Ему яко источнику всѣхъ совершенствъ. Поелику можно сказать, что вѣра въ Бога предписываетъ и молитву сердца, и понеже наши представленія безъ знаковъ словъ не могутъ долго и живо сохранены быть, и словесную молитву; не для того будто бы Богъ чрезъ нашу молитву особенно къ помощи былъ преклоняемъ, но что молитва намъ вдыхается отъ любви и упованія на Него. Когда наконецъ Богъ любитъ добродѣтель, а отъ порока непремѣняемое отвращеніе имѣетъ; то душа, которая сему вѣритъ, должна вѣрить и наградамъ и наказаніямъ отъ божества здѣсь въ сей жизни, и понеже она вѣритъ своему безсмертію, вѣрить и наградамъ и наказаніямъ въ другомъ вѣчномъ свѣтѣ. Сильное побужденіе къ добродѣтели для твари, которая отъ Бога незагладимымъ страхомъ предъ всѣмъ бѣдствіемъ оживляется! что безконечно благополучными чрезъ помощь Божію можно сдѣлаться; какое убѣждающее побужденіе къ послушанію! изъ Его благоволенія совсѣмъ изключеннымъ, безконечно бѣднымъ и наказываемымъ быть и остаться; какое побужденіе, прелесть всякаго порока презирать, а добродѣтель превосходно любить!

Сіе, слушатели мои, сокращеніе практической богословіи разума. Она ведетъ насъ къ богословіи откровеннаго закона. Для того она есть драгоцѣнна, для того она есть вѣчная истинна Христіанскаго закона: *приходящему къ Богу* или желающему познать путь Христовъ и въ оной вступить, *вѣровати* (прежде) *подобаетъ*, *яко есть, и изыскающимъ его мздопоздаятелъ бы-*

наетъ; (*) и что *по всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть*, (**) Ему, когда онъ по гласу разума и совѣсти почитаетъ Его и исполняетъ добродѣтель, на такомъ пути столь долго пріятенъ, пока Онъ ему чрезъ божественное написаное откровеніе не сообщаетъ чистѣйшихъ приказаній. (***) И что *Богъ* тѣхъ, кои безъ

(*) Евр. 11. 6.

(**) Дѣян. 10. 35.

(***) Это есть извѣстное и весьма обыкновенное злоупотребленіе сего мѣста, когда его такъ принимаютъ, будто бы въономъ доказываемо было, что Богу во всѣхъ законахъ пріятно служить можно, и во всякой случай отнять честь у христіанства. Сколь далекъ былъ отъ сего неправаго толкованія покойный *Геллертъ*, сіе доказываетъ какъ связь и намѣреніе, съ которымъ онъ сіе мѣсто приводитъ, такъ и самое объясненіе, которое онъ присовокупилъ. Онъ, какъ изъ всего сего явствуетъ, хотѣлъ только то сказать, что Богъ невѣденіе въ божественныхъ вещахъ, которыхъ и не заслуживаютъ, не вмѣнитъ, но что онъ горазло болѣе на слѣдствіе, съ которымъ человѣкъ, еще не знающій Христіанскаго закона, однако поручаетъ себя руководству полученнаго свѣта или по изреченію Богослововъ, начертанію предходящей благодати, съ благоволеніемъ призирать будетъ. Вообще и въ семъ изреченіи священнаго писанія не есть рѣчь о *всякихъ вѣрахъ*; но о *всякихъ народахъ*, не о *блаженствѣ* или о умилостивленіи, но о *званіи къ Христіанской церькви*. И такъ *Богу пріятенъ* здѣсь не значитъ, будто бы онъ *съ Богомъ примирился*, но только то, что *Богъ приходящаго съ благоволеніемъ принимаетъ*. И потому разумъ сего мѣста не есть такой, будто бы и кромѣ истиннаго откровеннаго закона, и со всѣмъ въ ложномъ законѣ могъ Богу пріятенъ быть; ибо Іудеянинъ, которой казался

безъ откровеннаго *закона согрѣшили*, безъ откровеннаго *закона и судитъ будетъ*, то есть по закону разума и совѣсти. (*) Слѣдовательно естественный законъ руководствомъ служитъ къ Христіанскому закону. И въ чемъ же состоитъ честь и преимущество сего закона? „ Въ томъ (какъ говоритъ *Скпирь*) что насъ священное писаніе, „ а особливо Евангеліе о различныхъ отношеніяхъ, „ въ которыхъ мы къ Богу, яко своему создателю, содержителю, спасителю и всегдашней помощи въ нашемъ теченіи къ совершенству и „ блаженству находимся, совершенно научаетъ. „ Въ томъ, что намъ въономъ вся наша должность ясно представляется, и что мы всегда „ знать можемъ, какая есть благая и благопріятная воля нашего верховнаго Господа и повелителя; „ въ томъ, что оно еще чрезъ покаяніе и вѣру наше сердце перемѣняетъ, освящаетъ, и вооружаетъ охотою и силою къ добру; „ въ томъ,

 „ что

казался имѣть справедливой законъ, и хвалился тѣмъ, былъ тогда отъ истиннаго свѣта спасительнаго ученія почти столь далекъ, сколь язычникъ. Мы гораздо болѣе чрезъ сіи слова научаемся; что хотя бы не былъ природной Іудѣянинъ, однакъ, когда только истинно старается поступать по полученнымъ проницательствамъ, не только удостоевается божественнаго званія благодати, но и отъ божественнаго провидѣнія, такъ какъ Корнелій, къ тому по особенному со всѣмъ пути водимъ бываетъ; ибо Богъ помогаетъ тѣмъ, которые данный имъ въ разумѣ и совѣсти талантъ хорошо употребляли, въ познаній вещей божественныхъ болѣе, и отъ темнаго свѣта естества приводитъ ихъ къ ясному свѣту откровенія.

(*) Рим. 2. 12.

„ что мы чрезъ оное имѣемъ сильнѣйшія побуди-
„ тельныя причины благодарности и собствен-
„ ной выгоды жить по закону естества и прика-
„ заніямъ Евангелія; и напослѣдокъ въ томъ, что
„ мы утѣшительное имѣемъ упованіе, что нашъ
„ милосердый и благій Отецъ, наши чистосерде-
„ чныя, хотя несовершенныя старанія ему слу-
„ жить и нравиться въ смерти и чрезъ смерть,
„ искупленіе, и ходатайство своего Сына Іисуса
„ Христа приметъ и для Него насъ вѣчными сдѣ-
„ лаетъ. И такъ наилучшей Христіанинъ дол-
„ женъ быть наилучшей человѣкъ, и слѣдователь-
„ но разсуждаемый вообще долженъ быть благо-
„ получнѣйшимъ человѣкомъ теперь и въ вѣчно-
„ сти." Сіе есть высокое преимущество христі-
анства предъ закономъ разума.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ, слушатели мои, заключаю теперь свое нравоученіе; и чѣмъ инымъ могу заключить, какъ чувствительнѣйшею благодарностію за ваше доселѣ бывшее вниманіе, и искреннѣйшимъ желаніемъ, чтобы оно вамъ во всю вашу жизнь было спасительно? Дай Боже, чтобы я всегда въ семъ благородномъ намѣреніи, всегда съ своимъ живымъ увѣреніемъ о истиннѣ, всегда для споспѣшествованія и чести вѣры и добродѣтели къ вамъ говорилъ, и съ щастливымъ успѣхомъ говорилъ.

Но, дражайшіе пріятели, ежели бы я теперь заключая свое нравоученіе, еще просилъ о благодарности, которая въ вашей состоитъ власти; о благодарности, которая съ вашимъ собственнымъ благополучіемъ соединена; о благодар-

ности, которую я величайшимъ благодѣяніемъ отъ васъ и утѣшеніемъ моей жизни почитаю: отказалилиль бы мнѣ въ оной? Подлинно нѣтъ. Такимъ образомъ сего дня отъ всѣхъ васъ, наилучшіе слушатели, иностранные и здѣшніе, высокіе и нискіе рожденіемъ, требую благодарности, въ которой вы мнѣ не откажете. И въ чемъ же состоитъ она? Въ томъ:

Чтобы вы часто напоминали главное содержаніе моего нравоученія, часто и каждой день напоминали сію истинну, что единой надежной путь къ спокойной, благополучной и довольной жизни, къ утѣшительной и блаженной смерти, есть премудрость и добродѣтель, вѣра и совѣсть, что человѣкъ не иначе можетъ становиться благополучнымъ, какъ когда онъ спасительное ученіе естественнаго и откровеннаго закона дѣлаетъ ежедневною пищею своего духа, и его приказанія тщательно исполняетъ, что, чѣмъ заблаговременнѣе онъ начинаетъ, тѣмъ оной становится ему легче и пріятнѣе; что то есть наше благополучіе, что намъ Богъ сдѣлалъ должностію. И такъ всегда напоминайте, что *юнѣйшій*, такъ какъ старикъ, только тогда можетъ *исправить путь, когда будетъ поступать по заповѣди Божіей.* (*) Дѣлайте, чтобы вся ваша жизнь юношеская и мужеская была видимымъ, ежедневнымъ Христіанскимъ прекраснымъ нравоученіемъ. Сего ради каждой день старайтесь съ наибольшимъ напряженіемъ и ревностію.

Но хотя наши старанія суть нужны, однако никогда не можемъ чрезъ силы разума и есте-

(*) Псал. 118. 9.

ства быть истинно мудрыми и добродѣтельными. По сему началу вѣры и опыта я васъ вездѣ водилъ. Никогда его не истребляйте изъ вашихъ мыслей, пріятели мои. Человѣкъ съ природы немощенъ и растлѣнъ, и никогда не можетъ самъ своей души изцѣлить, и благополучною сдѣлать. Мы силы, искренно дѣлаться добродѣтельными, какъ люди и какъ Христіане должны отъ всемогущаго искать на томъ пути, которой онъ намъ показалъ. Сіе есть главная должность послушанія и вѣры въ нашего Господа и Создателя, и первой шагъ къ нашему благополучію. Чрезъ него сіяніе разума ведетъ насъ къ свѣту откровенія. Мы чрезъ разумъ можемъ многія хорошія дѣйствія произвесть, себя отъ многихъ пороковъ предохранить; но сами свое сердце чрезъ естество не можемъ исправить. И потому истребимъ всѣ ложныя и суевѣрныя понятія о добродѣтели. Она обитаетъ не въ одномъ только разумѣ, не въ каждыхъ хорошихъ дѣйствіяхъ, не на губахъ, не въ движеніяхъ. Она не есть наружная честность, какъ оная важитъ предъ свѣтомъ, не есть лицемѣрная видимая святость, не пустынная меланхолія, не благополучная природа; она есть плодъ премудрости и тщательнаго употребленія оной; она есть высочайшее благодѣяніе, которое намъ Богъ ниспосылаетъ но по степенямъ, но не противъ нашей воли, не безъ разумнаго употребленія учрежденнаго средства.

И потому юноша, *да послушаетъ* высочайшей божественной премудрости *твое ухо, и приложиши сердце твое къ разуму. Аще бо премудрость призовеши, и разуму даси гласъ твой,*

тпой, чувство же взыщеши великимъ гласомъ: и аще взыщеши ея яко сребра, и яко же сокровища испытаеши ю: тогда уразумѣеши страхъ Господень, и познаніе Божіе обрящеши, яко Господь даетъ премудрость, и отъ лица его познаніе и разумъ: (*) истинное живое познаніе премудрости, которое просвѣщаетъ разумъ, и сердце исправляетъ, и къ добродѣтели преспособнымъ дѣлаетъ, производитъ въ насъ превосходную склонность къ добру, живое и всегдашнее намѣреніе, всѣмъ нашимъ должностямъ, поелику онѣ суть всеблагая, пресвятая и преблаженная воля Божія, во всякое время повиноваться; сію высочайшую премудрость ниспосылаетъ Богъ въ наши души чрезъ божественную силу своихъ намъ откровенныхъ истинъ; и сіе есть истинная добродѣтель.

Хотя трудно при толь многихъ искушеніяхъ страстей, при различныхъ прелестяхъ порока, при худыхъ примѣрахъ и положеніяхъ свѣта, исполнять приказанія добродѣтели; хотя мы всегда находимъ новыя препятствія, преодолѣть, новые пороки, недостатки и преступленія разума исправлять: однако мы при всемъ нашемъ несовершенствѣ (и наилучшій человѣкъ остается несовершеннымъ) не должны приходить въ отчаяніе. Будемъ всегда помышлять о сильной помощи, которая намъ обѣщана, о высокихъ побудительныхъ причинахъ добродѣтели, о славныхъ и безконечныхъ наградахъ оной, о ужасныхъ и безконечныхъ наказаніяхъ зла, о смерти, судѣ и вѣчности. Истинная добродѣтель и благочестіе имѣетъ *обѣтованіе живота нынѣшняго*

(*) Притч. Сол. 2. 26.

нѣшняго и грядущаго. (*) И такъ чего мы должны ревностнѣе искать, какъ ее? Что намъ должно быть драгоцѣннѣе, какъ добродѣтель и хорошая совѣсть? Конечно, божественная премудрость не есть непріятельница нашего увеселенія. Никакъ, Христіанский законъ чрезъ то самое, что онъ насъ усмиряетъ, наши сердца исправляетъ, наши желанія ограничиваетъ, насъ къ Богу чрезъ путь покаянія и вѣры ведетъ, чрезъ то самое онъ есть предводитель къ истинному покою и высочеству душй. Онъ дѣлаетъ насъ друзьями себѣ, друзьями людамъ, друзьями Всемогущему, Премудрому и Всеблагому. Можемъ ли еще болѣе желать? Болѣе нежели спокойствія сей жизни и веселости цѣлой вѣчности?

И такъ положимъ, что не легко исполнить должности, приказанія добродѣтели; довольно того, что они къ нашему благополучію суть единственной, надежной, и отверстой путь.

Богъ хочетъ, чтобъ мы были благополучны, для того намъ далъ законы. Они увеселяютъ сердце, они суть сокровища жизни. Онъ говоритъ въ насъ чрезъ разумъ, и говоритъ чрезъ совѣсть, чего мы созданіе его руки, избѣгать или избирать должны.

Его бояться, есть только премудрость, и свободность, оную избирать, скотъ слѣдуетъ оковамъ естества, человѣкъ свѣту душъ. Что есть свойственно духу? Что его званіе на земли? Добродѣтель! что ея награда, ея слава? Богу вѣчно подобною быть!

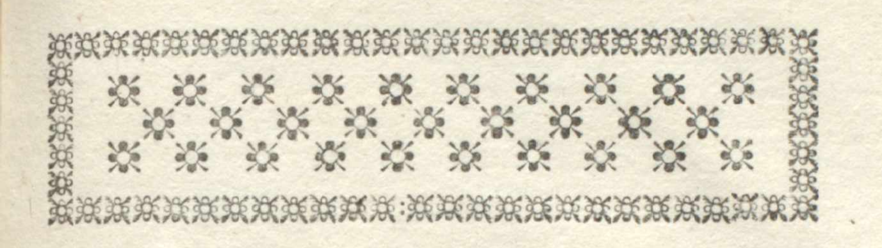
Ниспошли боже сіе блаженство на всѣхъ насъ! да будетъ тебѣ честь и поклоненіе во вѣки!

(*) 1. тим: 4. 8.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

НРАВСТВЕННЫЯ
НАЧЕРТАНІЯ.

ПРАВИЛЬНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ, ВЪ НАЧЕРТАНІИ КРИТОНА ПРЕДСТАВЛЯЕМАЯ.

Въ общежитіи тѣ по большей части называются разумными, благонравными и честными людьми, которые будучи благоразумны и трудолюбивы могутъ свои поступки такъ учреждать, чтобъ получить власть, честь, спокойствія и увеселенія чувствъ, богатства и вольность, дабы можно было жить по своему вкусу.

Критонъ съ двадцать лѣтъ живетъ въ своей послѣ отца доставшейся вотчинѣ безъ фамиліи. Его почитаютъ разумнымъ, трудолюбивымъ и гостопріемнымъ мужемъ, и вся страна называетъ его щастливымъ.

Онъ всегда занятъ, и не имѣетъ времени для безпорядковъ, которые происходятъ отъ праздности. Утромъ пробуждается для присмотру надъ трудами сельской жизни. Всему, что полезно, и прибыльно, учится, предпринимаетъ то прилѣжно, окончиваетъ удачно, всегда болѣе имѣнія достаетъ, покупаетъ поля бѣдныхъ, безъ того чтобъ у нихъ чрезъ скупость насильно вымучить оныя, и въ двадцать лѣтъ свою вотчину умножилъ новыми тремя.

Онъ съ намѣреніемъ никого не оскорбляетъ, платитъ своимъ работникамъ справедливо, и любитъ

битъ украшать церькви въ своихъ помѣстьяхъ. Новой жертвенникъ, новой колоколъ, лучшія органы сдѣлать не почитаетъ за дорого. *Критонъ* есть гостопріименъ. Кто его посѣщаетъ, и любитъ домостроительство, того сажаетъ съ собою за столъ. Сей у него хорошо учрежденъ, не скупо, не роскошно, но по его состоянію. Онъ рѣдко увеселяется охотою. Она похищаетъ дорогое время, и сіе можетъ онъ на лучшее употребить. Онъ заключаетъ договоры, пересматриваетъ свои щоты, понуждаетъ работниковъ, и приказываетъ, какъ онъ говоритъ, для потомства созидать. Здѣсь онъ чрезъ свое тщаніе на неплодоносномъ полѣ заводитъ лѣсъ. Тамъ находитъ каменистую яму, которая для его имѣнія и той страны полезна. Всегда находится въ упражненіи, въ ономъ бываетъ по утру, и вечеру засыпаетъ въ ономъ; и всѣ сосѣди любятъ его ради кроткихъ нравовъ, и называютъ его щастливымъ мужемъ. И что должно похулить въ сей жизни Критона? Не много, какъ кажется. Дай все между собою согласно, и съ извѣстнымъ главнымъ концомъ? Для чего онъ живетъ? За чѣмъ заботится, и помышляетъ, и трудится столь согласно?

Можетъ быть онъ того самъ не знаетъ. Темное чувствіе благополучія предводительствуетъ ему. Ему кажется похвальнымъ, всегда упражняться, болѣе дѣлать, нежели другіе такіежъ, всегда болѣе полей и имѣнія доставать, и знать, что онъ получилъ. Развѣ сіе есть его благополучіе и конецъ, для котораго онъ на свѣтѣ былъ?

Чтобъ знать, дѣйствительно ли Критонъ жилъ для своего благополучія; то очами разума размотривайте его въ семъ его видимомъ благополучіи,

получіи, и притомъ разсматривайте его на его смертной постелѣ. Онъ умираетъ, какъ господинъ имѣющій шесть помѣстьевъ. Могло ли это быть его должностію, жить и трудиться, чтобъ богатѣе, нежели другіе умереть? Былъ ли онъ человѣколюбивъ, покровитель и совѣтникъ своихъ подданныхъ, милостивый попечитель о вѣрныхъ слугахъ, охотной и мудрой податель отъ своего довольства? Онъ былъ трудолюбивъ, чтобъ быть богатымъ; тщателенъ и порядоченъ, чтобъ жить спокойно и по своему состоянію есть и пить; умѣренъ, чтобъ быть здоровымъ и способнымъ къ дѣламъ. Онъ при всѣхъ своихъ пріуготовленіяхъ жилъ собственно для себя, и никогда съ намѣреніемъ, для пользы свѣта; онъ жилъ для своего корыстолюбія, а не для добродѣтели. Онъ жилъ правильно, чувственно; и такимъ образомъ живутъ многіе люди.

Критонъ, ежели бы хотѣлъ быть разумнымъ, могъ ли бы позабыть главный конецъ своей жизни? Развѣ онъ не могъ знать, что его душа благороднѣе была, нежели его тѣло, что хорошія свойства сéрдца нѣчто важнѣйшее, нежели помѣстья, нежели хорошей столъ и удивленіе сосѣдовъ? Что благоразумнѣе бы было пріобрѣсть такое имѣніе, которое у насъ въ смерти остается, нежели такое, которое мы въ нѣсколькихъ годахъ оставлять должны? Что большаго стóитъ достоинства быть мудрымъ, благотворительнымъ, любящимъ пользу общества и благочестивымъ мужемъ, нежели самымъ богатымъ въ странѣ? Что наблюденія должностей въ разсужденіи людей и Творца несравненно болѣе достоинства имѣютъ, нежели строжайшее исполненіе правилъ хозяйства.

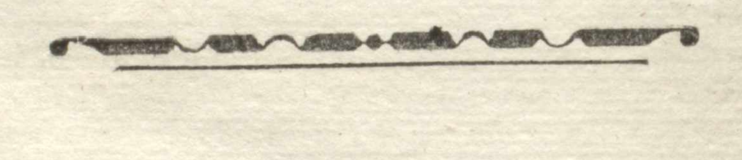
ЕВФЕМОНЪ ИМѢЮЩІЙ КАЧЕСТВА ПРОТИВНЫЯ КРИТОНУ.

Евфемонъ есть почти столько же благополученъ, сколько Критонъ. Онъ сохраняетъ чрезъ тщаніе свое имѣніе, и онымъ приноситъ пользу. Онъ трудолюбивъ въ своемъ состояніи, и почитаетъ трудолюдіе божественною должностію, себя и другихъ сохранить, себя и другихъ мудрыми, спокойными и щастливыми дѣлать. Сіе есть главный конецъ, который втѣкаетъ во всѣ его дѣла; и онъ позволяетъ себѣ желаніе, становиться богатымъ, не болѣе, какъ поколику оно съ должностями въ разсужденіи Бога и человѣковъ стоять можетъ. Онъ встаетъ рано. И его первое упражненіе есть благоговѣніе. Чрезъ то его первой часъ бываетъ благословеніе для его сердца, и его упражненій, о коихъ онъ тогда разсуждаетъ и кои учреждаетъ. Онъ въ день ревностенъ въ хорошихъ пріуготовленіяхъ; но что его управитель можетъ окончать лучше, того онъ самъ не дѣлаетъ для великаго трудолюбія, какъ Критонъ. Онъ печется о пользѣ своихъ подданныхъ, подкрѣпляетъ трудолюбивыхъ бѣдняковъ, и старается лѣнивыхъ къ работѣ опредѣлить. Онъ дѣлается нискимъ, и сохраняетъ притомъ важность, которую господинъ имѣть долженъ, которой изъ должности въ разсужденіи порядка и послушанія имѣетъ. Его подданные любятъ его, когда они его почитаютъ. Критонъ украшаетъ церькви, а Евфемонъ старается о школахъ въ своихъ обществахъ, у онаго созидаются жерт-

вси-

венники, а усего дѣти тщательно бывают наставляемы отъ искуснаго мужа. Онъ награждаетъ свою тяжелую работу, и ободряетъ духовныхъ въ своемъ прилѣжанiи чрезъ книги, чрезъ спокойствiя, которыхъ ему его чинъ не приноситъ, и чрезъ ласковое обхожденiе. Евфемонъ есть притомъ и гостопрiименъ; но кромѣ прiятелей, которые у него кушаютъ и веселятся съ нимъ, вѣрные и пожилые слуги, старики, кои призрѣнiя болѣе не имѣютъ, и больные, кои нужду имѣютъ въ покоѣ, ѣдятъ за его столомъ. Онъ держитъ чистосердечнаго слугу, которой ему о сокровенныхъ, бѣдныхъ и нещастныхъ сказывать долженъ и имъ третiю руку помощи подавать. Евфемонъ созидаетъ полезно, спокойно и притомъ съ концомъ, чтобъ празднымъ и не трудящимся давать дѣло и пропитанiе. Онъ не хочетъ всегда быть благотворительнымъ, дабы тѣхъ, кои спокойно ищутъ питаться благодѣянiями, не сдѣлать лѣнивыми и безстыдными. Онъ осторожекъ въ своемъ щедроподателствѣ, и изъ имѣнiя иногда строгъ. Онъ видитъ скучную работу своихъ подчиненныхъ; благоразумiе запрещаетъ ему со всемъ съ нихъ оную сложить, и однакожъ умѣетъ оную умѣрять, и за оную одного деньгами, другаго хлѣбомъ, или уступленiемъ дохода, отъ времени до времени награждать, и свое право премѣнять въ справедливость. Онъ есть господинъ, примѣръ и душа своего дома; и всегда быть хорошимъ, въ семъ его состоитъ попеченiе и трудъ. Онъ не имѣетъ дѣтей; но у него воспитываются сродники. Онъ старается о нравахъ своихъ слугъ съ благоразумiемъ, важностiю и милостiю, удерживаетъ ихъ отъ праздности и порока, и чрезъ

свой примѣрѣ возбуждаетѣ вѣ нихѣ упражненіе закона. Такимѣ образомѣ Евфемонѣ жилѣ двадцать лѣтѣ, не только онѣ новыхѣ именій не пріобрѣлѣ, но еще вѣ нѣкоторые годы и свое уменьшилѣ: и онѣ не сдѣлалѣ ли несравненно болѣе, нежели Критонѣ? Онѣ не только свое содержаніе дома велѣ полезно; но и свое имѣніе, и свою важность по совѣсти превратилѣ вѣ свое и другихѣ благополучіе. Сколь чести достойной, но сколь рѣдкой есть такой Евфемонѣ.

ХРИЗЕСЪ

ХРИЗЕСЪ, КОТОРОЙ НЕПОСТОЯНЕНЪ БУДУЧИ, СВОЕГО БЛАГОПОЛУЧІЯ ИЩЕТЪ ВО ВСЯКИХЪ ЧУВСТВЕННЫХЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ.

Хризесъ, господинъ великаго имѣнія, около двадцати пяти лѣтъ ищетъ своего благополучія во всякихъ веселостяхъ, кои сами по себѣ позволены, и только чрезъ то становятся глупостію, когда имъ всего себя вручаешь. Скука времени принуждаетъ его къ упражненіямъ; и его воображеніе и чувства избираютъ оныя. Всегда непостоянно перемѣняетъ свои предпріятія, однимъ скучившись, бѣжитъ къ другому, по нѣкоторомъ времени опять сіе презираетъ, принимаетъ новой предметъ своего желанія не съ лучшимъ благополучіемъ, живетъ чувственно, чтобъ жить по своему вкусу, и живетъ смѣшно и безпокойно. Съ начала онъ покупаетъ себѣ вотчину. Какая радость! ловля бываетъ его утѣхою и его прилѣжаніемъ; и то не кажется ему важнымъ, что къ оной не принадлежитъ, а то все напротивъ того великимъ, что къ оной принадлежитъ. Дарованія и дѣла его гончихъ собакъ, его щастіе въ ловлѣ, и самыя несносности оной бываютъ его разговорами и ежедневными записками. Роща для его фазановъ ему болѣе пріятна, нежели завоевателю провинція; и олень имѣющи рога о десяти отросляхъ, которой въ его лѣсу стоитъ, есть его ежедневная гордость. Онъ заводитъ себѣ малой звѣринецъ, и довольствуется, когда не можетъ за охотою ходить, зрѣніемъ и исправленіемъ своей

домашней псовой охоты и оружейной палаты, покупаетъ новую сабаку, даритъ лошадью, которая у него не нова, дабы могъ имѣть радость купить новую. Такъ живетъ онъ годъ, два года, становится такимъ, какъ бы ему не было нужды до ловли, и наконецъ смѣется надъ симъ скучнымъ увеселеніемъ.

Онъ становится умнѣе, и ищетъ своего увеселенія въ строеніи. О сіе есть гораздо благопристойнѣйшее и полезнѣйшее упражненіе, говоритъ Хризесъ! онъ не для того строитъ, что жить хочетъ спокойнѣе; но чтобъ строить по своему вкусу, въ одномъ мѣстѣ сламываетъ, въ другомъ постановляетъ вновь, сего дня строитъ дорогую бѣседку, и тогда, потому что конюшня ему не нравится, великолѣпную конюшню, на утра маленкую за́лу, и съ такимъ же жаромъ впадаетъ въ честолюбіе, чтобъ имѣть лучшую голубятню. Онъ отваживается рисовать, покупаетъ книги отъ Архитектора, которыхъ онъ не разумѣетъ, хвастается тѣмъ, мучитъ своихъ работниковъ, расточаетъ великую часть своихъ денегъ, и ищетъ своего увеселенія въ строеніи; но его пріуготовленія ему не болѣе удаются. Строятъ очень медлительно; не по его вкусу. Онъ досадуетъ, и покидаетъ сіе упражненіе.

Онъ избираетъ новой родъ жизни, становится обходительнымъ, и ищетъ славы гостопріимства. Онъ отворяетъ свой домъ, какъ онъ говоритъ, для благонравныхъ и пріятныхъ людей, но въ самомъ дѣлѣ по большей части для ласкателей,

шелей и ханжей. Онъ мысли свои устремляетъ на хорошей столъ, на чистошу и великолѣпіе въ своихъ покояхъ, на увеселенія для своихъ гостей, и богато награждаемъ бываетъ похвалою, дружествомъ и удивленіемъ. Онъ много времени живетъ для своихъ гостей и удивляющихся ему, и теперь чувствуетъ насиліе и пустошу сего рода жизни.

Зародышь ласкателей, которыхъ безстыдно бережетъ столъ Хризовъ, которыхъ лучь его милости согрѣваетъ и выводитъ, роится, шумя около его уха. Глупой есть ихъ ругательство, и тогда, когда онъ пишаетъ, оставляютъ, какъ они порученное ему добро пожрали, его бѣднымъ и еще глупымъ.

Ему бываетъ скучно и прискорбно, отставляетъ свое гостопріимство, хочетъ чрезъ уединеніе своему здоровью помочь, и бываетъ тихой любитель сáда.

Теперь онъ нашелъ невиннѣйшія веселости, по его мнѣнію, веселости натуры. Онъ употребляетъ свои деньги на цвѣтки, и прилагаетъ свое стараніе къ онымъ, выписываетъ съ великимъ иждивеніемъ головицы цвѣтовъ, призываетъ знатоковъ оныхъ, садовниковъ почитаетъ за мудрѣйшихъ смертныхъ, и удивляется, что онъ сего пріятнаго упражненія, которымъ онъ все лѣто занятъ, не прежде избралъ. Но наступившая жестокая зима ужѐ истребляетъ многіе роды его цвѣтовъ, производитъ въ немъ отвращеніе отъ садовъ, а къ книгамъ любовь.

Итакъ Хризесъ становится ученымъ, заводитъ себѣ дорогую библіотеку, читаетъ и учится. Въ сей мѣсяцъ Географія есть его премудрость; и въ сію недѣлю Геральдика кажется ему истинною ученостію. Онъ хочетъ оной обучаться, и устаетъ скоро, избираетъ исторію, и скоро переходитъ къ стихотворству, перестаетъ читать, отдаетъ свои книги въ хорошей переплетъ, приводитъ оныя въ порядокъ, опредѣляетъ для оныхъ наилучшей покой, покупаетъ математическіе инструменты, вдругъ оставляетъ свои до учености касающіяся вещи и сельскую жизнь, ѣдитъ въ городъ, становится мужемъ знатнымъ и смѣется надъ сельскою жизнію. Дворъ теперь кажется ему быть обиталищемъ истинныхъ увеселеній, комедія превосходитъ всякую садовую веселость, опера всю звѣриную ловлю и всѣ веселости строенія. Переднія палаты суть по его мнѣнію школы премудрости, и о какъ онъ смѣется надъ своею библіотекою! онъ наблюдаетъ моды съ остротою разума, какъ законы хорошихъ нравовъ, веселится своимъ хорошимъ вкусомъ въ платьѣ и экипажѣ и наконецъ позванъ будучи своимъ уменьшающимся имѣніемъ, возвращается опять въ свою вотчину, и научается проникать, что онъ, дабы благополучнымъ быть, почти съ двадцать лѣтъ былъ расточителемъ своего имѣнія, своего времени, и своего разума.

МУЖЪ

МУЖЪ ИМѢЮЩІЙ ОДИНЪ ПОРОКЪ, А МНОГІЯ ДОБРОДѢТЕЛИ.

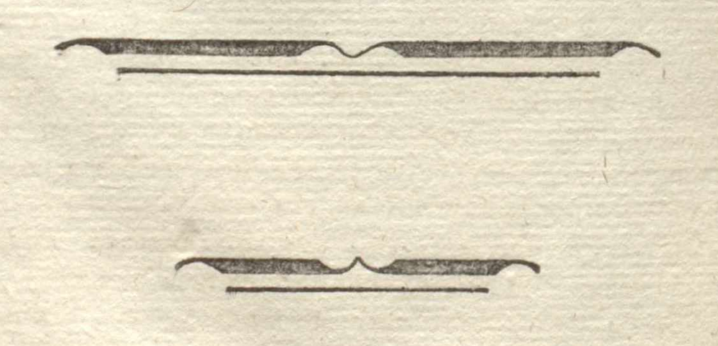
Люди рѣдко бываютъ столько развращенны, чтобы вдавались многимъ порокамъ; и рѣдко столь худы, чтобы порокъ, которому себя предали, не наградили извѣстными добродѣтелями. *Дорантъ* находится изъ числа такихъ. Онъ невольникъ сластолюбія, хотя не безъ всякой умѣренности, и онъ такъ открытъ сердцемъ, что самъ признается въ семъ порокѣ; но сей же Дорантъ есть правосуденъ, благотворителенъ, услужливъ, чистосердеченъ. Онъ знаетъ и употребляетъ всѣ хитрости, чтобъ сердце невинной, которую его склонность прельстила, обмануть; и одиакожъ онъ не можетъ на нещастнаго смотрѣть безъ сострадательства, и безъ того, чтобъ отпустить отъ себя безъ помощи. За его благотворительство любятъ его и въ тѣхъ бѣседахъ, гдѣ знаютъ его порокъ. Онъ гнушается обличенными домами сластолюбія, и онъ бы ихъ истребилъ, ежели бы въ его власти состояло; но держать наложницу, которую въ краткое время промѣниваетъ на другую; сіе ему ни зломъ ни добромъ не кажется. Онъ награждаетъ ее нѣсколькими стами талеровъ; ибо сіе, говоритъ онъ, было бы не правосудно, ежели бы она осталась безпомощною. Да и онъ помогаетъ ей своимъ убыткомъ въ ея замужествѣ, снабжая ее, и за сіе стараніе хвалятъ его. Дорантъ, говоритъ знатной свѣтъ, имѣетъ основаніемъ доброе сердце. Сей Дорантъ,

которой чрезъ свою благоучрежденную жизнь и свой чинъ, имѣетъ доступъ въ наилучшіе домы, есть слѣдовательно опасной врагъ невинности, однакожъ онъ мужъ вѣрной, онъ обѣщается мнѣ служить чрезъ свое ходатайство; и онъ дѣлаетъ сіе, не ожидая отъ меня благодарности; онъ дѣлаетъ сіе съ увеселеніемъ. Говорятъ худо про знакомца, или и про иностранца; и онъ отъ того приходитъ въ благородную запалчивость, что честь другаго повреждаютъ, а нелучшее хорошее мнѣніе имѣютъ. Дорантъ могъ отъ своей сродницы, ежели бы онъ ей хотѣлъ ласкательствовать, получить богатое наслѣдство. Нѣтъ, говоритъ онъ, это бы было не правосудно; она имѣетъ ближайшихъ наслѣдниковъ, которые въ томъ болѣе нужды имѣютъ Долженъ ли я становиться богатѣе, чтобъ другихъ дѣлать бѣдными? Дорантъ есть кротокъ къ своимъ подчиненнымъ, и милостивѣйшій господинъ въ разсужденіи своихъ слугъ, когда они хорошо поступаютъ. Въ бѣседахъ онъ скроменъ, и почитаетъ за преступленіе кого нибудь оскорбить, и его увеселеніе возмутить. Онъ ненавидитъ игру, питье, и мотовство. И такъ что должно разсуждать о Дорантѣ? По изреченію свѣта имѣетъ только *одинъ порокъ*, а *многія добродѣтели*; по изреченію премудрости онъ собственно добродѣтели не имѣетъ, а только хорошее сложеніе или естественное расположеніе къ добродѣтели. Онъ имѣетъ много разума, чтобъ похвалить всѣ пороки, а мало, чтобъ проникнуть, что порокъ, которому себя зная предаютъ, все сердце погубляетъ. Онъ имѣетъ много совѣсти, чтобъ спокойно грѣшить,

шить, и хочетъ сдѣлать сравненіе между зломъ и добромъ, и свой порокъ сластолюбія чрезъ наблюденіе наружныхъ должностей бѣседы наградить; онъ избираетъ тѣ добродѣтели, кои для нѣжнаго сéрдца весьма легки и ему сродны; милость, справедливость, кротость, услужливость. Онъ избираетъ тѣ добродѣтели, кои въ бѣседахъ наилюбезнѣйши, и наипаче награждаются чрезъ похвалу или взаимныя услуги. И такъ его добродѣтели суть сложеніе и благосостояніе и его отвращеніе, которое онъ имѣетъ отъ нѣкоторыхъ пороковъ, есть плодъ примѣра и хорошаго воспитанія, которое имѣлъ въ своемъ малолѣтствѣ. Примѣры сего начертанія въ общежитіи суть весьма многіе, и хорошимъ нравамъ весьма опасны. Порокъ, прикрашенной десятью добродѣтелями, весьма нравится для подражанія, и благонравной юноша даетъ себя оному ослѣплять. Притомъ еще самое худое есть сіе, что такія начертанія въ свѣтѣ высоко почитаемы бываютъ, и что съ ихъ худой стороны̀ въ бѣседахъ обыкновенно только шутя и съ острымъ ругательствомъ говорятъ, и безпорядокъ въ высочайшей степени съ смѣшной стороны̀ порицаютъ. Однако надъ прелюбодѣйствомъ столь же ли мало ругаться должно, сколь надъ убивствомъ и воровствомъ; и не слѣдуютъ ли сіи оба часто изъ перваго? Дорантъ, которой хочетъ у особъ другаго пóла похитить непорочность и добродѣтель, не имѣетъ, сколь долго онъ не подавляетъ сей наказанія достойной склонности, добродѣтельнаго сéрдца по изреченію нравоученія; и его добрыя дѣла̀, сколь бы онѣ блистательны ни были, при-

 надле-

надлежатъ къ его крови, воспитанію, и его самолюбію, или суть плоды худой совѣсти, которая себя успокоить хочетъ. Добродѣтель есть искренняя и живая воля повиноваться всѣмъ законамъ разума и откровенія. Такая воля чистосердечна ли, когда она дѣлаетъ выключеніе? Развѣ Дорантъ, и для примѣра, не долженъ сопротивляться своей склонности, и онъ чрезъ свой примѣръ не уменьшаетъ ли предъ другимъ важности божественнаго закона? Это правда, что во всѣхъ добродѣтеляхъ равно не можно возвыситься; но безъ старанія о каждой добродѣтели не льзя обойтись. Это правда, что наилучшія сердца грѣшить могутъ, и дѣйствительно грѣшатъ, но въ порокѣ пребывать, и не хотѣть его признать, потому что отъ него отстать не хочется; сіе не слабость, но развращеніе сердца.

ПРАВИЛЬ

ПРАВИЛЬНОЙ ПРАЗДНОЛЮБЕЦЪ, ИЛИ МУЖЪ БЕЗЪ ПОРОКА И БЕЗЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

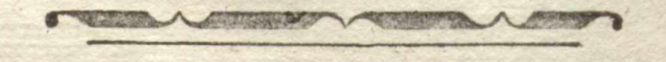
Ерастъ есть болѣе пустынникъ, нежели обходительной человѣкъ, живетъ для себя, и раздѣляетъ свое имѣніе такъ, что онъ можетъ жить честно и спокойно. Онъ есть безъ фамиліи, не имѣетъ попеченія о домѣ, есть господинъ своего времени, и старается, чтобъ никому не былъ бременемъ. Онъ съ десять лѣтъ живетъ всякой день по правиламъ; онъ здоровъ, и своею судьбиною доволенъ. Въ осмомъ часу пробужается; чай, вѣдомость и окно занимаютъ его до десятаго часа. Въ сіе время печется онъ о своихъ дѣлахъ, то есть, онъ вчерашнія расходы вноситъ въ свою записную книжку, пересматриваетъ свое вчерашнее платье, нѣтъ ли какого недостатка, избираетъ нынѣшнее, пишетъ письмо, когда требуетъ того его благосостояніе, переверпываетъ листы въ новой книгѣ, которая ему изъ лавки прислана, или рисуетъ полчаса для своего увеселенія, или выходитъ на свое крыльце. Прежде нежели бьетъ двенатцать часовъ, онъ одѣтъ. Онъ ѣстъ хорошо, но умѣренно, и съ тритцать лѣтъ не знаетъ, что есть похмелье. Его время отъ двухъ часовъ послѣ стола даже до десятаго часу вечера равно раздѣлено. Одинъ часъ удѣляетъ на бильярдъ, одинъ на поклонъ, которой отдаетъ или принимаетъ, полчаса на сонъ, часъ на чтеніе пріятнаго сочиненія, часъ на прогуливаніе, когда погода хороша, часъ на обѣдъ, и въ

десятомъ часу ложится спать правильно. Сей порядокъ всегда наблюдаетъ, кромѣ воскресенія, въ которое онъ ходитъ въ церьковь. Сей мужъ похваленъ за воздержность, и порядочной родъ жизни. Его служитель, прославляетъ, что его господинъ всякое утро молится, и всякой вечеръ поетъ. И въ самомъ дѣлѣ Ерастъ есть умѣренъ и домостроителенъ; не есть другъ сластолюбія и неистовствующихъ увеселеній. Онъ ни о комъ не говоритъ худо; каждаго оставляетъ въ своихъ достоинствахъ; платитъ, что онъ долженъ дать, справедливо; и тихо живетъ для себя. Однакожъ, кто есть Ерастъ, когда его всю жизнь разсматривать? Не естьли онъ правильной праздполюбецъ? Что есть главной конецъ его чертежа? Спокойствіе и по правиламъ учрежденная лѣность. Онъ живетъ умѣренно, чтобъ здорову быть; домостроительно, чтобъ недостатка не имѣть; и порядочно, чтобъ удалиться скучныхъ слѣдствій непорядка. Онъ живетъ для себя, а не для другихъ. Для того ли онъ поставленъ въ великомъ обществѣ людей? Онъ споспѣшествуетъ своему увеселенію; но то ли это, что разумъ похваляетъ? Онъ печется о своемъ имѣніи, потому что это есть должность разумнаго. Но развѣ только употребленіе имѣнія есть всегдашняя должность, а полезное употребленіе времени не есть? Онъ употребляетъ время только на нѣжное содержаніе своего тѣла; и слѣдовательно живетъ ли онъ, чтобъ впредь столь долго пожить, сколько онъ только могъ? Онъ имѣетъ душу только для своихъ чувствъ, и разумъ, только чтобъ открыть предметы,

меты, кои его спокойствію ласкательствуютъ. Онъ думаетъ, что онъ ничего худаго не дѣлаетъ, потому что онъ предостерегаетъ себя отъ пороковъ привлекающихъ наказаніе; но его весь чертежъ жизни есть худъ, потому что оной разумъ и божественное опредѣленіе отметщетъ. Онъ самъ чрезъ свое учрежденіе доказываетъ, что душа человѣческая есть трудящееся существо. потому что онъ ей каждой часъ подаетъ родъ содержанія. Для чего онъ не можетъ проникнуть, что лучше быть полезнѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ мужемъ, нежели занятымъ празднолюбцемъ? Надѣется ли, что Богъ его когда нибудь наградитъ за стараніе, которое онъ столь порядочно употребилъ на увеселеніе своихъ чувствъ? Ежели бы онъ столь часто могъ спать, сколько хотѣлъ: то бы онъ вѣроятно наибольшую часть своей жизни во снѣ препроводилъ. Хотя онъ еще отъ натуры столь мало дарованій получилъ; однако онъ со всѣми людьми имѣетъ общую должность разума и вѣры, чтобъ свои малыя дарованія искренно употреблять въ пользу свѣта. Въ семъ состоитъ его добродѣтель и покой. Онъ долженъ спокойно жить, какъ согражданинъ, а не какъ сновидящій пустынникъ. Онъ долженъ своего спокойствія искать; но онъ живетъ не для себя одного; иначе бы его Творецъ заключилъ въ пещерѣ, и нужнымъ пропитаніемъ окружилъ. На конецъ это ложно, будто спокойная жизнь есть довольная жизнь Когда Ерастъ разсуждаетъ; (и однакожъ не можетъ чрезъ лѣность истребить всѣ постоянныя мысли) не попрекаетъ ли ему его сердце

въ

въ его чувственномъ родѣ жизни? Не чувствуетъ ли пустаго въ своей душѣ? Попеченія, что другіе, для которыхъ онъ ничего полезнаго не дѣлаетъ, будутъ его презирать? Стыда, что онъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ жилъ, а лучшимъ не сдѣлался? Можетъ ли онъ себя поручить покрывающей десницѣ провидѣнія, и себя, когда его имѣніе, которое онъ теперь употребляетъ только для своего спокойствія, должно премѣниться въ недостатокъ, помощію его утѣшать? Можетъ ли онъ въ надеждѣ умирать, когда о смерти помышляетъ? Ежели онъ сихъ выгодъ духа не имѣетъ: то онъ не доволенъ; но только отъ своего спокойствія, которому онъ служитъ, пріятною прелестію на нѣсколько лѣтъ за его услугу награжденъ, и купно наказанъ.

ЗАДУМ-

ЗАДУМЧИВОЙ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ.

Пороки нашего сложенія всегда вмѣшиваются въ нашу добродѣтель, и придаютъ ей въ нашемъ разумѣ такой видъ, которой съ нашею собственною склонностію по большей части согласенъ. Изъ сего источника проистекаютъ безчисленныя заблужденія, которыя мы принимаемъ за истинны; и никакія заблужденія не можно труднѣе истребить, какъ кои свое покровительство въ естественномъ начертаніи нашего духа, и въ особенномъ учрежденіи нашего тѣла находятъ и притомъ съ хорошимъ сердцемъ стоять могутъ.

Аретъ чистосердечно размышляетъ о добродѣтели; и его *строгость* не есть ни лицемѣрство, ни гордая кротость. Но онъ есть отъ природы задумчивъ и боязливъ, и для того любитъ онъ задумчивость и боязливость и въ своей добродѣтели, или изображаетъ ее по своему расположенію сердца. Онъ удаляется отъ невинныхъ веселостей жизни, потому что онъ почитаетъ ихъ наказанія достойными. Но для чего онъ такими почитаетъ? Развѣ онъ не имѣетъ столько разума, чтобъ проникнуть въ свое заблужденіе? Нѣтъ, онъ бы имѣлъ его; но его густая черная кровь помрачаетъ и потемняетъ его разумъ. Печальнымъ быть ему сродно; и тѣ понятія о добродѣтели, кои по большей части переходятъ въ печаль, для того ужѐ съ его родомъ разсужденія и болѣе сходны, нежели про-

тивное

тивное тому. Арешъ рѣдко смѣется; ибо его добродѣтель имѣетъ нахмуренной лобъ, и веселой видъ почитаетъ легкомысліемъ. Должно другому подавать всегда хорошей примѣръ; сіе есть его справедливое начало. Но сколь ложно его онъ толкуетъ! для сего нѣтъ нужды приводить другаго; ибо онъ къ тому объясненію ищетъ въ своемъ начертаніи. Онъ истребляетъ всю свободность изъ своего наружнаго поступка, кланяется съ такимъ же движеніемъ, съ какимъ молится, спрашиваетъ такимъ же голосомъ: *какъ вы находитесь?* Какимъ онъ говоритъ о пожарѣ, и воздыхаетъ во всей строгости, что мы говоримъ позволенную шутку, не всегда въ устахъ имѣемъ добродѣтель, не его тѣлеснымъ языкомъ говоримъ. Чтобъ намъ подать хорошей примѣръ, всегда жалуется на злые нравы, въ посредственные разговоры всѣваетъ принужденное ученіе добродѣтели, и чтобъ вездѣ дѣлаться полезнымъ, для того онъ изъ вѣдомостей будетъ расказывать голосомъ проповѣдника, сказывающаго о наказаніи, и положимъ, чтобы онъ это дѣлалъ за столомъ, не менѣе будетъ думать, какъ что онъ не во время ревность имѣетъ; ибо онъ объ нашемъ чувствованіи разсуждаетъ по своему. Подзываютъ его *играть*. Арешъ не можетъ отговориться; и вотъ, онъ играетъ съ такимъ же торжественнымъ видомъ, съ какимъ онъ больнаго посѣщаетъ. Должно, разсуждаетъ онъ, вездѣ быть одинакову, то есть, вездѣ имѣть пасмурной видъ. Вы пойдете съ нимъ *прогуливаться* и будете увеселяться красотами естества; но его сердце сихъ увеселеній не приметъ. Онъ прове-

повѣдуетъ вамъ съ хорошимъ мнѣніемъ о чудесахъ естества; ибо это ему легче, нежели веселіе. Висящая надъ меланхолическою пещерою каменная гора скорѣе и болѣе приметъ на себя его взоры, нежели пріятнѣйшая долина; ибо въ оной находитъ онъ пищу для темныхъ печальныхъ разсужденій. Онъ не *скупъ*; но чтобъ нѣсколько денегъ издержать на то, чтобъ куды нибудь проѣхаться, или на хорошую музыку, сіе почитаетъ онъ за грѣхъ. Меня, говоритъ онъ, музыка дѣлаетъ чувственнымъ; и какъ бы хорошо было, ежели бы онъ иногда чувственнымъ дѣлался! она возмущаетъ его въ его печали, для того почитаетъ ее опасною, и сожалѣетъ о другихъ, кои ее любятъ. Понеже онъ любитъ *уединеніе*, то дрожитъ онъ предъ всѣми великими бесѣдами, почитаетъ оныя школами глупости, и увѣщеваетъ всѣхъ къ уединенію, то есть, къ пустынной печали. Аретъ есть дѣйствительно *услужливъ*, но съ столь многою задумчивостію, что думаютъ, что онъ не есть таковъ, или его услужность стоитъ ему многаго преодоленія. Онъ *любитъ своихъ*, чистосердечно печется о ихъ благосостояніи, и однакожъ съ такимъ роптаніемъ, что его попеченіе мало плода приноситъ, или часто поносимо бываетъ. Изъ двухъ его сыновъ одинъ живой и проворной, другой лѣнивой и неповоротливой. Онъ хочетъ перваго на двенадцатомъ году сдѣлать постояннымъ мужемъ, и скорбитъ, что не можетъ ему вліять своего вкуса къ постоянству. Другаго хочетъ онъ въ его постоянномъ начертаніи утвердить, и радуется, что онъ его видитъ каждой день

станово-

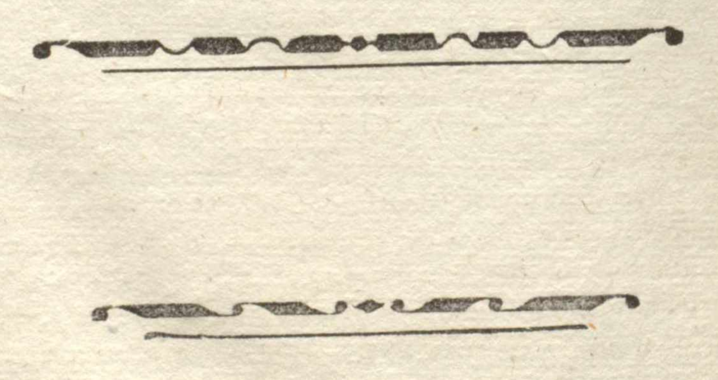
становящагося менѣе чувственнымъ. Отъ перваго онъ надѣется мало, отъ другаго всего; и чрезъ свое печальное воспитаніе всѣхъ обоихъ погубляетъ наилучшимъ отеческимъ сердцемъ. Аретъ есть *сострадателенъ*, и беретъ участіе въ малѣйшемъ бѣдствіи другаго, но рѣдко въ его радости. Онъ тайно пріуготовляетъ лѣкарства и подкрѣпленія для больныхъ, и однакожъ часто тщетно его о томъ просятъ, прежде нежели своихъ сродниковъ, кои въ его саду повеселиться хотятъ, за обѣдомъ не угоститъ. Денегъ, говоритъ, мнѣ не жаль; но не могъ ли бы я свое время еще полезнѣе препроводить? Конечно, Аретъ, ежели ты только оное въ сей вечеръ по должности препровождаешь съ своими сродниками, обходишся съ ними дружелюбно, и чрезъ то споспѣшествуешь ихъ увеселенію и упованію, которымъ они тебѣ и твоему ученію обязаны: то ты время полезнѣе препроводилъ, нежели какъ ты думаешь. Одна изъ его племянницъ за мужъ выходитъ за духовнаго; онъ выдаетъ ее богато, и поздравляетъ ея съ уединеніемъ сельской жизни. Другая, которая столько же разумна и благонравна, выходитъ за честнаго Офицера: онъ ей не столь много даетъ, и говоритъ ей со слезами, что онъ объ ней сожалѣетъ. Онъ воспитываетъ сиротъ. Одинъ хочетъ учиться горному искусству; да, говоритъ Аретъ, это есть нужное упражненіе. Богъ металлы въ землѣ сокрылъ, чтобы оныя чрезъ прилѣжаніе людей были сыскиваемы, и становились полезными; я вамъ помогу. О другомъ расказываютъ, что онъ превосходную способность имѣетъ къ живописи.

Аретъ

Аретъ худо думаетъ о прелестныхъ дѣйствіяхъ сего искусства, и перестаетъ имѣть попеченіе о своемъ сиротѣ. Никакъ, говоритъ онъ, живопись, рѣзное искусство, музыка — я ихъ не ругаю; но я имѣю свои причины, я никого не отдамъ учиться симъ искусствамъ на своемъ иждивеніи.

Сколь бы достойной любви и свѣту полезной мужъ былъ Аретъ, ежели бы онъ свою добродѣтель не бесчестилъ чрезъ свое печальное начертаніе, и требованія его расположенія сéрдца не мѣшались съ должностями добродѣтели; ежели бы онъ хотѣлъ научиться, что свое сложеніе чрезъ добродѣтель исправлять должно, а не желать, чтобъ добродѣтель принаравливалась къ оному! можетъ быть Аретъ познáетъ свой порокъ и необходимость, оной бросить, когда онъ посмотритъ на тѣ *злоключенія*, кои изъ онаго въ бесѣдѣ происходятъ. Онъ при своемъ хорошемъ сердцѣ и при своихъ благородныхъ намѣреніяхъ добродѣтель дѣлаетъ *подозрительною* или *презрительною*. Онъ у себя похищаетъ тысячу случаевъ, дѣлать добро, потому что онъ другихъ чрезъ свои жалобы отъ себя отдаляетъ, или самъ для уединенія отъ нихъ удаляется. Онъ бываетъ неправосуднымъ и жестокимъ, когда онъ хочетъ быть непороченъ, скучнымъ и противнымъ, потому что не во время ревнителенъ. Можетъ ли онъ думать, что мы для того благочестивы быть должны, чтобъ у себя и у другихъ невинныя веселости, кои намъ Творецъ показалъ, отнять, и никогда не чув-

ствовать, что мы щастливы, и что сїе есть блаженный конецъ Бога въ разсужденїи его тварей? Онъ природную боязливость и подозрительную задумчивость почитаетъ за осторожность и бдительность. Свѣтъ бы по истиннѣ во многихъ частяхъ былъ лучше и скромнѣе, ежели бы многїе были Аретами: это правда; но онъ бы скоро превратился и въ недружелюбной, ропщущей и суевѣрной свѣтъ, или бы сдѣлался учрежденнымъ плачевнымъ домомъ; это также правда. Наша добродѣтель должна столь же мало переодѣваться въ естественную задумчивость, сколь мало въ природное легкомыслїе.

ЮНОША

ЮНОША СЪ ХОРОШЕЙ И ХУДОЙ СТОРОНЫ.

Юноша имѣетъ всѣ свойства, какихъ его умножающееся благополучіе, и ожидающей его свѣтъ требуетъ. Все въ немъ и внѣ его находящееся расположено, чтобъ исправить и въ совершенство привесть его силы, сдѣлать его впередъ благополучнымъ мужемъ и полезнымъ гражданиномъ свѣта; которой, какъ онъ самъ въ извѣстной мѣрѣ становится благодѣтелемъ свѣта, купно у него опять пріобрѣтаетъ себѣ право на его благодарность и благодѣянія. Мы будемъ разсуждать о всемъ содержаніи его начертанія, о его добродѣтели, какъ она отдѣляется отъ огарковъ; и о порокахъ природы, каки они чрезъ наставленіе и изображеніе могутъ споспѣшествовать хорошимъ свойствамъ и добродѣтели.

Юноша съ природы въ своихъ желаніяхъ и предпріятіяхъ есть по большей части *смѣлъ, жестокъ и непостояненъ*. Легкомысліе, непостоянное желаніе славы, естественная склонность всему съ жаромъ подражать, сильное стремленіе къ чувственнымъ увеселеніямъ, его суть предводители, покоряютъ себѣ его сердце и легко и его разумъ для услугъ глупости. Онъ есть легковѣренъ, скоро выигралъ; но столь же скоро бываетъ досадчикомъ и скоръ къ наказанію. Онъ съ охотою приближается къ расточенію и презираетъ бережливость. Онъ чувствуетъ каждой

день новое приращеніе своихъ силъ, и смѣло вдается въ отвагу, не имѣя попеченія о своемъ здоровьѣ, часто о своей жизни. Онъ по большей части гнушается надзирателей; хочетъ самъ себѣ быть закономъ и мудростію, и ввергается въ порокъ. Онъ, кажется, скоро о своемъ порокѣ приходитъ въ раскаяніе; но въ самомъ дѣлѣ его болѣе оскорбляютъ попрекъ и безчестіе, которое онъ къ себѣ привлѣкаетъ, нежели самое преступленіе. Сіе есть изображеніе юноши; когда объ немъ разсуждаютъ съ худой стороны; и однакожъ оно при всѣхъ порокахъ, чрезъ которые оно его обезображаетъ, удерживаетъ основательное расположеніе, быть добрымъ и полезнымъ человѣкомъ.

Смѣлой и жестокой юноша имѣетъ расположеніе быть бодрымъ и трудолюбивымъ; непостоянной и легкомысленной послушливымъ и постояннымъ человѣкомъ. Сколь бы медлительно его память, его сила воображенія, и его разумъ наполнялись нужными предметами и познаніями жизни, ежели бы онъ не былъ непостояненъ и бѣглъ въ своихъ склонностяхъ и желаніяхъ! каждой шагъ къ глупости былъ бы у него шагъ къ пороку, ежели бы ему отъ каждой глупости не такъ скоро становилось скучно. Хотя юноша смѣлъ и жестокъ въ своихъ предпріятіяхъ: однако натура, чтобъ предупредить недостатокъ его опыта и проницанія, оградила благородною стыдливостію. Сія стращаетъ и предводительствуетъ ему, когда онъ ее дерско не утѣсняетъ. Тотъ же юноша, которой съ охотою желаетъ

быть

быть не обузданнымъ, есть купно такой юноша, которой тайными узами къ не большему свѣту своей фамиліи и сродниковъ столь мудро прикованъ, что онъ хотя и не хотя, однако поручаетъ себя ихъ руководствамъ. Любовь и благодарность въ разсужденіи его родителей и благодѣтелей часто у него заступаютъ мѣсто разума. Онъ есть горячъ, такъ что гонитъ всякаго, ктобъ ни попался; но онъ и не есть ли чувствителенъ въ разсужденіи прозьбы дружелюбной матери? Его устрашаетъ мудрое порицаніе милостиваго отца; и кроткое воспоминаніе друга часто для него бываетъ трогающимъ нравоученіемъ.

Юноша есть легковеренъ, и сіе свойство ввергаетъ его во многіе пороки; но онъ и добру легко вѣритъ, и всего легче вѣритъ тѣмъ, кои умѣютъ приходить у него въ почтеніе и любовь. Такимъ образомъ его легковѣрность на сторонѣ разумныхъ людей часто бываетъ для него благополучіемъ; и чрезъ ихъ наставленіе, чрезъ ихъ опытъ, къ которому еще его собственной опытъ присовокупляется, какъ часто его обманывала его легковѣрность, соединяется съ осторожностію.

Юноша, которой теперь свои пороки любитъ скрывать, въ другое время есть столько откровененъ, что самъ себя выдаетъ, и столько болтливъ, что самаго себя пристыжаетъ. Онъ другимъ чрезъ то подаетъ случай себя исправлять; и такимъ образомъ другіе для него всегда становятся тѣмъ, чѣмъ онъ для самаго себя еще не есть.

Юноша есть желателенъ похвалы и удивленія, и имѣетъ великое мнѣніе о себѣ и своихъ будущихъ предпріятіяхъ; страсть, рукою мудрости изображуемая и управляемая становится для него огненнымъ побужденіемъ къ прилѣжанію и старанію о добрѣ. Но юноша не ищетъ ли и изъ славолюбія своей чести въ тѣхъ предметахъ, которые часто должны были заслуживать только его презрѣніе и его ненависть? Конечно но по большей части изъ недостатка проницанія и хорошихъ примѣровъ. Хотя его воспитаніе еще не достаточно: однако часто довольно одного похвальнаго примѣра, чтобъ свое желаніе чести учреждать по хорошимъ нравамъ и благороднымъ склонностямъ и предпріятіямъ. Нещастливое предпріятіе подаетъ ему опытъ, и сей, сколь часто онъ его въ своемъ порокѣ напоминать будетъ, вперитъ ему и законъ, чтобъ онъ умнѣе и при избраніи своего желанія чести осторожнѣе былъ. Ежели его ложное славолюбіе впадаетъ въ порокъ: то совѣсть его наказуетъ, и опять зоветъ на прямую дорогу; совѣсть, которая въ его чувствительномъ сердцѣ столь же громко горитъ, сколь его непозволенное желаніе. Безъ высокаго мнѣнія о себѣ и своемъ будущемъ участіи въ приключеніяхъ свѣта, усталъ бы скоро юноша въ своемъ желаніи чести и въ своемъ прилѣжаніи. Онъ подлинно обманываетъ себя, но для своей будущей выгоды, когда онъ только хочетъ. Изъ самой его гордости когда нибудь выроститъ ему и свѣту столь нужная добродѣтель скромности и смиренія; когда онъ только хочетъ. Его отважное желаніе чести снабдѣваетъ его полезны-

лезными и пріятными свойствами. Онъ научается многому похвалы достойному, ласкательствуетъ себѣ, сколь много онъ знаетъ, какъ онъ хорошъ, есть бодръ, идетъ всегда далѣе, видитъ всегда болѣе, что онъ понимать и на что отваживаться долженъ, всегда болѣе пороковъ, которые онъ отвергать, всегда болѣе похвальнаго, о которомъ онъ стараться долженъ. Напослѣдокъ какъ его проницательство по сему пути мало помалу возвысилось, и опытъ, время и ругательство научили, сколь мала его заслуга и сколь несовершенна его добродѣтель, его гордость мало помалу премѣняется въ смиреніе. Такимъ образомъ червь теряетъ свою разсѣдающуюся кожу, и принимаетъ видъ пріятной бабочки.

Юноша есть безразсуденъ, и сія естественная безразсудность чрезъ изображеніе становится мудрою неустрашимостію и проворствомъ въ опасностяхъ; добродѣтель, которую впредь отъ него ожидаютъ его семейство и его отечество. Его кровь кипитъ въ его жилахъ, и дѣлаетъ его возмутительнымъ и жестокимъ; но охотникъ и до тѣлесныхъ упражненій, кои его жилы напрягаютъ и утверждаютъ, и его тѣло твердымъ къ понесенію труда и многоразличныхъ будущихъ трудностей жизни дѣлать должны. Безъ его бы жара и бѣглости излишество его соковъ повреждало здоровье, или бы члены тѣлесныя дѣлало не удобопреклонными для приказаній души.

Страсти, кои притомъ свое мѣсто имѣютъ въ его кипящей крови, гнѣвъ и сластолюбіе, кажутся быть худѣйшими и пагубнѣйшими чертами въ его начертаніи. Какъ неистовствуетъ гнѣвъ распалившагося юноши! но благодареніе его природному непостоянству! не долго продолжается. И сколь умолимо его молодое сердце, въ разсужденіи сéрдца оскорбленнаго старика. Онъ прощаетъ скоро претерпѣнную обиду, и раскаевается о сдѣланной столь же скоро, когда онъ то тихо, то важно увѣщеваемъ бываетъ. Его гнѣвъ, когда онъ изчезъ, научаетъ его осторожности, беречься отъ оскорбленій, и когда онъ чрезъ разумъ былъ удержанъ, становится нечаяннымъ похвальнымъ отвращеніемъ отъ того, что его или другихъ благополучіе несправедливо возмущаетъ.

Склонность къ другому полу, сія сладкая и къ содержанію свѣта и бесѣды необходимая склонность была бы опаснѣйшій врагъ его сéрдца и его жизни; но она къ его благополучію не прежде пробуждается, нежели онъ въ состояніи находится познавать законы разума и вѣры. Онъ чувствуетъ въ себѣ щитъ стыдливости, поставленной противъ сей склонности. Желателенъ похвалы и чести; боязливъ отъ безчестія; увѣщеваемъ отъ разумнаго и милостиваго надзирателя; послушливъ изъ любви и отвращенія своимъ родителямъ и сродникамъ; склоненъ къ упражненіямъ; имѣющій увеселенія дружества и позволенное веселіе чувствъ и силы воображенія; содержимъ чрезъ прилѣжаніе; подкрѣпляемъ чрезъ умѣренность и

еще

еще свѣжее чувствіе своей совѣсти и должности, чтобъ своему Творцу во всемъ повиноваться, чрезъ сіе описаніе, говорю я, становится сильнымъ, чтобъ управлять своею склонностію; и сія склонность управляемая чрезъ добродѣтель бываетъ благословеніемъ для его здоровья и его жизни, и въ тѣни супружеской любви благословеніемъ потомства. Сія же склонность, чрезъ добродѣтель сохраняемая, дѣлаетъ его учтивымъ и трудолюбивымъ юношею; и сладкая надежда, впредь съ любви достойною особою другаго пола наслаждаться веселостію жизни и неразрѣшимаго дружества, поощряетъ его ко многимъ добродѣтелямъ, которыя предполагаются, когда онъ долженъ становиться благополучнымъ человѣкомъ.

Его малая любовь къ деньгамъ, которая легко можетъ прередиться въ мотовство, предохраняетъ его отъ великаго врага добродѣтели въ его душѣ, отъ подкрадывающагося корыстолюбія, которое бы кромѣ того въ его мужескомъ возрастѣ повелительнымъ образомъ имъ управляло. Тотъ же юноша, которой теперь презираетъ деньги, долженъ заблаговременно сей склонности благотворительсива и щедроподаянія, изъ которой столь многія общественныя добродѣтели проистѣкаютъ, давать вкореняться.

Его жестокое желаніе, другимъ подражать, есть источникъ многихъ глупостей и опасныхъ покушеній; но сіе желаніе, благоразуміемъ ограничиваемое, дѣлаетъ его полезнымъ гражданиномъ свѣта. Его къ попеченіямъ привязанное сердце

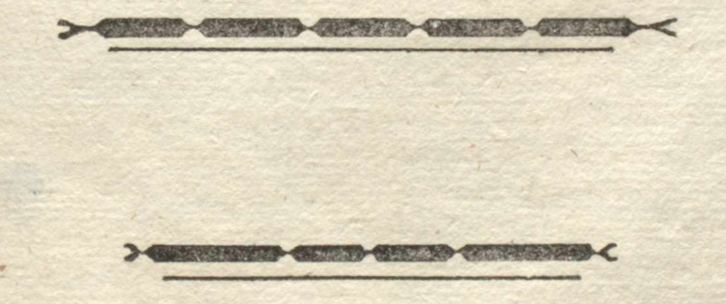
содержитъ его въ бодрости, чтобъ жить для упражненія, которое онъ избираетъ, и его любопытство, хотя оно въ началѣ болѣе занято предметами чувствъ и памяти, однако чрезъ то же собираетъ богатства для употребленія разума. Его начертаніе есть плодоносное дерево весною; оно пускаетъ крѣпкія вѣтьви, даетъ листы, отпроски и цвѣтъ. Безъ первыхъ не могутъ послѣднія родиться; но ежели бы всѣ цвѣты были съ плодами, то бы они крестьянину были въ тягость. Жестокое любопытство юноши не допускаетъ его до лѣностной праздности; и наконецъ хотя онъ есть чувственъ, однако притомъ такая тварь, которая свой голодъ легчайшимъ образомъ и простѣйшею пищею утолить можетъ безъ жалобы. Не зная спокойствій, которыхъ старость требуетъ и любитъ, терпѣливо принимаетъ на себя жестокой родъ жизни, когда оной съ желаніемъ его склонности согласенъ, и когда должность оной ему одобряетъ.

И такъ юношеское сердце подлинно имѣетъ опасныя страсти; однако они, когда хорошо изображаются и управляются, между собою въ услужности для его благополучія согласны. Ежели скупость, зависть, пронырство, обманъ, свирѣпость и жестокость рѣдко имѣютъ участіе въ юношескихъ склонностяхъ, то великое благополучіе для начертанія юноши. Общество, желаніе нравиться, подражать и друзей имѣть, смѣлость, честолюбіе, сострадательство, услужность суть по большей части малые ручьи, которые сердце юноши наводняютъ, чтобы оно могло

прино-

приносить плоды своего собственнаго благополучія и всеобщей пользы. Его пороки суть многіе; и однакожъ отъ воспитанія, которое онъ имѣетъ, и отъ него самаго зависитъ, оныя всегда болѣе подавлять, всегда болѣе мудрымъ, осторожнымъ, умѣреннымъ и лучшимъ становиться, и когда онъ заблаговременно свое сердце посвящаетъ вѣрѣ, себя предохранять отъ нарочныхъ пороковъ.

Такимъ образомъ, о юноша! исправляй свое сердце еще въ своихъ молодыхъ лѣтахъ; смотри всегда на премудрость, но болѣе еще на добродѣтель! представляй, что ничто щастливымъ не дѣлаетъ, какъ спокойствіе совѣсти, и что у тебя къ твоему благополучію никого не достаетъ, кромѣ тебя.

НАЧЕР-

НАЧЕРТАНІЕ ХИТРАГО КЛЕВЕТНИКА.

Оргонъ беретъ на себя видъ, будто онъ дарованія и заслуги почитаетъ, гдѣ оныя находитъ, и пороки лучше утаеваетъ, нежели открываетъ. Въ самомъ дѣлѣ ни въ комъ онъ не можетъ терпѣть заслугъ, и онъ бы никогда не примѣтилъ добродѣтелей другаго, ежели бы онъ чрезъ зависть и гордость не сдѣлался внимательнымъ къ онымъ. Онъ имѣетъ желаніе лучшимъ быть, нежели другіе; но онъ сердцемъ будучи развращенъ, хочетъ оныхъ превзойти чрезъ истинныя преимущества, и для того унижаетъ другихъ чрезъ истинныя и вымышленныя пороки, чтобъ тогда выше оныхъ вознестися. Подлое упражненіе! и однакожъ такое упражненіе, на которое Оргонъ свой разумъ и свою науку расточаетъ, и чрезъ которое онъ себѣ въ бесѣдахъ пріобрѣтаетъ имя остроумнаго, судящаго нравы, мудраго мужа.

Образъ, которой онъ даетъ своей клеветѣ, есть по большей части, похвальная рѣчь. Онъ удаляется словъ трогающихъ честь, и изъ словъ ругательныхъ избираетъ кротчайшія; но и не одни только слова̀ суть, чрезъ которыя онъ свои чувствія выражаетъ. Нѣтъ, онъ чрезъ удареніе го́лоса, съ какимъ оныя произноситъ, говоритъ то, что онъ притомъ думаетъ. Движеніе, размышляющій взоръ, потупленной глазъ, наморщенной лобъ, искусное движеніе рукѝ, все сіе въ немъ болѣе клевещетъ, нежели языкъ. Сего

Сего дня бесѣда хвалитъ Дамоново искусство, и нѣтъ никого краснорѣчивѣе Оргона. Онъ говоритъ рѣчь о Дамоновыхъ заслугахъ, чтобъ показать, что онъ заслугу знаетъ, и рѣдкую имѣетъ добродѣтель, преимущество другаго безъ зависти почитать и оному удивляться. Я, продолжаетъ Оргонъ, весьма много обязанъ ему и его проницательству; я знаю его, и тѣмъ болѣе мнѣ то оскорбительно, когда свѣтъ сему непорочному мужу съ стороны̀ добраго се́рдца дѣлаетъ попреки. Здѣсь молчитъ онъ. Вѣроятно, что важность и негодованіе на его челѣ дѣлаютъ попреки, и нѣкоторое обращеніе головы̀, которое, кажется, извиняетъ оныя, утверждаетъ подозрѣніе въ глазахъ присутствующихъ. Оргонъ довольно выигралъ. Онъ продолжаетъ удивляться разуму, искусству, учтивости Дамона, и еще не говоритъ ни сло́ва о его хорошемъ сердцѣ.

Конечно, слышимъ мы его попеременно говорящаго, Аминтъ есть дѣйствительно услужливой, чистосердечной мужъ; съ сей стороны̀ знаю его. Хотя онъ неостроумнѣйшій мужъ; однако непорочность есть всегда болѣе, нежели острота; и хотя онъ въ разсужденіи своего чина, какъ сказываютъ, не повышенъ; однако это не есть погрѣшность его се́рдца. Это правда, что медвѣдь въ басни, которой своему другу, человѣку хочетъ показать услугу любви, и на него неосторожно голову накладываетъ, есть опасный пріятель; однако искренность остается великою добродѣтелію. Доброй Аминтъ! сіе восклицаніе произноситъ онъ скорымъ двузнаменительнымъ

ударе-

удареніемъ голоса. Спрашиваютъ его, что свойственно Аминтову пороку? Онъ взираетъ на вопрошающихъ, поступаетъ, какъ бы онъ не слыхалъ вопроса, и чрезъ то отвѣтствуетъ на оной злѣйшимъ образомъ, какъ будто бы не отвѣтствовалъ на оной. Оргонъ знаетъ, что въ воображеніи можно болѣе присовокупить, нежели бы онъ сдѣлалъ.

Это извѣстно, говоритъ Оргонъ, что, когда предъ нимъ выхваляютъ краснорѣчіе духовнаго, онъ знатно проповѣдуетъ, и онъ достоинъ того, чтобъ имѣть сей знатной церьковной чинъ. Онъ почти есть другой Боссюетъ или Соринъ. По маломъ сравненіи между симъ Ораторомъ и Сориномъ, гдѣ онъ свое собственное показываетъ краснорѣчіе, продолжаетъ онъ съ словомъ *Но*, и останавливается. Господинъ Оргонъ, что вы имѣете, о чемъ сумнѣваетесь? — Ни о чемъ. Скажите пожалуйте, сами Боссюетъ и Соринъ должны ли были терпѣть попрекъ властолюбія и скупости; ибо кто можетъ допустить, чтобъ великіе мужи не имѣли пороковъ? — Поутру въ знатной бесѣдѣ говорятъ не въ пользу добродѣтели вышедшей за мужъ женщины. Оргонъ опасается говорить; но его размышляющее движеніе говоритъ болѣе, нежели какъ надобно, чтобъ утвердить подозрѣніе въ разсужденіи ея добродѣтели. Его нравоучительныя мнѣнія, кои онъ столь часто всѣваетъ: „ кто всегда будетъ вѣ-
„ рить худому о другомъ!„ — это есть человѣ-
„ ческое, другихъ столь долго почитать за хоро-
„ шихъ, сколь долго насъ печальная необходимость
„ не

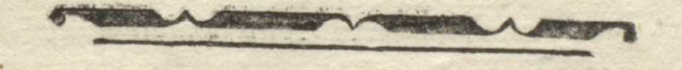
„ не научаетъ противному. „ — Легче примѣчать „ другихъ пороки, нежели свои добродѣтели. „ — „ Каждой имѣетъ свои недостатки; и тотъ есть „ наилучшей, которой малѣйшіе имѣетъ. „ — Должно пороки человѣческія покрывать и сносить; „ иначе чтобы была потачка и человѣколюбіе? „ „ — Слухъ увеличиваетъ, часто безъ того, чтобы „ хотѣли, то есть половину. „ — Всѣ сіи положенія, кои онъ искусно вкладывать умѣетъ, суть латы, посредствомъ которыхъ его отчаянная клевета укрыть себя надѣется.

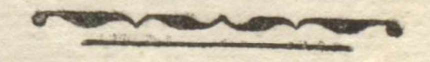
Клеантъ, сочинитель, имѣетъ похвалу свѣта, и имѣетъ оную по справедливости. Оргонъ сей похвалѣ ничего не умѣетъ противоположить въ сердцѣ, кромѣ того, что онъ ему не желаетъ оной. Сей сочинитель, говоритъ онъ, есть и мой любимецъ, и ктобъ не хотѣлъ его читать? Онъ пишетъ для разума, для остроты и притомъ для се́рдца, и пишетъ такъ тщательно, что онъ, какъ сказываютъ, почти отъ того лишился здоровья. Это не справедливо, будто у сего мужа нѣтъ довольнаго дохода. Великіе духи не должны принужденными быть, для денегъ писать и собою жертвовать половинѣ прибыли. Какое безчестіе для нашего столѣтія! — и такъ съ сею ревностною жалобою, своего любимца, писателя, дѣлаетъ корыстолюбивымъ сочинителемъ и его похвальныя сочиненія плодами голоднаго желудка.

Оргонъ, сей магистръ имѣетъ еще тончаѣ мнѣнія, нежели тѣ, о коихъ уже сдѣлано

лано разсужденіе. Онъ свое клеветническое Но не всегда не посредственно дѣлаетъ слѣдствіемъ своей похвалы. Нѣтъ, онъ сего дня и завтре чрезъ излишнія похвальныя слова дѣлаетъ тайныя расположенія для уменьшенія Монтана, и рѣшеніе слѣдуетъ во первыхъ, когда онъ бесѣды пріобрѣлъ для выгоды чистосердечія и любви къ истиннѣ; оно слѣдуетъ часто во первыхъ послѣ нѣсколькихъ недѣль и мѣсяцовъ. Монтанъ, которой ищетъ руки любви достойной женщины, былъ доселѣ въ устахъ Оргоновыхъ наилучшей мужъ. Сего дня случается рѣчь о той особѣ, которой онъ себѣ желаетъ, и которой ему Оргонъ не желаетъ. Вынимаетъ нѣжное стихотвореніе, которое Монтанъ давно уже на женщинъ сочинилъ, и читаетъ оное великодушно. Бьютъ въ руки. Но какъ, господинъ Оргонъ, сіе стихотвореніе на Дориду, которой конечно Монтанъ ищетъ? Не все до нее относится такъ? Продолжаетъ онъ читать, улыбаясь и шутя, какъ будто бы на двухъ мѣстахъ не испытали его щастія? Это есть преимущественное право стихотворства. Спросите Монтана, на кого оно? Довольно того, что оно прекрасно. Другіе вопросы не надлежатъ до насъ, но до судилищнаго мѣста любви. Съ сею холодною шуткою достигнулъ онъ своего намѣренія. Монтана почитаютъ за непостояннаго и коварнаго. Не успѣетъ лишъ Оргонъ увидѣть сего хорошаго дѣйствія, запечатываетъ подозрѣніе однимъ: „ но не измѣняйте меня, мои красавицы!„ часто сей разговоръ наклоняетъ на нѣкоторыя лицы, коихъ пороки отъ части извѣстны, и

молчитъ, какъ скоро другіе званіе клеветы приняли на себя. Между тѣмъ говоритъ онъ чрезъ улыбку, чрезъ палку, которую то къ губамъ прижимаетъ, то съ мыслями ее разсматриваетъ, чрезъ единосложное такъ? Какъ? Что? Онъ говоритъ, сказываю, молча все худое о другомъ, чего оныя не успѣютъ громко сказать; и такимъ образомъ у многихъ пріобрѣтаетъ себѣ заслугу остроумнаго и справедливаго мужа; онъ, которой есть завистливой клеветникъ, есть такая тварь, которую Сирахъ полагаетъ еще выше похитителей.

ЛОЖНОЙ СТЫДЛИВОЙ, КОТОРОЙ СУЩЕСТВЕННОЮ БЛАГОПРИСТОЙНОСТІЮ ЖЕРТВУЕТЪ ВООБРАЖАЕМОЙ.

Адрастъ, честолюбивой юноша, старается себя въ обхожденіи съ знатными исправить, и себѣ пріобрѣсть друзей и споспѣшниковъ. Его хорошее движеніе одобряетъ его, и его живность препровождаемая нѣкоторою скромностію, такъ какъ его чинъ открываетъ ему входъ въ знатныя бѣседы. Онъ краснѣетъ отъ малѣйшаго порока безразсудности или незнанія, которой отъ него въ разсужденіи благопристойности скрытъ. Но будучи чрезмѣрно желателенъ, похвалу имѣть и чрезмѣрно слабъ, отвращеніе сносить, часто ложно признаетъ честь за истинную, и оною жертвуетъ стыдливости; онъ любитъ *истинну* и никогда съ холоднымъ сердцемъ не будетъ говорить неправду; но, какъ скоро онъ начнетъ расказывать въ бесѣдахъ, расказываетъ невѣрно, увеличиваетъ, уменьшаетъ, оставляетъ обстоятельства, прелагаетъ оныя изъ великаго желанія, ничего вседневнаго не расказывать; и вредитъ истинну, чтобъ пріобрѣсть похвалу пріятнаго и красноречиваго собесѣдника. Онъ часто, когда бываетъ наединѣ, себѣ попрекаетъ за сей порокъ и скоро опять въ оной впадаетъ въ шуму бесѣдъ. Онъ имѣетъ столько вѣры, что онъ презрѣлъ бы *молитву*; но онъ видитъ, что многіе теперь изъ застола встающіе суть знатны, кои руки складываютъ къ молитвѣ. Онъ бы подималъ

нималъ съ охотою оныя; но, думаетъ онъ, что будутъ разсуждать о твоемъ благоговѣнiи? Почтутъ за нелюдима, за лицемѣра, или за человѣка не знающаго свѣта. И онъ ужѐ съ благопристойностiю не чувствительно опускаетъ рўки; онъ есть врагъ великихъ безпорядковъ, и ненавидитъ *пьянство*. Знатной съ рюмкою въ рукѣ потчиваетъ его чрезъ прозьбу и желанiе здоровья. Онъ стыдится сему мужу сопротивляться; это было бы неучтиво; и чтобъ не быть неучтивымъ, обезчесчиваетъ свой разумъ чрезъ принужденной хмель, и ввергается въ опасность болѣзни, или порока соединеннаго съ виномъ. — Говорятъ въ бесѣдѣ досадное двузнаменительное слово. Оно не нравится Адрасту; но онъ *принуждаетъ себя тому съ ними смѣяться*, чтобъ отъ безстыднаго глаза не терпѣть попрека, что онъ столько былъ простъ, что его не понялъ. — Онъ дѣлаетъ ошибку въ танцованiи. О какъ это ему досадно! но чтобъ загладить свой проступокъ, говоритъ онъ въ жару женщинѣ острыя безстыдныя слова, и такимъ образомъ опять на себя принимаетъ прежнюю важность. — Онъ впадаетъ въ порокъ неосторожности въ игрѣ, стыдится, выкупаетъ оной чрезъ проклятiе, и не стыдится. — Адрастъ гнушается имени противорѣчущаго, которое въ бесѣдахъ есть столь ненавистно. Немилосердо ругаются надъ пороками Аминта, которые еще сверьхъ того ему только ложно приписываютъ; и это оскорбляетъ Адраста, что онъ не долженъ имъ сопротивляться. Но знатная клеветница взираетъ на него прилѣжно, и ужѐ похваляетъ его чрезъ движенiе, хотя его сердце въ томъ

противорѣчитъ; и какъ только Клелія спрашиваетъ его въ слухъ: Адрастъ, или вы не слыхали сего? То онъ изъ ложной стыдливости становится клеветникъ, и говоритъ, слышалъ. — Адрастъ не есть хвастунъ; но изъ заботы, что онъ не столь богатъ, какъ другіе ходитъ, сего дня становится расточителемъ въ платьѣ, и на утро чрезъ честолюбивую щедрость полагаетъ основаніе къ худому домостроительству — Что препятствуетъ Адрасту себя отъ сей несправедливой стыдливости, которая есть непріятельница добродѣтели, освободитъ? Когда онъ хочетъ быть чистосердечнымъ: то можетъ онъ легко видѣть, что онъ не столько старается о хорошихъ нравахъ, сколько о славѣ оныхъ. Изъ сего источника проистекаетъ порокъ его начертанія, и сей долженъ онъ прежде затворить. Онъ въ своей жизни отдаетъ себя во власть мнѣнію свѣта; и однакожъ онъ знаетъ, что истинное достоинство или истинное безчестіе поступка не зависитъ отъ мнѣній. Его остроумное двузнаменительное слово, его удачно сдѣланное проклятіе, его безъ разума хмель бываетъ ли чрезъ всю похвалу позволены, или хороши? Что есть благороднѣе? Примѣру ли блистающаго обыкновенія, которое знатные защищаютъ, или закону своей совѣсти слѣдовать? Но я лишусь похвалы другихъ знатныхъ? — Такъ я лишаюсь! это есть честь и благополучіе для тебя; ибо похвала, которая глупость вѣнчаетъ, хотя бы она происходила изъ устъ Короля или Княгини, героя или ученаго, есть всегда безчестіе. Хочешь ли ты испытать сіе, Адрастъ? Ты сего дня изъ ложной стыдливости посту-

поступилъ противъ угроженія твоей совѣсти и твоего увѣренія. Вся бесѣда за то тебя наградила своимъ почтеніемъ. Ну, лягъ на свою постелю въ вечеру съ размышленіемъ, и представь себѣ свою смерть, которая въ сію ночь можетъ случиться. Разсуждай о *попрекахъ*, которые тебѣ дѣлаетъ твое собственное сердце; разсуждай о *голосахъ похвалы*, которыми тебя бесѣда почтила. Жалоба твоея внутренности престаетъ ли чрезъ сіе размышленіе, мнѣ удивлялись, и съ пріятностію и благодареніемъ за мою учтивость изъ бесѣды провожали? Положимъ, чтобы высочайшій духъ былъ около твоей постели, и ты бы его спросилъ, что онъ думаетъ о твоемъ состояніи; то вотъ, чтобы онъ, какъ вѣроятно, тебѣ отвѣтствовалъ: бѣдной, честолюбивой и обманутой Адрастъ! ты стыдишся людямъ не нравиться; но не лучшель сказать, не нравишся ты самъ себѣ? Ты ищешь чести у людей; а честь у Творца человѣковъ презираешь? Ты дѣлаешь себя нечувствительнымъ въ разсужденіи непозволеннаго; что есть твое безчестіе. Ты повинуешся похвалѣ бѣдныхъ и глупыхъ; но учрежденію божеской премудрости сопротивляешся? Сіе естьли твоя честь? Ты имѣешь весьма подлое сердце, честолюбивый юноша! и когда тебѣ нужды нѣтъ становиться умнѣе: то ты скоро будешь имѣть весьма худое сердце. Ищи похвалы разумныхъ, но никогда противъ гласа твоей должности; ибо истинная благопристойность въ обхожденіи никогда не можетъ быть противна законамъ разума и вѣры. Знатной, котораго похвалы ты теперь домагаешся, въ скоромъ времени превратится въ

ту же пыль, въ которую ты. Почитай свое состояніе, въ которомъ тебя провидѣніе поставило; но не почитай своихъ глупостей и пороковъ, и знай, что высочайшая похвала свѣта, купленная чрезъ нарочное преступленіе, на тебѣ есть клеймо глубочайшей подлости.

****

ГОРДОЙ СМИРЕННОЙ.

Нѣтъ порока, которой бы намъ въ другомъ былъ досаднѣе, какъ гордость; и которой бы мы сами себѣ легче позволяли, или менѣе въ себѣ примѣчали, какъ она же. Такъ и нѣтъ почти добродѣтели, которой въ насъ заслугу показавшіе люди столько удивляются, и которая однакожъ къ нашему сердцу труднѣе приходитъ, какъ смиреніе. Для сихъ причинъ хорошо воспитанные люди запрещаютъ себѣ нападенія гордости, свѣту несносныя, и однакожъ часто не зная, питаютъ оную въ себѣ; и для сихъ причинъ принимаютъ они черты смиренія, безъ того чтобъ принимать онаго свойства. Мы то есть предъ самими собою не можемъ отвергать, что смиреніе для столь недостаточныхъ тварей, каковы мы, есть нѣчто весьма благопристойное, и нужная добродѣтель; но довольно оно насъ унижаетъ. Мы, когда разсуждаемъ, не можемъ того отвергать, что гордость для столь порочныхъ тварей, каковы мы, есть нѣчто непристойное и уродъ сердца; но довольно, она намъ ласкательствуетъ, и для того не можемъ мы ее столь охотно отъ нашего сердца отдалить; и для того мы себя

столь часто обманываемъ, когда думаемъ, что мы ее отдалили. *Антеноръ* разумной мужъ ненавидитъ гордости, и почитаетъ себя за смиреннаго. Онъ знатнаго рода, и никогда не гордится своимъ рожденіемъ. Глупо, говоритъ онъ, гордиться преимуществомъ, которое мы не сами отъ себя получили. Ежели говорятъ, что благородство нашихъ отцевъ бываетъ преимуществомъ для насъ: то мы оное должны чрезъ заслуги дѣлать нашимъ собственнымъ. Онъ въ своей жизни снисходителенъ и милостивъ къ низщимъ, скроменъ и почтителенъ къ вышшимъ, и однакожъ притомъ тайно тѣмъ гордъ, что онъ таковъ есть. Ежели не смотрятъ и не почитаютъ его униженность: то онъ становится скучливъ и холоденъ; и опять онъ становится тѣмъ скромнѣе и милостивѣе, чѣмъ болѣе удивляются его милости, его платье есть не менѣе, какъ ослѣпляющее. Платье, говоритъ онъ, есть нѣчто смѣха достойнѣйшее изъ всѣхъ ложныхъ заслугъ; и когда я не при дворѣ живу: то наилучшее великолѣпіе есть для меня чистота. И такъ онъ одѣвается покупечески, и однакожъ онъ бы могъ по своему достатку одѣваться покняжески. Онъ заслугѣ въ небогатомъ платьѣ оказываетъ такое же почтеніе, какое заслугѣ въ богатомъ. Между тѣмъ съ охотою на то смотритъ, когда примѣчаютъ сіе его въ платьѣ смиреніе, и онъ рѣдко ходитъ въ тотъ домъ, гдѣ его нѣкогда попрекнули, что его небогатое платье есть тайная гордость. — *Антеноръ* весьма презираетъ *титлы*, и гнушается похвальныхъ словъ; и въ томъ и въ другомъ поступаетъ искренно; но сей же Антеноръ, которой титлы ему принадлежащіе

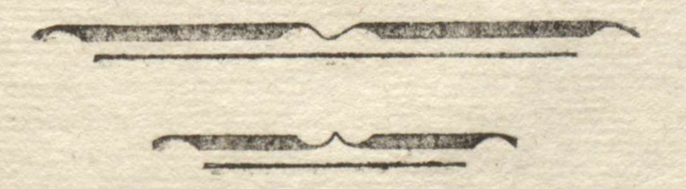
щія не любитъ слушать, которой гнушается явнаго ласкательства, никогда не принимаетъ превосходной похвалы, съ скукою взираетъ на рабское поклоненіе, есть однакожъ въ сердцѣ весьма жаденъ къ тонкой съ разумомъ и скромностію дѣланной похвальной рѣчи. Остроумное и сокровенное удивленіе восхищаетъ его; и его восхищеніе отъ того, хотя онъ старается его скрыть, однако весьма ясно открывается, когда онъ его то съ благодарностію пріемлетъ, то милостиво отъ себя отдаляетъ; онъ и въ другихъ знаетъ уже весьма почитать оказывающіе честь и почтеніе виды. Я, говоритъ онъ, сего мужа, которой по видимому весьма меня почитаетъ, не могу слушать; потому что ни въ его голосѣ, ни въ его движеніи нѣтъ разума. И такъ Антеноръ въ томъ поставляетъ свое смиреніе, что онъ не хочетъ, чтобъ ему глупцы и болтуны и ласкатели удивлялись. Но однакожъ хочетъ, чтобъ ему удивлялись; и это есть смиреніе? Наружные, досадные и двузнаменительные знаки почтенія оказывать для него, не есть удовольствіе; онъ желаетъ тончайшихъ и надежнѣйщихъ. Кто можетъ сіе порицать? Но сіе и не заслуживаетъ ли порицанія, что онъ симъ знакамъ высокопочитанія въ своемъ сердцѣ гораздо вящщее достоинство придаетъ, нежели какое имъ прилично; что оные дѣлаетъ послѣднимъ концомъ своихъ дѣйствій, и все дѣлаетъ только въ томъ намѣреніи, чтобъ себя объ оныхъ увѣрить; что того, кто ему не оказываетъ знаковъ почтенія, тайно презирать начинаетъ, и бѣгаетъ обхожденія съ непорочнымъ и заслуги исполненнымъ мужемъ, для того что онъ его только рѣдко,

ко, или совсѣмъ не хвалитъ? И такъ что кажется быть Антеноревою скромностію и смиреніемъ, то въ самой вещи есть подлинная гордость; это есть только тончайшей вкусъ оной. Онъ знаетъ свои пороки, да и онъ признается въ оныхъ; но для того только, чтобъ тайно можно было дать свидѣтельство, что онъ лучше другихъ; а другихъ побудить, чтобъ они тѣмъ болѣе хорошаго объ немъ говорили и думали. Однако мы не обижаемъ ли его? Я не думаю. Для чего говоритъ онъ столь часто о своихъ порокахъ, и для чего однакожъ онъ столь много старается оныя удалить отъ глазъ зрителей? Онъ въ своемъ домѣ вспыльчивъ, и тогда жестокъ въ разсужденіи своихъ слугъ, и за малой порокъ; но когда онъ имѣетъ бесѣду, въ такую запалчивость не приходитъ чрезъ вящщее преступленіе слуги. — Антеноръ можетъ сносить порицаніе. Въ его платьѣ, его покояхъ, въ его садахъ пересуди что нибудь. Онъ слушаетъ то съ кроткою улыбкою, и утверждаетъ критики другаго, когда онѣ основаны, хотя онъ весьма рѣдко исправляетъ пороки. Напротивъ того ежели осуждаютъ его за что нибудь въ его библіотекѣ, и хвалятъ всѣ его зданія и сады: то Антеноръ становится ужѐ тише и постояннѣе. Ежели удивляются его библіотекѣ и превосходному избранію книгъ: то онъ есть милостивѣйшій ученой. Ежели не довольно удивляются воспитанію, которое Антеноръ прилагаетъ къ своимъ дѣтямъ: то онъ бываетъ глубокомысленъ. Его супруга не есть прекрасна, и пріятна; но болѣе противнаго тому имѣетъ. Однако онъ рѣдко безъ нее бываетъ въ бесѣдѣ, и онъ есть наи-

пріятнѣйшей и дружелюбнѣйшей супругѣ въ разсужденіи ея. Она обожаетъ его, и онъ сноситъ ея пороки безъ того, чтобъ уменьшить свою любовь. Мы должны, говоритъ онъ, имѣть терпѣніе въ разсужденіи тѣхъ, отъ которыхъ мы въ равномъ случаѣ желаемъ потачки. Я люблю свою жену не за разумъ, но за добродѣтель. Да и, Антеноръ, можетъ быть для того, что она обожаетъ тебя предъ глазами всего свѣта, и хвалитъ твою великодушную любовь — Антенoръ имѣетъ науки; и онъ тѣмъ столь мало хвастается, сколь своимъ богатствомъ. Не должно, говоритъ онъ, своею премудростію гордиться; и никогда другихъ чрезъ свои проницанія унижать, но должно безъ того, чтобъ они свой недостатокъ чувствовали, имъ въ бесѣдѣ помогать, разсуждать и чувствовать. Антенoръ, когда случай дозволяетъ, сказываетъ свое мнѣніе; но со тщательною скромностію. Однако сколь жарокъ бываетъ чрезъ первое противорѣчіе! долженъ ли онъ только то знать, какъ его лице измѣняется, какъ повелительнымъ становится его голосъ, сколь жестокія и угрожающія произноситъ слова: *когда я не очень заблуждаю, да и я могу грѣшить; но — Нѣтъ, я не хочу ничего рѣшить.* Въ другой разъ тихъ становится, сколь скоро противорѣчатъ ему, и онъ долго находится въ великихъ мысляхъ, и опровергаетъ, или презираетъ чрезъ молчаніе. Между тѣмъ можетъ онъ все порицаніе вскорѣ позабыть. Ежели сомнѣваются о его проницательствѣ: онъ возвращается, и побѣждаетъ вопрекъ. Ежели напротивъ того сомнѣваются о его скромности и смиреніи; нѣтъ, говоритъ онъ,

не

не должно у меня похищать добраго сердца. Я ненавижу гордость въ другихъ; долженъ ли я оную самъ себѣ позволить? Быть мужемъ заслуги показавшимъ и притомъ гордымъ мужемъ, значитъ не имѣть вящщей заслуги. И я сомнѣваюсь Антеноръ, чтобъ ты имѣлъ сію заслугу; но ты только хочешь себя и другихъ увѣрить словами, что ты оную имѣешь, по тому что смиренïе любви, а гордость ненависти суть достойны; а ты весьма честолюбивъ. Ты долженъ то знать, что ты имѣешь предъ другими преимущества, и долженъ того домагаться и надлежащее почтенïе отъ другихъ принимать; сïе не препятствуетъ смиренiю. Но тебѣ и то надобно знать, что смиренïе свое жилище имѣетъ въ сердцѣ а не въ наружныхъ поступкахъ, и что это одинакого рода есть гордость, когда ты обожаешь себя для своего разума и добродѣтелей, или для своихъ естественныхъ дарованïй и благихъ щастïя. Ежели ты добро, которое въ себѣ имѣешь, не почитаешь за незаслуженной даръ Провидѣнïя, и не признаешь своего многоразличнаго недостатка: то отрекисъ наружно еще столько же своего достоинства; ты не смиренъ ни въ разсужденiи Бога, ни въ разсужденiи людей, ты уродъ нравоученïя, ты гордой смиренной.

МУЖЪ,

МУЖЪ, КОТОРОЙ СВОЮ ДОЛЖНОСТЬ НАБЛЮДАЕТЪ БЕЗЪ ТОГО ЧТОБЪ ОНЪ СОВСѢМЪ ЖИЛЪ ДЛЯ СВОЕЙ ДОЛЖНОСТИ.

Евсевій, духовной въ той странѣ, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ порокахъ, ни въ естественныхъ дарованіяхъ, точно по общественному званію отправляетъ свою должность, живетъ не соблазнительно, и хорошо правитъ своимъ домомъ. Чтобъ узнать, его родъ жизни согласенъ ли съ начертаніемъ духовнаго; разсмотримъ оной съ его различныхъ сторонъ и въ его каждыхъ чертахъ. Евсевій рѣдко допускаетъ кого нибудь вмѣсто себя проповѣдывать; нѣтъ, говоритъ онъ, я къ тому призванъ, чтобъ самому наставлять свое общество, и къ страху Божію возбуждать. Я въ субботу въ одинъ или два часа слагаю наибольшую часть моей проповѣди и притомъ, когда я ее пишу, затверживаю наизусть многие выраженія. Я не имѣю нужды проповѣдывать ученымъ. Въ самомъ дѣлѣ его слушатели охотно слушаютъ. Къ наставленію Христіанъ, говоритъ онъ, я не имѣю нужды прилисать я. Какое нещастіе для меня и моего званія, когда я начальныя положенія вѣры съ ихъ доказательствами не всѣ вмѣстилъ! трудъ употребляемой при исповѣди, для его не большаго общества есть не великъ, и его званіе рѣдко зоветъ его къ постелѣ больнаго. Ежели это случается: то онъ столь же скоро туда поспѣшаетъ, сколь скоро въ Воскресный день на богослуженіе. У Евсевія званіе не весь-

ма

мя прибыльно, и получаетъ большую часть своихъ доходовъ отъ хлѣбопашества, къ которому онъ самъ стараніе прилагаетъ. Между тѣмъ бы доходы, когда бы онъ землю и на откупъ отдалъ, довольны были его семью, состоящую изъ четырехъ человѣкъ, содержать. Однако онъ самъ правитъ сею частію дома, и предлагаетъ, что онъ въ выгодѣ, которую бы откупщикъ справедливо получилъ, нужды и не имѣетъ; и что слѣдовательно есть часть его должности, быть домостроителемъ. Вся сторона хвалитъ его хлѣбопашество, его скотоводство и его не большой заводъ овечій. Онъ въ сосѣдствѣ имѣетъ не большую деревню, которая его женѣ по наслѣдству досталась. Ежели бы я оную купилъ, говоритъ онъ, то бы я изъ того себѣ нажилъ поврекъ. Но она принадлежитъ моей женѣ и моимъ дѣтямъ. Для сихъ могу я держать учителя, и мою большую дочь, которую я отдалъ жить къ моей сродницѣ, воспитать по городскому обыкновенію. — Его духовные дѣти охотно его имѣютъ при заключеніи договора, и часто въ своихъ домашнихъ дѣлахъ требуютъ у него совѣта. Онъ служитъ имъ своимъ искусствомъ и своими проницаніями, ссужаетъ ихъ не большею суммою за умѣренной ростъ; продаетъ свой хлѣбъ, когда онъ въ хорошей цѣнѣ находится, дѣлаетъ щетъ въ домашнихъ расходахъ и приходахъ; ибо ктобъ иначе оной дѣлалъ? И такимъ образомъ по большей части симъ занятъ бываетъ болѣе недѣли. Евсевій живетъ ли по сему описанію дѣйствительно для своего званія, или отправляетъ онъ свое званіе не болѣе ли для того,

чтобъ

чтобъ жить? Попеченіе о духовномъ благосостояніи своего общества есть ли во всемъ чертежѣ его главной конецъ? Когда онъ домостроительствомъ столь много дней, а отправленіемъ своего званія столь мало часовъ занятъ бываетъ: то сіе не подозрительно ли? Не благопристойнѣе ли бы было, чтобъ онъ свою деревню отдалъ на откупъ, и поберегъ свой расходъ на учителя, когдабъ онъ своихъ дѣтей самъ училъ? Упражненіе, которое бы у него гораздо менѣе времени отняло, нежели сколько теперь похищаетъ домостроительство? Оно по его званію не есть ли важнѣйшая должность? И онъ имѣя столь много остающагося времени, поручаетъ сію должность другому, которому онъ еще притомъ плату давать долженъ? — Что Евсевій въ одинъ или въ два часа можетъ сложить не несозидательную проповѣдь, мы повѣримъ. Но онъ не былъ ли бы еще поучительнѣе, яснѣе, порядочнѣе и созидательнѣе въ своемъ предложеній, ежели бы онъ еще болѣе времени употребилъ на свою рѣчь; времени, которое ему упражненія его званія довольно позволяютъ? Не приказываетъ ли его званіе, чтобъ онъ каждой день испытывалъ священное писаніе, и хорошія книги читалъ, чтобъ свой проницанія умножить, свое предложеніе оживить, и законъ не столько въ память, сколько въ непросвѣщенной разумъ своихъ слушателей и въ ихъ сердце тѣмъ удачнѣе вперить? Онъ не имѣетъ говорить для ученыхъ слушателей; такъ долженъ ли онъ безъ тщанія говорить? Не говоритъ ли онъ предъ людьми, которыхъ онъ для вѣчности мудрыми сдѣлать долженъ, и которые по большей части съ

своимъ

своимЪ сердцемЪ только кЪ временному привязаны? ОнЪ стыдится припасаться кЪ своему катихисису; и онЪ однакожЪ долженЪ знать, что сіе наставленіе, когда онЪ своего конца достигнуть долженЪ, требуетЪ тщательнаго употребленія разума, и что одинЪ поучительной катихисисЪ болѣе пользы созидаетЪ, нежели десять его наилучшихЪ проповѣдей. Развѣ бы это не была должность тщательняго духовнаго, каждой день вЪ своей деревнѣ часЪ времени посѣтить школу, и постараться, чтобЪ дѣти сЪ большимЪ разумомЪ вЪ законѣ были наставляемы? ОнЪ имѣетЪ мало умирающихЪ, которые нужду имѣютЪ вЪ его званіи; но можетЪ быть напротивЪ того болѣе живущихЪ, которыхЪ безпечность и порокЪ званія его не требуютЪ. ТребуютЪ у него совѣта вЪ домашнихЪ вещахЪ; но для чего не лучше вЪ дѣлахЪ закона и нравовЪ? Гдѣ суть вЪ упражненіяхЪ его званія, дѣйствія любви и благотворительства? Гдѣ бѣдные, за которыхЪ онЪ проситЪ, или которымЪ онЪ старается дать дѣло? ОнЪ свою дочь воспитываетЪ во нравахЪ городскихЪ, и на то употребляетЪ часть своего имѣнія, сколь бы согласнѣе сЪ священствомЪ поступалЪ, ежели бы онЪ поберегЪ свой расходЪ, чтобЪ не быть управителемЪ, и свою бы дочь лучше вЪ своемЪ домѣ разумно и добродѣтельно воспитывалЪ, и попеченіе о домостроительствѣ поручилЪ своей супругѣ? ОнЪ есть примѣрЪ домовитаго мужа; но не есть примѣрЪ совѣстнаго духовнаго. Не долженЪ ли онЪ, хотя бы сто талеровЪ вЪ годЪ чрезЪ то потерялЪ, что онЪ свое хлѣбопашество другому уступилЪ, оное сЪ радостію оплать,

чтобЪ

чтобЪ свое время употребить на свое званіе, на законЪ и спасеніе ХристіанЪ? Не долженЪ ли онЪ при разумной бережливости и при истинной ревности для своей важной должности смѣло уповать на Бога, что онЪ его и его потомковЪ не попуститЪ ходить по міру? МожетЪ ли онЪ истинно сказать: я живу и пекусь, чтобЪ я сЪ радостію званіе отправлялЪ, которое мнѣ Господь поручилЪ, кажется, что Евсевій не есть управляемЪ отЪ свойства его званія, когда мы его жизнь разсматриваемЪ; но онЪ наблюдаетЪ свое званіе болѣе за тѣмЪ, чтобЪ можно было жить.

КОНЕЦЪ

ПОГРѢШНОСТИ

стран.	НАПЕЧАТАНО	ЧИТАЙ
4	побудить вѣрить	побудить, вѣрить
—	не знять какъ	не знать, какъ
—	есть исполнять	есть, исполнять
7	изыскивать онуюу	изыскивать. Онуюу
10	способныхъ наукъ	свободныхъ наукъ
15	не общественное	необщественная
17	изображенныя заключать	изображенныя, заключать
20	тысячи тѣ	тысячи тѣхъ
21	удовольствіи чрезъ	удовольствіи. Чрезъ
22	животныхъ	животнымъ
—	и поелику	и какъ
—	рѣдкія изъ собственныхъ плодовъ растутъ для пищи;	рѣдкія растутъ между плодами, собственно надлежащими до пищи;
—	то дикіе	такъ дикіе
—	въ рожденныхъ	врожденныхъ
—	скотомъ	скотамъ
24	познаетъ	познае́тъ
—	жаждущую	зиждущую
—	основывая	основала
—	одѣяніемъ, на горахъ	одѣяніемъ. На горахъ
—	побѣгли отъ гласа	побѣгли, отъ гласа
—	источника	источники
25	о дѣлѣ своихъ	о дѣлѣхъ своихъ
—	яко взываетъ	яко, взываетъ
—	столь многоразличенъ. Есть	столь многоразличенъ, есть
32	непосредственно	не непосредственно
36	познаютъ	познаетъ
37	незабывали?	не забывали!
38	теперь	теперь
39	своихъ желеній	своихъ желаній
41	тронутъ свою	Тронутъ, свою

НАПЕЧАТАНО		ЧИТАЙ
стран.		
49	не сносное - - - - -	несносное
58	во ображенія - - - -	вообраденія
61	души - - - - - - -	душй
63	ра положеніи - - - -	разположеніи
—	зла - - - - - - - -	зло
—	необходиыя - - - -	необходимыя
65	ду́ши - - - - - - -	душй
78	пріятелемЪ - - - -	пріятелямЪ
81	пото́мЪ что - - - -	потому что
82	смиреннымЪ - - - -	вЪ смиренномЪ
91	благополучными поколику, они - - - -	благополучными, поколику они
136	он - - - - - - - -	они
150	симЪ строгимЪ - - -	симЪ порокамЪ
—	наипоспѢйшая - - - -	наиопаснѢйшая
151	нанужаснѢйшей - - -	наиужаснѢйшей
162	нежели сіе? - - - -	нежели сіе:
—	я чувствую - - - -	я нахожу
167	другЪ и длятого - -	другЪ, и длятого
184	встрѢчаютЪ благоразумно - - - - - -	встрѢчаютЪ, благоразумно
201	вЪ намѢреніи, чтобЪ купить мои старанія чрезЪ то, безконечно есть высокЪ. - - -	совсѢмЪ не имѢетЪ толь подлаго намѢренія, чтобЪ чрезЪ оныя купитЪ мои старанія.
202	хотябЪ я имѢлЪ - - -	хотябЪ то имѢло
220	дай - - - - - - - -	да и
245	легковеренЪ - - - -	легковѢренЪ

